

ИСТОРИЯ ГИТАРЫ

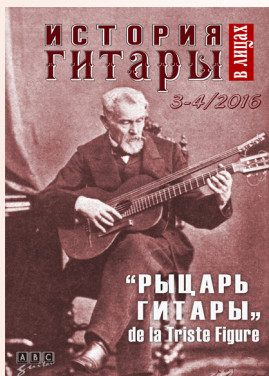
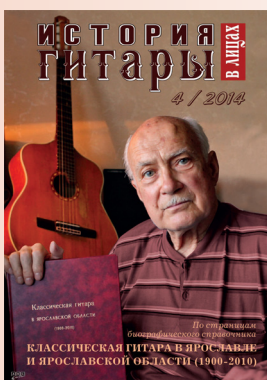
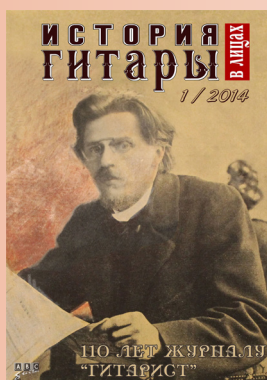
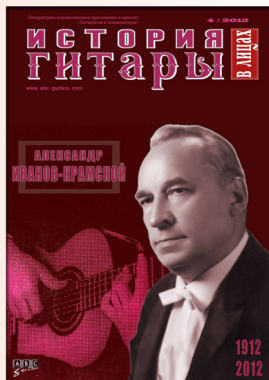
В ЛИЦАХ

1 / 2017

А Б С Ж С Ё Н О В

ПРЕДЫДУЩИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА «ИСТОРИЯ ГИТАРЫ В ЛИЦАХ»

Выходит с марта 2012 года
Сайт журнала — www.guitar-times.ru

На первой странице обложки:
Соколов П. Ф.
Портрет гитариста С. Н. АКСЁНОВА.
1820-е гг.

ИСТОРИЯ ГИТАРЫ

В ЛИЦАХ

www.abc-guitars.com - www.guitar-times.ru

Семён Николаевич АКСЁНОВ (1784-1853)

Биографические поиски и исследования,
новые находки, документальные свидетельства
и материалы

— *Часть первая* —

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 2** Вместо предисловия: несколько слов о пользе истории (В. А. Русанов).
- 3-18** Виктор ТАВРОВСКИЙ. Неизвестные и неизученные страницы биографии С. Н. Аксёнова.
- 19-22** Поколенная роспись рода С. Н. Аксёнова.
- 23** Служебная карьера С. Н. Аксёнова (1801-1833): Таблица.
- 24-25** Михаил СТАХОВИЧ об Аксёнове: Из «Очерка истории семиструнной гитары» «Москвитянин», 1854, Т. IV, № 13, отд. «Смесь», с. 1-17.
- 26-29** Виктор ТАВРОВСКИЙ. Послесловие и комментарии.
- 31-33** Из воспоминаний Екатерины Ивановны РАЕВСКОЙ.
«Исторический вестник», т. LXXIV (74), декабрь, 1898, стр. 969-971.
- 34-36** С. П. ЖИХАРЕВ об Аксёновых: по «Дневнику студента» (из «Записок современника»).
- 37-39** Из писем Анны Петровны БУНИНОЙ к племяннику ее М. Н. Семёнову.
«Русский Архив». 1908, кн. I, вып. 4. С. 531-533.
- 40-47** Виктор ТАВРОВСКИЙ. Редкий портрет Семёна Николаевича Аксёнова.

- 48-52** Анна ИЛЬИНА. Из «Двух замечательных событий художественной жизни Анны Павловны Ильиной» (М., 1878).
- 53-59** Виктор ТАВРОВСКИЙ. Всеволожский и Аксёнов.
- 60-67** Виктор ТАВРОВСКИЙ. Последний приют корифея русской гитары.
- 68-72** Борис ВОЛЬМАН. Ноты начала XIX века. Глава I из книги «Русские нотные издания XIX – начала XX века» (Л., Музыка, 1970. С. 5–31).

ИСТОРИЯ ГИТАРЫ В ЛИЦАХ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ГИТАРИСТОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛОВ

Главный редактор
В. В. Тавровский

Выпуски
литературно-художественного приложения к проекту «Гитаристы и композиторы»
«История гитары в лицах» распространяются только в сети Интернет в формате PDF.

Исключительное право
на распространение журнала принадлежит проекту
«ГИТАРИСТЫ и КОМПОЗИТОРЫ»

ИЗДАНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СРЕДСТВОМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (СМИ)

www.abc-guitars.com
www.abc-guitar.narod.ru
Сайт журнала: www.guitar-times.ru

E-mail:
nc20@bk.ru
guitar@abc-guitars.com

© «Гитаристы и композиторы»,
В. В. Тавровский, 2017

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ И/ИЛИ ЦИТИРОВАНИИ (ПОЛНОМ ИЛИ ЧАСТИЧНОМ) МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА ССЫЛКА ОБЯЗАТЕЛЬНА.
В интернет-публикациях обязательно наличие активной гиперссылки на сайт guitar-times.ru,
не закрытой для индексирования.

«Каждому музыканту необходимо знать историю своего инструмента. На опыте прошлого зиждется настоящее и создается будущее. История музыки и своего инструмента имеет такое же образовательное значение, как и история человеческой культуры.

История и успехи каждого инструмента до известной степени обуславливаются индивидуальностью его представителей. Поэтому знакомство с биографиями композиторов и виртуозов так же необходимо, как и изучение их сочинений».

Валериан Алексеевич РУСАНОВ.

Гитара и гитаристы:

*Исторические очерки. Гитара в России.
«Музыка гитариста», 1907, № 7, стр. 111.*

«В истории русской семиструнной гитары мы имеем свою «могучую кучку», которая заложила такое прочное основание для нового строя, что никакие выходки против него, споры и пререкания не в силах подорвать гениальной простоты и музыкального его смысла.

Эта «могучая кучка» — знаменитый триумвират гитары: А. О. Сихра, С. Н. Аксенов и М. Т. Высотский.

Около них, как около трех высочайших гигантов-гор, увенчанных белоснежными коронами, группируются все остальные...

История гитары... представляет своего рода музыкально-исторический роман, в котором отразились многие музыкальные веяния и вкусы, и на почве бескорыстной любви к этому романтическому инструменту создан целый ряд интересных типов — деятелей, музыкантов и писателей. В этом романе вы встретите такие небывалые примеры любви к музыке и к своему инструменту, такие подвиги и жертвы, каких еще, быть может, не знает история музыки. Есть в нем герои, отдавшие всю жизнь на борьбу за доброе имя гитары, пожертвовавшие для этого и своими средствами и служебной карьерой, и гении, задыхающиеся, рвущие свои оковы, и фанатики, по тридцати лет долбящие одну вариацию Высотского и не признающие никакой музыки, кроме гитарной, наконец, скромных тружеников, незримо работающих и свято хранящих заветы старины, бережно несущих эти заветы через стоячее болото дилетантизма и невежества».

Валериан Алексеевич РУСАНОВ.

Там же, стр. 108.

Виктор ТАВРОВСКИЙ

НЕИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗУЧЕННЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ С. Н. АКСЁНОВА*

Уроженец Данковского уезда Рязанской губернии Семен Николаевич Аксёнов (1784–1853) принадлежит к числу выдающихся отечественных гитаристов XIX века. Автор первого печатного очерка истории семиструнной гитары Михаил Стахович назвал его одним из «корифеев»¹, составивших славный «триумvirат русской гитары» (Сихра — Аксёнов — Высотский), заслуги которого перед инструментом — незыблемы и «неприкосновенны»². Но если как о гитаристе и гитарном композиторе о С. Н. Аксёнове остались многочисленные свидетельства современников, а о музыке можно судить еще и по дошедшим до нас изданиям его произведений, то биографические сведения о нем крайне скупы, лишены подробностей, а часто и просто неверны. До сих пор удавалось сообщить очень мало о его происхождении (семье и ближайших предках), а между тем такие сведения составляют важнейшую часть биографии известной личности.

Достоверно установлено, пожалуй, пока лишь то, что та часть рязанской ветви дворянского рода Аксёновых³, к которой принадлежал Семён Николаевич, ведет начало от Петра Лукича Аксёнова. Именно от него и его жены Анны Васильевны имение Лошаково (Лошаки) в Рязанской губернии перешло сначала к Николаю Петровичу Аксёнову, а от него к детям — Семёну и Фёдору Николаевичам Аксёновым, а позже — к их наследникам⁴. Попытка побольше узнать о семейных корнях Семёна Николаевича Аксёнова, позволила нам установить, что его дед — Петр Лукич Аксёнов — является, как и внук, личностью в истории вовсе не безызвестной.

I. Петр Лукич Аксёнов

В родословной С. Н. Аксёнова имя его деда обращает на себя особое внимание. Дело в том, что так же, Петром Лукичом Аксёновым, звали и служителя Камер-коллегии — важнейшего финансового органа, учрежденного в 1718 году Петром I в ходе реформы органов государственного управления, который нередко называют прототипом современной Счётной палаты Российской Федерации. В заслугу П. Л. Аксёнову ставят, в частности, составление первой по Камер-коллегии общей ведомости прихода и расхода денежной казны в государстве, подававшейся им государю, а также составление форм книг для ведения правильного счетоводства и отчетности. Встречается даже утверждение, что якобы он и был «идеологом и создателем» этого счётного органа, что, правда, не соответствует действительности и является недоразумением.

* Впервые опубликовано: *Тавровский В. В.* Из материалов к биографии С. Н. Аксёнова // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сб. науч. работ / Отв. ред., сост. Б. В. Горбунов / НИЛ теории, практики и методики краеведения в ОО ОГБОУ ДПО «Рязанский институт развития образования».* — Т. 54. — Рязань: Первопечатникъ, 2017. — С. 155–171.

¹ *Стахович М. А.* Очерк истории семиструнной гитары. Сихра — Аксёнов — Высотский // *Москвитянин.* М., 1854. Т. IV, № 13. С. 3.

² *Он же.* Продолжение истории семиструнной гитары (Письмо к А. А. Григорьеву). *Современные гитаристы* // *Москвитянин.* — М., 1855. — Т. V. — № 15–16. — С. 233.

³ В рязанском дворянском роде Аксёновых прослеживается еще линия, идущая от Никифора Лукича (брата Петра Лукича Аксёнова) через его сына Осипа Никифоровича и далее к наследникам. 16 и 20 мая 1831 г. в №№ 39 (стр. 1722) и 40 (стр. 1781) газеты «Московские ведомости» было опубликовано следующее объявление: «С прискорбием объявляю о кончине родственника моего, Подпоручика, Рязанской Губернии Данковского уезда Помещика Андреяна Осиповича Аксёнова, после которого состою я к оставшемуся его имению единственным и законным наследником; почему и прошу тех, кому он и кто ему должен, явиться с правильными документами в узаконенный срок, по жительству моему в Москве Сретенской Ч. на Малой Дмитровке в доме г-на Сурмина. Титулярный Советник Иванов Иван сын Аксёнов» (Цит. по: *Классическая гитара в России и СССР: биограф. муз.-лит. словарь-справочник рус. и сов. деятелей гитары* / [сост. М. С. Яблоков; редкол.: А. В. Бардина и др.]. — Екатеринбург: Русская энциклопедия; Тюмень: Слово Тюмени, 1992. Стб. 76). Ее же можно проследить и по родословной росписи Аксёновых (1-я ветвь), составленной *И. Ж. Рындиным* [см.: 4].

⁴ *Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии.* — Т. 10. — Вып. 1 / [И. Ж. Рыдин]; под ред., с предисл. и доп. *Б. В. Горбунова.* — Рязань: Изд. Рязанского обл. ин-та развития образования, 2006. — С. 53–54; *Чижков А. Б., Графова А. Е.* Рязанские усадьбы: Каталог. — М.: НП «Русская усадьба», 2013. См. тж.: Сайт «Русская усадьба»: Информация об усадьбе Лошаки. Альтернативное название: Лошаково, Новопаники [Электронный ресурс] URL: <http://www.visitusadba.ru/objects/201/1150/> (дата обращения: 25.12.16).

Но является ли дед Семёна Николаевича Аксёнова и известный петровский камерир одним и тем же лицом или это все же два разных человека? Из-за скудости и обрывочности сведений, ни того, ни другого ранее однозначно утверждать было нельзя, хотя версия родства двух известных личностей, оказавшихся — единственными из множества Аксёновых — представленными рядом в «Азбучном указателе имен русских деятелей для “Русского биографического словаря”»⁵, а позже и в самом «Русском биографическом словаре» под ред. А. А. Половцова⁶, тем не менее выглядела заманчиво и представлялась вполне вероятной. В самом деле, если она верна, то имевшееся у нас до сих пор знание о происхождении С. Н. Аксёнова лишь как из ничем не примечательного, безвестного обедневшего дворянского рода, может обрести новое наполнение и предстанет уже в ином свете. Кроме того, полученный новый материал позволит уточнить и биографию самого П. Л. Аксёнова.

Биографические сведения о Петре Лукиче до сих пор ограничивались данными, сообщенными им самим при заполнении формуляра о себе («сказки»), которые и кочуют в неизменном виде из одной его биографии в другую. Ни в одной из них, начиная с самых ранних и до современных словарей и энциклопедий, не появлялось за это время ни одного нового дополнительного слова или хотя бы указания года его смерти (считается, что эта дата неизвестна): «умер во 2-ой пол. XVIII в.» или «умер при Екатерине II»⁷.

Наиболее ранним из известных лично мне источников, в котором и приведена такая биография, является книга «История Санкт-Петербурга с основания города... 1703–1782» (1884)⁸, сочинение «действительного члена Императорского Археологического Общества и Почетного Вольного Общника И. А. Х.» Петра Николаевича Петрова (1827–1891) — писателя, занимавшегося разбором исторических актов и материалов для русской истории и археологии. Причем, справка о П. Л. Аксёнове напечатана не в основном тексте, а помещена в разделе примечаний в качестве пояснения к сообщению о «полезных нововведениях» в сфере учета «переменного пребывания в разных местах торгового класса и вообще людей, посвящающих свою деятельность торговле», а именно, к следующей фразе: «Введение этой одной меры уже значительно изменило форму записей статей местных доходов, о поступлении которых с 1719 г., один делец при сенате (Петр Лукич Аксёнов) подавал государю еженедельно перечневые ведомости, по губерниям ⁽³⁰³⁾»⁹. Само же примечание было следующим (орфография сохранена):

«303-е. Кн. Москов. Архива Мин. Юстиции. 8122. л. 475–6 г. При Елизавете Петровне (1754) ассесор Полицеймейстерской Экспедиции Петр Лукич Аксенов, давая о себе сказку при заведении формуляров — показал себе 54 года и рассказал свою всю служебную деятельность. Излагая же выполнения свои, Аксенов объяснил, что он в 1719 году первый составил по Камер-Коллегии общую ведомость прихода и расхода денежной казны в государстве, и подавал ее Петру I каждую неделю. Он тогда же составил для ведения правильного счетоводства и отчетности формы книг, и обучил высланных к нему для того, из всех губерний, канцелярских служителей. «Для того, в Камер-Коллегии поручена ему комиссарская должность в конторе особливой, и правил он, ее, по 1725 год, под Сенатом», с определением «камериром, а в 1731 г. секретарем». Потом брали его в комиссии: об адмирале Сиверсе, по Кронштадтскому строению, о Минихе, Люберасе и счетах по Кадетскому Корпусу; об адмирале графе Н. Головине, «по передаче малознатным купцам больших сумм» и по другим комиссиям»¹⁰.

⁵ Азбучный указатель имен русских деятелей для «Русского биографического словаря»: Ч. 1: А-Л // Сб. Императ. Русского Историч. Обва, Т. 16. — СПб., 1887. — С. 8. А также прибавление к нему: Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 62: Азбучный указатель имен русских деятелей, имеющих быть помещенными в «Биографический словарь», издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом: Ч. 2. Прибавления. — СПб., 1888. — С. 777.

⁶ Русский биографический словарь: В 25 т. / Изд. под набл. А. А. Половцова. — Т. 1. — СПб., Тип. И. Н. Скороходова. — 1896. — С. 108.

⁷ Половцев А. А. Указ. соч. Там же [6]; Большая Энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания, под ред. С. Н. Южакова: [в 22 тт.] Т. 1. — СПб.: Книгоиздат. Т-во «Просвещение», 1900. — С. 263.

⁸ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления, по учреждениям о губерниях. 1703–1782. — СПб., Тип. Глазунова, 1884.

⁹ Петров П. Н. Указ. соч. С. 196.

¹⁰ Там же, Примечания. С. 47.

Чуть позже эту же информацию со ссылкой на тот же источник повторил «Русский биографический словарь»¹¹, а его уже и все последующие.

Начинал свою службу и служил Петр Лукич Аксёнов, видимо, большей частью в Москве (известно, что уезжать с насиженных мест хотели немногие, поэтому, если это удавалось, то даже после вынужденного по службе переезда в новую столицу, некоторые служащие петровского времени продолжали жить на два дома — и в Москве, и в Петербурге). В 1710-х годах Петербург еще являл собой сплошную необъятную стройку, на которую ежегодно принудительно отправлялись десятки тысяч мастеровых людей разных специальностей. Параллельно столь же жестко решался вопрос и его «достойного» заселения, для чего уже в 1712 году был издан первый указ о переселении туда «1000 дворян и 500 купецким семьям лучшим, 500 средним и 1000 ремесленным всяких дел»¹². За теми, кто был определен на постоянное переселение, для пущей надежности «сжигали все мосты», отрезая им путь назад. Так, указ «О высылке из Москвы в С.-Петербург Дворцовой Походной Канцелярии дьяка Михаила Волкова и той Канцелярии служителей 7 человек...» от 14 января 1712 года предписывал перечисленных в нем лиц «с Москвы выслать в С. Петербург бессрочно; а московские их дворы без них продать... из Московской губернии посторонним людям, а не родственникам и не свойственникам их, чтоб впредь в приезд их к Москве в тех дворах пристанища им не было»¹³. Еще больше грамотных служилых людей регулярно десятками, а то и сотнями временно «откомандировывали» в Петербург из их ведомств в Москве и других местах. По царскому указу в 1712 году был направлен («выслан») в С.-Петербург в числе 231 подьячего, назначенных туда на службу, и подьячий Военной канцелярии П. Л. Аксёнов. Основанием для такого предположения служит документ, опубликованный за номером 492 в «Докладах и Приговорах состоявшихся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого...», озаглавленный «О высылке в С. Петербург подьячих 100 человек; об отсылке 10 подьячих Ратушских по прежнему к комиссару Лодыженскому и о бытии 8 подьячим при Сенате по прежнему до указа», в котором имя Петра Аксенова (без отчества), фигурирует в числе подьячих, выбранных и посланных в службу по Военной канцелярии *в прошлые годы*:

«В письме Прав. Сената из С. Петербурга 5 марта 1714 года к сенатору и генералу квартирмейстеру Василию Андреевичу Опухтину, а в Москве полученном 13 марта, написано: царское величество указал из Московской губернии и из приказов выслать сюда 100 человек подьячих, немедленно, из тех, которые назначены в службу, и ваша милость по получении сего изволь оных подьячих сюда выслать наскоро, не выбором, но с головы, по спискам [...].

Список подьячим, *которые в прошлом 1712 году*, по смотру Прав. Сената, выбраны в службу: [...] 14 апреля: *Военной канцелярии*: Григорий Попов, *Петр Аксенов*, Афанасий Сорокин [...]; всего 231 человек...» [выделено мной. — В. Т.]¹⁴.

Спустя три года, в 1715 году, Аксёнов вновь встречается в документах, значась подьячим Военной канцелярии (в Москве): «По сему приговору... отослан в Военную канцелярию 29 сентября 1715 года при указе от 26 сентября; и в приеме его *расписался той канцелярии подьячий Петр Аксенов*» [выделено мной. — В. Т.]¹⁵.

В Указе от 2 сентября 1741 г. (№ 8440), возможно, он же, упоминается как обер-кригс-комиссар: «...которые еще в прошлом 1740 году Обер-Кригс-Комиссаром Петром Аксеновым свидетельствованы...»¹⁶. Но поскольку П. Л. Аксёнов уже много позже окончил службу лишь в чине VIII класса, то есть на два класса ниже, чем обер-кригс-комиссар, уверенно утверждать, что речь в данном случае идет именно о нем, мы все же не беремся.

¹¹ Половцев А. А. Указ. соч. С. 108.

¹² Петров П. Н. Указ. соч. С. 150..

¹³ Доклады и Приговоры состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Изданных Императорскою Академиею Наук под ред. Н. В. Качалова, Чл.-Корр. Академии. Т. II: Год 1712-й. Кн. I (январь-июль). — СПб., 1882. — № 36. — С. 23.

¹⁴ То же [...под ред. акад. Н. Ф. Дубровина]. Т. V: Год 1715-й. Кн. I (июль-декабрь). — СПб., 1897. — № 492. — С. 368-369.

¹⁵ Там же. Т. V: Год 1715-й. Кн. II (июль-декабрь). — СПб., 1897. — С. 877.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Том XI, с 1740 по 1743 : От № 7997 до 8848. — СПб., 1830. — С. 503.

Вероятно, служить в Петербурге на постоянной основе П. Л. Аксёнов начал вскоре после создания Камер-коллегии (1718). «Петербургский след» обнаруживается и чуть позже в переписных списках первых ревизий — «ревизских сказках».

До начала проведения в России всеобщих переписей населения (первая из которых состоялась в 1897 году) в XVIII–XIX вв. (с 1718 по 1857 г.) было проведено десять так называемых «ревизий» (не считая отдельных местных, например, по тому же Петербургу), имевших своей целью учет общей численности и состава населения (в частности, мужского пола, обязанного платить налоги и отбывать рекрутскую повинность). Вторая ревизия была произведена под руководством Сената после опубликования именного указа императрицы Елизаветы Петровны от 16 декабря 1743 года и закончилась в 1747 году. В ее списках по Ингерманландии (Санкт-Петербургский, Шлиссельбургский, Копорский и Ябургский уезды), т. е. на территории современных Петербурга и Ленинградской области, значится и «Аксенов Петр Лукич, секретарь Камер-коллегии, Коп[орский уезд]. — 3» (цифра три означает здесь число крепостных душ мужского пола, проживавших на принадлежавшей ему «уездной земле», т. е. без учета его дворовых людей, числившихся по городам, если таковые у него имелись)¹⁷.

Полученные нами новые сведения, о которых пойдет речь дальше, позволяют существенно уточнить и исправить информацию, представленную в «основоположных» биографиях П. Л. Аксёнова из энциклопедий А. А. Половцова (1896) и С. Н. Южакова (1900). Приводим их тексты:

Русский биографический словарь,
под ред. А. А. Половцова, 1896:

Аксенов, Петр Лукич, при Елизавете Петровне ассессор полицеймейстерской экспедиции (1754 г.), род. в 1699 г., умер при Екатерине II. Начал службу при Петре I. Он первый в 1719 г. составил в Камер-коллегии ведомость прихода и расхода денежной казны в государстве, и подавал Государю каждую неделю ведомости о движении сумм, по донесениям, поступавшим в коллегию. Сверх того, Аксенов составил формы ведения отчетности по Камер-коллегии. Назначенный по Камер-коллегии комиссаром особой отчетной конторы, он обучил присланных для узнания порядка отчетности из всех мест канцелярских служителей. В 1725 году, Сенат определил Аксенова камериром, а в 1731 году секретарем. Затем, его назначили в комиссию по учету адмирала Сиверса, по строению Кронштадта, в комиссию о счете сумм по кадетскому корпусу за время управления им Миниха, Любераса и Теттау и, наконец в комиссию для расследования действий адмирала графа Головина. Сделавшись известным по счетной части, Аксенов определен в ревизион-коллегию, а из нее в полицеймейстерскую канцелярию.

Дело Московского архива Минист. Юстиции, № общ. 21 / частн. 8122, листы 475–76 (сказка Аксенова о себе).

Большая Энциклопедия,
под ред. С. Н. Южакова, 1900:

Аксенов, Петр Лукич, родился в 1699 г.; умер во второй половине XVIII в. При Петре Вел. поступил на службу, которую проходил в скромных должностях, оставаясь одним из честных ее деятелей. Он первый составил ведомость прихода и расхода денежной государственной казны в 1719 г. После этого на него возложена была обязанность составления, на основании поступивших в камер-коллегию донесений, еженедельных ведомостей о движении денежных сумм для государя, чрезвычайно интересовавшегося вопросами финансового положения России. В денежной отчетности того времени царил совершеннейший хаос, для упорядочения которого А. составил образцы и формы, примененные сначала в камер-коллегии; они оказались столь удобными, что их стали вводить и в других ведомствах, для чего из других коллегий командировались канцелярские служители, которых А. должен был учить ведению отчетности. Как знаток счетной части, он участвовал в комиссиях по учету разных государ. деятелей, за время отправления ими таких должностей, которые сопряжены были с расходом казенных денег. Так, напр., по учету адмирала Сиверса по строению Кронштадта, по обревизованию сумм, издержанных на содержание кадетск. корпуса за время управления Миниха, Любераса и Теттау и пр. Как специалист, был определен в ревизион-коллегию, а оттуда в 1754 г. ассессором в полицеймейстерскую экспедицию.

Следующий ниже обширный блок документов, представляющий собой подробные выписки, сделанные нами из ряда письменных источников разных лет XVIII столетия (опу-

¹⁷ Черников С. В. Власть и собственность. Особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII века [Приложение: Алфавитные списки помещиков Московского уезда и Ингерманландии] // Cahiers du monde russe, 1/2012 (Vol 53), p. 229. [Эл. ресурс] URL: <http://www.cairn.info/revuecahiers-du-monde-russe-2012-1-page-141.htm> (дата обращения: 25.12.16) Ист. указ. автором: Ландратские книги и ревизские сказки / Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 350, оп. 2.

бликованных, главным образом, уже в XIX в.), а также нескольких современных изданий, в которых приводятся тексты архивных документов, позволяет дополнить и внести важные коррективы в имевшиеся ранее знания о П. Л. Аксёнове. Из основных новых привлеченных источников отметим «Описи именованным высочайшим указам и повелениям хранящимся в С.-Петербургском Сенатском Архиве за XVIII век», «Переписные книги города Москвы 1737–1745 г.» (в них П. Л. Аксёнов фигурирует как ревизион-конторы и ревизион-коллегии секретарь), многотомное издание «Москва. Актовые книги XVIII столетия» (в котором он называется уже ассессором). На основании представленных документов теперь можно с полной уверенностью утверждать, что все приводимые о Петре Лукиче Аксёнове источники как по Петербургу, так и по Москве, свидетельствуют об одном и том же лице и исключают совпадение. Недостававшие ранее «мостики», которые бы связали воедино биографию «петровского» Аксёнова с фактами о нем же из московских источников, с очевидностью выстраиваются из записей переписных и актовых («дворовых») книг Москвы, где при указании недвижимого имущества (что и где расположено) и операций с ним П. Л. Аксёнова (а после его смерти — наследников), называются не только фамилия, имя и отчество владельца (лица, совершающего закладную или продажу), но и/или в какой службе, чине и должности он состоит.

Дополнительно эти же источники позволяют уточнить места жительства и состав недвижимого имущества П. Л. Аксёнова в Москве, получить более точные сведения о семье (детях, женах — первой и второй) и, самое главное, установить наконец точную дату его смерти — 1755 год.

*Переписные книги города Москвы 1737–1745 г.*¹⁸

«Переписные книги города Москвы» содержат перепись московских дворов и земель, входивших в круг ведения Московского полицейского управления и его подведомственных команд. В цитируемых записях описаны дворы и земли, расположенные в Тверской части и подведомственные 2-й и 6-й полицейским командам. Перепись составлялась в 1738–1742 гг. В описаниях приводятся сведения о расположении дворов и земель, владельцев и их соседях, размерах и границах владений и др. (Выделения курсивом в текстах принадлежат мне. — В. Т.)

Т. III: Переписная книга II команды: Тверская часть:

[Книга о переписи и мере белой земли по второй команде]

[...] 281. Ревизион-Конторы секретаря Петра Лукина с. Аксенова, в приходе ц. Воскресения Христова, что на Успенском Вражке, на белой земле; м[ерою] дл[ины] по обе ст[ороны] по 20 по 8 с[ажень], поп[ерег] по обе ст[ороны] по 20 по 1 с[ажени]; в смежности по обе ст[ороны] проезжие пер[еу]л[ки]¹⁹.

Т. VII: Переписная книга 6-й команды:

[Переписная книга 6-й команды. Книга, учиненная в 742 г. 6-й команды ведомства капитана Соболева, да поручика Рудакова [и проч.] сколько под которым двором мерою земли, о том значит ниже сего, а именно:]

Идучи от церкви Рождества Пресв. Б-цы в переулке на той же стороне по обе стороны пустыря:

[...] 78. Наугол. дв., вышед на Дмитровку к Земляному гор. на правой стороне, Ревизион-коллегии секретаря Петра Лукина с. Аксенова, поп. по вор[от]т[ам] 4 1/2 саж., дл. 33 саж., в зад. поп. 4 саж. с арш.²⁰

*Москва. Актовые книги XVIII столетия*²¹

Московские актовые книги XVIII в. содержат записи хранящихся в московском архиве министерства юстиции «дворовых книг» за 1757–62 гг. (Выделения курсивом в текстах принадлежат мне. — В. Т.)

¹⁸ Переписные книги города Москвы 1737–1745 г. : Т. III: Переписная книга II команды: Тверская часть. — М.: Моск. гор. дума, Тип. М. П. Щепкина, 1881; То же : Т. VII: Переписная книга 6-й команды. — М.: Моск. гор. тип, 1891.

¹⁹ Указ. соч. Т. III. С. 49.

²⁰ Указ. соч. Т. VII. С. 85.

²¹ Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. 8: [1751–56 гг.]. — М.: Тип. И. А. Баландина, 1898; То же: Т. 9: [1757–62 гг.]. — М., 1900.

В Актовых книгах использованы следующие основные сокращения: *мрт.* — март; *нбр.* — ноябрь; *апр.* — апрель; *д.* — день, *с.* — сын; *дч.* — дочь; *вд.* — вдова; *ж.* — жена; *бр-ми* — братьями; *ул.* (*улл.*) — улица (улицы); *пер.* — переулок; *с.* — сажень; *а.* — аршин; *вер.* — вершок; *меж.* — межи (в межах); *ст.* — сторона; *стт.* — стороны (сторон); *дл.* — длина (длиной); *поп.* — поперечник; *з.* — земля (земле); *б. з.* — белая земля (на белой земле); *стрел. з.* — стрелецкая земля; *прх. ц.* — приход церкви (Воскресения Хр. — Воскресения Христова, Иоанна Пред. — Иоанна Предтечи); Успен. — Успенский; *м-р, м-ря* — монастырь, монастыря; *Бл. гор.* — Белый город; *Зм. гор.* — Земляной город; *озн.* — означенный (означенного); *дост-ся* — доставшийся; *канц-т* — канцелярист; *бриг.* — бригадир; *асс.* — ассессор; *солд.* — солдат; *подпор.* — подпоручик; *к.* — капитан; *полк.* — полковник; *кн.* — князь и др.

Книга 1753 г.:

321. Закладная на двор *асс. Петра Лукина с. Аксенова* в Бл. гор. на Пречистенской и Всесвятской улл., в прх. ц. Иоанна Пред., что на Ленивом торжку, на стрел. з., в меж.: с одну ст. — брига. Ивана Васильева с. Павлова, а по др. ст. — вд. майорши Алексеевой ж. Соколова Устенъи Авдеевой дч.²²

Книга 1755 г.:

683. Нбр. 14 д. *вд. Анна Васильева дч. асс. Петровская ж. Лукина с. Аксенова* продала полк. Николаю Михайлову с. Леонтьеву двор в Бл. гор. меж Тверской и Никитской ул., в прх. ц. Воскресения Хр., что на Успен. вращке, на б. з., *дост-ся после мужа*, в меж.: с одну ст. — его Леонтьева, а с 3 стт. — проезжий пер., за 500 р.²³

Книга 1757 г.:

535. Закладная на 1/3 двора *серж. Александра Петрова с. Аксенова* в Бл. гор., близ Каменного мосту, на Пречистенской и Всесвятской улл., в прх. ц. Иоанна Пред., что на Ленивом торжку, *дост-ся после отца — асс. Петра Лукича Аксенова*.²⁴

657. Закладная на двор *юнкера Сергея Петрова с. Аксенова* в Бл. гор., близ Каменного мосту, на Пречистенской и Всесвятской улл., в прх. ц. Иоанна Пред., что на Ленивом торжку, *дост-ся после отца — асс. Петра Лукича Аксенова* по разделу с бр-ми Александром да Петром.²⁵

Книга 1758 г.:

573. Закладная на двор *подпоруч. Александра Петрова с. Аксенова* (см. № 535 — 1757 г.)²⁶

Книга 1759 г.:

225. Закладная на двор *подпоруч. Александра Петрова с. Аксенова* в Бл. гор. близ Каменного мосту, на Пречистенской и Всесвятской улл., в прх. ц. Иоанна Пред., что на Ленивом торжку, да 3-ю часть из двора в прх. ц. Воскресения Хр., что слов. Старое, на Остоженке, на б. з., *дост-ся после отца*, в меж.: по одну ст. — кн. Василья Михайлова с. Голицына, с 2 стт. — улицы, а с 4-ю ст. — вд. Устиньи Авдеевой дч. майора Алексеевской ж. Соколова (ср. № 535 — 1757 г.)²⁷

712. Нбр. 23 д. *подпоруч. Александр Петров с. Аксенов* продал кн. Василью Михайлову с. Голицыну 1/3 двора в Бл. гор. близ Каменного мосту, на Пречистенской и Всесвятской улл., в прх. ц. Иоанна Пред., что на Ленивом торжку, на стрел. з., *дост-ся после отца — асс. Петра Лукича Аксенова*, в меж.: по одну ст. — вд. майорши Соколовой, а по др. ст. — озн. Голицына, за 290 р. (ср. № 225 с. г.)²⁸

Книга 1761 г.:

33. Апр. 10 д. *солд. Петр Петров с. Аксенов* продал прап. Евсевья Петрова с. Богданова ж. Дарье Филипповой дч. строение в Бл. гор. близ Каменного мосту, на Пречистенской и Всесвятской улл., в прх. ц. Иоанна Пред., что на Ленивом торжку, на стрел. з., в меж.: по Всесвятской ул. по одну ст. — майорши вд. Устиньи Авдеевой дч. Соколовой, а по др. ст. по Пречистенской ул. — кн. Василья Михайлова с. Голицына, *купл. им в 1759 г. у подпоруч. Александра Петрова с. Аксенова, а им Аксеновым дост-ся после отца*, — за 50 р. (ср. №№ 225 и 712 — 1759 г.)²⁹

Книга 1762 г.:

150. Мрт. 13 д. надв. сов. Бориса Володимировича Полускотова ж. вд. Авдотья Афанасьева дч. продала поруч. Александру Семенову с. Норову двор в Зм. гор. на Остоженской ул., в прх. ц. Воскресения Хр., что слов. Старое, на б. з., в меж.: на одну ст. — майора Николая Егорьева с. Николева, а по др. ст. по пер-ку, что ездят на Москову р. — *вд. асс-ши Анны Васильевой дч. Петровой ж. Лукина с. Аксенова*, дл. 12 1/2 с., поп. 9 1/2 с., за 50 р.³⁰

Уточнение следует сделать и относительно времени назначения П. Л. Аксёнова на службу в московскую полицмейстерскую экспедицию. Вопреки утверждениям обеих энциклопедий, это произошло, хотя и в правление императрицы Елизаветы Петровны, но не в 1754 году, а в конце 1748 года. Вот описание соответствующего указа, находящееся в «Описи именным высочайшим указам и повелениям...»³¹:

²² Указ. соч. Т. VIII. С. 145.

²³ Там же, с. 289.

²⁴ То же: Т. IX: [1757–62 гг.]. — М., 1900. — С. 40.

²⁵ Там же, с. 49-50.

²⁶ Там же, с. 97.

²⁷ Там же, с. 130.

²⁸ Там же, с. 166.

²⁹ Там же, с. 234.

³⁰ Там же, с. 278.

³¹ Опись именным высочайшим указам и повелениям хранящимся в С.-Петербургском Сенатском Архиве за XVIII век, Том 3. — СПб., В Тип. Прав. Сената, 1878.

[Царствование Императрицы Елизаветы Петровны. 1748 год]

1748. — Декабря 5-го. — Именной указ о назначении в С.-Петербурге и Москве, для исправления дел, при полиции советниками: Василия Неелова, майора Андрея Карташова, Максима Данилова, Андрея Молчанова и *ассессорами*: Федора Андреева, Степана Эргакова, капитана Афанасия Бекетова, *Петра Аксенова* и Василия Языкова, и об избрании в должность обер-полицеймейстера кандидата из отставных или военнослужащих.³²

Там же имеется и указание на Высочайшее повеление Императрицы Елизаветы Петровны о начале рассмотрения жалобы жены Аксёнова на советника московской полиции Вас. Неелова:

[Царствование Императрицы Елизаветы Петровны. 1752 г.]

1752. — Августа 9-го. — Объявленное генерал-прокурором князем Трубецким, Высочайшее повеление о рассмотрении в сенате жалобы *жены ассессора главной полиции Петра Аксенова, Анны Васильевой*, о разграблении ее движимого имущества советником московской полиции Василием Нееловым.³³

Из дальнейших документов по этому делу, затянувшегося почти на 15 лет, в частности, выясняется, что А. В. Аксёнова в первом браке состояла замужем за Казанской губернской канцелярии секретарем Григорием <Тимофеевичем> Поповым. Именно из-за «разграбления дома и пожитков» ее первого мужа и велась долгая тяжба сначала с самим Нееловым, а затем с его наследниками.³⁴

Обнаружили мы и свидетельство о первой жене П. Л. Аксёнова — Марфе Ивановне, урожд. Протопоповой. Таковым послужило завещание её брата Михаила Ивановича Протопопова, скончавшегося 13 апреля 1737 г., в котором тот обращается к зятю и сестре: «...покорно прошу и молю в твердой моей памяти заранее зятя моего, Ревизион коллегии секретаря Петра Лукича Аксенова, обще с сестрою моею родною Марфюю Ивановою <...>» (выделено мной. — В. Т.)³⁵

Еще одним ценным источником является Исповедная ведомость московской церкви Иоанна Предтечи на Ленивке за 1754 г.³⁶, составленная за период с 16 августа 1753 г. по 15 августа 1754 г.³⁷:

³² Указ. соч. С. 213. См. тж.: Патент секретаря Петра Аксенова на чин ассессора (Копия). 5 дек. 1748. (РГАДА. Ф. 154, Оп. 4. Ч. 1. № 296).

Дополнительным свидетельством того, что П. Аксенов данным указом назначался в Москве, служат записи Журнала Присутствия Московской полицмейстерской канцелярии 1749–1751 гг., под которыми стоит его подпись, опубликованные в статье театроведа Л. М. Стариковой «Театрально-зрелищная жизнь Москвы в середине XVIII в.» (Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1986. — Л., изд. Наука, 1987. — С. 133–188. То же в ее книге: Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Док. хроника, 1741–1750. Вып. 2: В 2 ч. / Сост. Л. М. Старикова; Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ. — М.: Наука, 2003). В качестве примера приведем два публикуемых там документа (Пам. культ., стр. 147 и 151):

«Выдержка из Журнала Присутствия Московской полицмейстерской канцелярии 1749 году марта 29 дня (среда недели Святой Пасхи)

№ 2. Понеже пред сим временем, в прошедшую сырную неделю, в имеющейся в Москве у Красных ворот Немецкой комедии от людей боярских учинилась немалая ссора и драка, и не только комедиантов, но и часовых те люди боярские били. И хотя те бойцы тогда были и сысканы и учинено им публичное наказание, но токмо и ныне от приезжающих в тою комедию за господами людей боярских опасно, чтоб такой же ссоры и драки не последовало. И для прекращения и недопущения до таких ссор и драк, по рассуждению Главной полиции, необходимо потребно в ту комедию из армейских полков командировать надлежащую команду. ПРИКАЗАЛИ: в государственную военную коллегию послать промеморию и требовать, чтоб она коллегия соблаговолила приказать: в тою комедию командировать повседневно, когда та комедия производится будет, надлежащую команду, дабы впредь никаких ссор и драк учиниться не могло. Алексей Татищев, Максим Данилов, Андрей Молчанов, Петр Аксенов».

«1750 году февраля 1 дня.

По челобитью Дворцовой шетной Канторы копииста Петра Андреева, которым объявил: что он нанял, для игrania Российской комедии, генваря з 28-го до великого поста в белом городе полаты действительного камергера князя Андрея Вяземского у служителя Никифора Евдокимова за наем, за шесть рублей, и просил, чтоб к действию той комедии допустить, со взятъем пошлин. И о незапрещении в команду послать приказ. ПРИКАЗАЛИ: приняв с наемной цены указанные пошлины, записать в приход и к действию оной комедии дозволить, токмо ево, просителя, обязать подпискою, чтоб богомерзких игр, так же шуму, и драк не происходило. И о том в команду послать приказ. Секретарь Алексей Леонтьев, Василий Неелов, Максим Данилов, Петр Аксенов»

³³ Там же.

³⁴ Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства иностранных дел...: Том II : 1765–1771. — СПб., 1872. — С. 61–66.

В 1758 г. в пользу Аксеновой был вынесен сенатский приговор, оставшийся однако без исполнения из-за апелляции Вас. Неелова. Дело затянулось и его разбирательство было окончено лишь в 1766 году, уже после смерти обидчика, когда последовал Указ Сената с собственноручной резолюцией Екатерины II: «Повелеваем и сим подтверждаем сенатский приговор 1758 года удовлетворить вдове Аксенову из имения грабителя Василия Неелова...» (Указ. соч., там же).

³⁵ Завещательное письмо синодального канцеляриста Михаила Ивановича Протопопова (1737 г., апреля 12) // Городская семья XVIII века: семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. / Составление, вводная статья и комментарии Н. В. Козловой. — Москва: Издательство Московского университета, 2002. — С. 299. — (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 23; Сер. I. Исторические источники: 4). Указ. источник: РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4101. Л. 2–4. Копия. Под завещанием вписано: «[К сему челобитью] и к копии Ревизион коллегии секретарь Петр Аксенов — вместо жены своей — Марфы Ивановой дочери — руку приложил» (Там же, с. 302).

³⁶ Исповедная ведомость московской церкви Иоанна Предтечи на Ленивке за 1754 г. [Эл. ресурс] URL: <http://rusgenealogy.clan.su/forum/40-333-1> (дата обращения: 25.12.16). Указ. источник: ЦИАМ (Центральный исторический архив г. Москвы), ф. 203, оп. 747, д. 208, л. 418 об.

³⁷ О периодах сост. Ведомостей см.: Федорец А. И. Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. — 2013. — № 1. — С. 72.

Ас. Петр Лукич АКСЕНОВ — 40

Ж.: Анна Васильевна — 27

Д. его: Александр — 22

Сергей — 12

Петр — 9

Двор П. Л. Аксёнова (затем — его наследников) — «в Белом городе³⁸, близ Каменного мосту, на Пречистенской и Всесвятской улицах, в приходе церкви Иоанна Предтечи³⁹, что на Ленивом торжку» — фигурирует в приведенных выше записях «Актовых книг» [См.: №№ 321 (1753 г.), 535 и 657 (1757 г.), 225 и 712 (1759 г.), 33 (1761 г.)]

В данной ведомости указаны члены семьи: сам П. Л. Аксёнов; его дети (от первого брака с Марфой Ивановной, урожд. Протопоповой, поскольку в ведомости стоит «д<ети> его», а не как в случае общих детей «дети» или «дети их») — Александр, Сергей, Петр; жена (вторая) — Анна Васильевна; и их возрасты. Неприятным моментом для нас является то, что указанный возраст П. Л. Аксёнова по исповедной ведомости — 40 лет — не соответствует данным биографии Петра Лукича Аксёнова, ассессора полицмейстерской экспедиции, который, как известно, при заполнении формуляра в том же 1754 г. «показал себе 54 года». Возможно, что возраст неверно указан в самой исповедной ведомости или неверно списан с рукописного оригинала в печатном документе. Такой вариант, что это все же разные люди, мы считаем крайне маловероятным, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что, по мнению специалистов, ошибки в возрасте в исповедных ведомостях являются явлением нередким. Историк А. И. Федорец, в частности, пишет: «С большой осторожностью надо относиться к встречающимся в исповедных ведомостях указаниям на возраст жителей прихода: священник, составлявший документ, в большинстве случаев оценивал возраст прихожан на глаз, не зная точной даты их рождения. Поэтому реальный возраст мог отличаться от приведенной цифры как на один год, так и на 10 лет (особенно, когда речь шла о пожилом человеке)»⁴⁰.

Отсутствие в этой ведомости среди детей Василия и Николая — сыновей П. Л. Аксёнова уже от брака с Анной Васильевной — объясняется, видимо, тем, что в ведомость, как правило, вносились дети с 1 года, мы же предполагаем, что первый родился в 1753 или 1754 г., а второй — год спустя после ее составления (1755).

В остальном же указанные в ведомости сведения соответствуют данным родословной росписи Аксёновых, приведенной в книге И. Ж. Рындина «Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии». Последняя тоже показывает, что Петр Лукич Аксёнов был женат на Анне Васильевне и имел детей: Александра (в тексте, видимо, ошибочно — Алексей), Петра, Василия и Николая, правда, не значится Сергей⁴¹.

³⁸ Белым городом в XVII–XVIII вв. называли часть Москвы между Кремлем и Китай-городом с одной стороны и современным Бульварным кольцом с другой. Свое название она получила от того, что в XVI–XVII веках здесь жили главным образом бояре и дворяне, находившиеся на постоянной царской службе, поэтому земля, на которой стояли их дворы, называлась «белой», то есть освобожденной от земельных налогов, которыми были обложены «черные» земли ремесленников, торговцев и земледельцев (Сытин П. В. Из истории Московских улиц. — М., 2011. — С. 111).

³⁹ Церковь была снесена за ветхостью в 1792–1793 гг., а на ее месте построили каменный дом с колоннами и портиком, в котором в настоящее время размещается Отдел личных коллекций Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (Волхонка, д. 10).

⁴⁰ Федорец А. И. Указ. соч. С. 71. Автор статьи — Анна Ильинична Федорец (1985) — основатель и председатель историко-культурного общества «Московские древности», в 2014 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворовладельцев города Москвы в 40-х – 80-х годах XVIII века». Работа была выполнена на кафедре источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

⁴¹ Возможно, что у П. Л. Аксёнова во втором браке был еще и сын Иван. Прямыми фактами, которые бы это подтверждали, мы не располагаем, но если верить указателю к содержанию «Санктпетербургских ведомостей» [См.: Газета XVIII века «Санктпетербургские Ведомости». Указатели к содержанию (1761–1775 гг.). [Эл. ресурс] URL: <http://ved.infotec.ru/?r=101&id=652&f=2> (дата обращения: 03.01.17)], то в номере газеты за 23 марта 1772 года, стр. 9, имеется публикация (вероятно, объявление по урегулированию каких-то финансовых или имущественных вопросов), касающаяся следующих лиц:

«Анна Аксёнова, вдова [П.] Аксёнова, жена П. Аксёнова, помещица Белозерской пров.

Аксёнов Иван Петрович, сын А. Аксёновой, канцелярист Белоз. провинц. канцелярии

Аксёнов Петр, муж А. Аксёновой».

Поскольку нам не удалось ознакомиться с названным в указателе материалом, мы не считаем для себя возможным предполагать какие-либо выводы на основании одного лишь упоминания о нем. Составители указателей подобного рода, как правило, не имеют возможности глубоко исследовать данные по каждой упоминаемой в изданиях персоналии, из-за чего в них нередки неточности и ошибки. Сведениями об Иване Петровиче Аксёнове из других источников мы также не располагаем. Судя по печатному изданию указателя: Газета «Санктпетербургские ведомости» XVIII века: 1761–1765 гг. В 2-х ч., СПб., 2001, «Аксёнова Анна, жена ассессора», упоминалась в газете и ранее. В частности, называется 1765 год: «1765.06.14.08» (указ. соч., с. 440).

Следует еще упомянуть, что примерно в одни годы с П. Л. Аксёновым, в 1740–1750-х гг., в Ревизион-коллегии служил канцеляристом, а затем регистратором, его племянник, сын его брата Никифора Лукича, Степан Никифорович Аксёнов. В связи с этим представляет интерес информация, сообщенная С. М. Троицким:

«Проводя смотры и разборы чиновников, правительство постоянно уточняло их происхождение. <...> И во время переписи 1754–1756 гг. Герольдмейстерская контора и администрация отдельных учреждений занимались проверкой принадлежности чиновников к дворянскому сословию. Например, когда цейхвартер канцелярии казенных Сестрорецких заводов Г. Я. Ашио сообщил, что «отец его из иноземцев старых выездов французской нации города Брабанта и из шляхетства», то в Герольдмейстерской конторе на его «сказке» была сделана надпись: «Не из дворян». Учитывая существовавшую практику проверки сведений о социальном происхождении при повышении в должности, другой чиновник, регистратор Ревизион-коллегии С. Н. Аксенов, написав, что он ожидает производства в секретари за заслуги по службе и потому «что предки ево были дворяне», видимо, во избежание новой проверки, указал, что о его дворянском происхождении были «учинены справки и сверх того о родстве его взята у него... поколенная роспись»⁴².

Итак, обобщая полученную нами информацию (к части которой по-прежнему следует относиться критически, имея в виду возможность неточностей, допущенных при составлении тех или иных бумаг), имеющуюся биографию П. Л. Аксёнова можно дополнить следующими данными:

Аксёнов, Петр Лукич, род. в 1699 г., ум. в 1755 г. в Москве; с сер. 1710-х гг. служил подьячим Военной канцелярии в Москве; с образованием в 1718 г. коллегий был направлен в Санкт-Петербург, где сначала проходил службу в Камер-коллегии (президентом которой в 1718–1722 гг. являлся князь Дмитрий Михайлович Голицын), занимаясь составлением ведомостей прихода и расхода денежной казны государства и обучением ведению отчетности канцелярских служащих других коллегий; в нач. 1720-х гг. был назначен Сенатом камериром Камер-коллегии (с 1728 г. — в Москве, куда была переведена из С.-Петербурга Камер-коллегия) и в нач. 1730-х гг., возможно, являлся ее секретарём; с открытием в 1733 году в Санкт-Петербурге Камер-конторы (петербургского отделения Камер-коллегии) был произведен её секретарём и, предположительно, состоял им до конца 1730-х гг., после чего служил секретарём Ревизион-коллегии, а в 1748–1750-х гг. — ассессором Московской полицмейстерской канцелярии. Был женат первым браком на Марфе Ивановне (урожд. Протопоповой), вторым — на Анне Васильевне (состоявшей в первом браке замужем за секретарём Казанской губернской канцелярии Григорием Поповым); от первого брака имел сыновей Александра (род. 1732; сержант в 1757, подпоручик в 1758–59), Сергея (род. 1742; юнкер в 1757) и Петра (род. 1745; солдат в 1761)⁴³, а от второго — Василия (род. 1753/54) и Николая (род. 1755).

Таким образом, на наш взгляд, можно считать установленным факт, что уроженец Рязанской губернии, знаменитый русский гитарист Семён Николаевич Аксёнов, сын рязанского помещика Николая Петровича Аксёнова, является внуком видного служащего Камер- и Ревизион-коллегий — важнейших органов государственного финансового управления и контроля первой половины XVIII века — Петра Лукича Аксёнова.

II. Обретение фамилии

Разбираясь в родословной С. Н. Аксёнова, я обнаружил в электронном каталоге фондов Российской национальной библиотеки интереснейший документ времен императорства Александра I, озаглавленный следующим образом: Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, : [О позволении незаконнорожденным детям коллежского советника Николая Аксенова носить фамилию отца] / из Правительствующего Сената. — [Б. м., 3 сент. 1801]. Из приведенного там же развернутого описания следует, что текст его начинается словами: «В имянном Его Императорскаго Величества Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату минувшаго августа в 22-й день...», а в конце приведена дата рассыл-

⁴² Троицкий С. М. Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в. // Исторические записки. Т. 89. М., Наука, 1972. С. 319. Цит. ист.: ЦГАДА (ныне — РГАДА), Сенат, кн. 8122, ч. 2, л. 335 и об.; Он же. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., Наука, 1974. С. 185–186. Ист.: тот же.

⁴³ Приведены примерные даты рождения, установленные на основании возрастов, указанных в Исповедной ведомости 1754 г. (см. 36).

ки: «Сентября дня 1801 года»⁴⁴. Доступ к просмотру полного текста этого указа отсутствовал, однако, по чистой случайности оказалось, что математик, профессор Нижегородского университета Дмитрий Андреевич Гудков (1918–1992), работая в архивах над книгой о происхождении гениального русского математика Николая Ивановича Лобачевского «Загадки биографии»⁴⁵, в качестве одного из примеров решения по вопросу узаконения незаконно-рожденных детей сделал и привёл в своей книге выписку именно из этого указа. Приведенный в его работе текст из книги указов за 1801 год, находившейся в фонде Казенной палаты Н. Новгорода, почти не оставляет сомнений, что речь в нем идет о детях Николая Петровича Аксенова – отца Семёна Николаевича Аксёнова. Скомпилировав приведенную Д. А. Гудковым выдержку со стандартными формулировками аналогичных и подобных указов мы получаем следующее:

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената.

В имянном Его Императорского Величества Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату минушаго августа в 22-й день <за собственноручным Его Величества подписанием изображено>:

<«Снисходя на всеподданнейшее прошение» Коллежского Советника Николая Аксенова, <Всемиловейше позволяем» детям его, прижитым с настоящею его женой до брака, трем сыновьям Николаю, Федору и Семёну принять отцовскую фамилию Аксёновых <и вступить во все права, по роду и наследию законным детям принадлежащие».> Сентября <3> дня 1801 года.

По 2-му Департаменту»

В «Систематическом своде существующих законов...»⁴⁶, в частности, читаем:

«Указ 1802 Июля 15. Снисходя на всеподданнейшее прошение Порутчика Луки Харченка, Всемиловейше позволяем сыну его Александру, с законною его женою до брака рожденному, принять фамилию его и вступить во все права и наследство с другими его законными детьми равныя.

Таковы же Высочайшие Указы последовали:

1801 Августа 22. По прошению Коллежского Советника Аксенова.

1801 Октября 23. По прошению Действительного Статского Советника Жедринского.

Тогож числа. По прошению Надворного Советника Попова.

Тогож числа. По прошению Коллежского Ассессора Власьева.

1801 Октября 26. По прошению Статского Советника Олина.

Тогож числа. По прошению Капитана Неронова.

Тогож числа. По прошению Прапорщика Языкова.

1801 Ноября 5. По прошению Полковника Лопухина.

Тогож числа. По прошению Коллежского Советника Миллера.

Тогож числа. По прошению Подполковника Барона Фридрикса.

1801 Декабря 5. По прошению Генерал-Майора Геринга.

1801 Декабря 13. По прошению Статского Советника Кузминского.

1801 Декабря 17. По прошению Подполковника Яковлева.

1801 Декабря 22. По прошению Надворного Советника Николая Яковлева.

Тогож числа. По прошению Надворного Советника Саввы Яковлева.

1801 Декабря 23. По прошению Коллежского Советника Бороздина...»

и внушительный список последующих лет.

Учитывая, что отца Семёна Николаевича звали Николай Аксёнов, что он действительно имел чин коллежского советника и действительно имел трех сыновей — Николая, Федора и Семёна, крайне маловероятно, чтобы, при таком количестве совпадений, речь шла о других Аксёновых. Если к этому добавить еще и свидетельство Екатерины Ивановны Бибиковой-Раевской (1818–1900), что Н. П. Аксёнов «был женат на необразованной, хотя и хорошей женщине, его любившей и ходившей за ним, как за ребёнком»⁴⁷, можно предположить, что отец С. Н. Аксёнова сошелся и долгое время жил вне брака с женщиной более низкого происхождения, с которой имел общих детей, а узаконению отношений препятствовали, скорее

⁴⁴ Электронный каталог Российской национальной библиотеки: Экз. РНБ (18.88.1.1-1-4). [Эл. ресурс] URL: http://primo.nl.ru/07NLR_VU1:default_scope:07NLR_LMS011140617 (дата обращения: 25.12.16).

⁴⁵ Гудков Д. А. Н.И. Лобачевский. Загадки биографии. Нижний Новгород: Изд. Нижегородского университета, 1992. Указ. ист.: Государственный архив Нижегородской области (ГАНО), ф. 60, оп. 239а, д. 307, л. 519.

⁴⁶ Систематический свод существующих законов Российской Империи, с основаниями права из оных извлеченными, изд. Комиссиею составления Законов: Право гражданское. Т. III. Основания гражданского права. Ч. I. Право лиц. Гл. VIII. СПб., 1817.

⁴⁷ Из воспоминаний Екатерины Ивановны Раевской // Исторический вестник, т. LXXIV (74), декабрь, 1898. С. 969.

всего, какие-то внешние обстоятельства, так или иначе связанные с их сословным неравенством. Вообще, наличие внебрачных детей у дворян не было правилом или нормой, но и не являлось чем-то исключительным. Как бы там ни было, но только благодаря дарованной Александром I «реабилитации», Семён Николаевич Аксёнов и его братья получили «путёвку в жизнь», дававшую им не только право на отцовскую фамилию, пользование наследственными правами и дворянским достоинством, но и возможность построения карьеры на государственной службе. Поясним, что положение незаконнорожденных детей в России вплоть до начала XX века было крайне незавидным как в семье, так и в обществе. Причем, обретение «законности» было делом отнюдь не простым и не формальным.

Императоръ Александръ I въ 1802 году.
Съ портрета, писаннаго Вуалежъ.

Опасаясь поощрять внебрачные связи, государство добивалось, чтобы случаи узаконения незаконнорожденных детей не стали нормой, а были явлением исключительным. Так, 13 июня 1801 года Государственный совет вынес мнение, что чем больше будет таких узаконений, тем больше они будут пагубно влиять на нравы. Поэтому узаконение, «сопричтение» необходимо рассматривать как милость Монаршую, которая даруется за заслуги и в соответствии с конкретными обстоятельствами. Однако необходимо, чтобы данная милость не превратилась обычаем в право, поскольку является вредной для нравов и ослабляющей необходимость супружеств. Нужно при каждом таком дозволении обозначать, что оно дается в уважение к службе и отличным делам просителя, людям же, не имеющим особых заслуг, в таких просьбах отказывать. Лица, которым будет даровано право дворянства, получают право владеть благоприобретенным имением родителей. Присвоение фамилии таким лицам зависит от Высочайшей власти и от уважения к заслугам. Детей, узаконенных посредством вступления родителей в брак, необходимо вводить во все права фамилии и наследства, принадлежащих законнорожденным детям, что будет способствовать заключению браков и прикрытию соблазна от незаконного сожительства⁴⁸.

Утверждение Александром I проекта Государственного Совета, разрешающего узаконение внебрачных детей, родители которых вступили в брак между собой⁴⁹, сразу же привело к резкому увеличению количества прошений на монаршее имя, причем дворяне просили разрешения узаконить и ввести во все права «по роду и фамилии» сразу несколько детей. Это говорит о том, что многие дворянские семьи существовали вне законного брака довольно долгое время (3–5 лет и более), а само количество прошений свидетельствует, что подобные случаи не были из ряда вон выходящими⁵⁰. Так, начиная от издания 13 июня 1801 года положения Государственного совета по 1810 год было принесено 456 ходатайств о «сопричтении» к законнорожденным детям, прижитых родителями до брака. Из них удовлетворены 384 просьбы, по которым было узаконено 986 детей. С 1810 по 1827 год поступили 690 прошений об узаконении, из которых удовлетворены 446, по ним узаконены 1234 ребёнка. Всего в течение 26 лет были введены во все права рода и наследства около 2300 незаконнорожденных лиц⁵¹.

⁴⁸ Войнилова И. Г. Правовое положение незаконнорожденных лиц в период систематизации права в России 1649–1833 гг. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — Вып. 2 (24). — 2014, апрель-июнь. — С. 13.

⁴⁹ Решение Государственного совета гласило, что «детей, рожденных прежде супружества, от матери, впоследствии браком соединенной, без всякого сомнения можно вводить во все права фамилии и наследства, законным детям принадлежащие».

⁵⁰ Крылова А. А. Незаконнорожденные дети дворян в российской империи: права и социальный статус // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманит. науки. — 2016. — Вып. 4. — Т. 16. — С. 39.

⁵¹ Войнилова И. Г. Указ. соч. Там же.

Видимо, не замедлил воспользоваться официальным позволением подавать прошения на монаршее имя об узаконении своих детей и Николай Петрович Аксёнов. Прощение его, как видим, было тогда удовлетворено, но вот у тех, кто оказался в подобном же положении после вступления на престол императора Николая I, шансов обрести права «законных» уже не было: 23 июля 1829 года Высочайшим указом было утверждено: «Уважив, что узаконение незаконнорожденных детей, кроме неудобства, несогласно с духовным и гражданским законами... существующие на предмет сей правила отменить и впредь не давать хода прошениям ни об усыновлении воспитанников, ни о сопричтении к законным детям до брака рожденных»⁵². К счастью детей, уже восстановленных в правах, данный Указ не имел обратного действия, а потому, все сопричтенные к законнорожденным детям до его издания пользовались всеми правами, предоставленными им Высочайшими указами.

Сложись такая ситуация в начале века, ни о каком начале достойной служебной карьеры у Аксёнов уже бы не было. 20 декабря 1837 г. было зафиксировано мнение членов Правительствующего Сената, согласно которому воспрещалось принимать незаконных детей в уездные училища, гимназии и другие учебные заведения, на гражданскую службу. Позже, автор сочинения «Вопрос о незаконнорожденных», обзвывая состояние современного ему законодательства на этот счёт, писал: «Воспитанников из незаконнорожденных или неизвестного происхождения детей запрещается определять в гражданскую службу с присвоением права на получение классных чинов, хотя бы они получили воспитание даже в гимназиях и равных им заведениях на счет приказов общественного призрения»⁵³.

Итак, Аксёновыми – законными носителями родовой фамилии – Семён Николаевич и его братья становятся только в 1801 году. Какую фамилию они получили при рождении мы не знаем, но это могла быть либо фамилия матери – Андреевы, измененный вариант фамилии отца (например, полученный ее усечением; известно, в частности, что таким образом от Татищевых произошли Тищевы, от Трубецких – Бецкие, от Потемкиных – Темкины и т. п.) либо же любая другая (к примеру, по географическому названию – городу, селу, имени; образованная от имени родного или крестного отца и т. п.), запрещено было только брать фамилии родов знатных и известных. Кстати говоря, известный русский и советский историк гитары В. П. Машкевич, не подозревая о возможной «незаконнорожденности» и «фамильной проблеме» Аксёнова, составляя перечень его сочинений, причислил к их числу два сборника – «Три песни русские для фортепиано» и «Три песни русские с аккомпанементом для гитары» (оба 1833 года) – автором которых значится Лошаков. В примечании-пояснении он по этому поводу писал: «Три русские песни для голоса с гитарой опубликованы в тетради такого же типа, как несколько сборников небольших русских песен Сихры, и номер эта тетрадь имеет соответственно всем тетрадям. Учитывая это обстоятельство, а также и то, что Аксёнов обладал именем в селе Лошаки, мы полагаем, что Лошаков является псевдонимом Аксёнова»⁵⁴. Добавим, что автором был не просто *Лошаков*, а «*С. Лошаков*» – одна из, по-видимому, этих песен вошла в библиографический указатель «Русский фольклор»⁵⁵:

1478. Вылетала голубина на долину: Air national avec accompagnement de piano / Par S. Lochakoff. — [М.]: Brieff, [18..]. — 4 с., нот. — Авт.: С. Лошаков.

Не исключено, что это действительно сочинения С. Н. Аксёнова, а Лошаков не просто псевдоним, а и фамилии, которую он мог носить до получения им права называться Аксёновым.

III. Начало служебной карьеры: первые годы

22 ноября 1801 года, спустя ровно три месяца после удовлетворения поданного отцом прошения, двое из троих братьев — Фёдор и Семён — одновременно поступили на службу в Провиантский штат вахтерами (магазин-вахтерами), 25 мая 1803 года оба были переимено-

⁵² Черкашина Н. В. Законодательная хроника о правовом положении незаконнорожденных детей // Бизнес в законе. — 2013. — № 3. — С. 10.

⁵³ А. И. [Загоровский] Вопрос о незаконнорожденных. СПб.: тип. и лит. А. Траншеля, 1875, С. 57.

⁵⁴ Классическая гитара в России и СССР: биограф. муз.-лит. словарь-справочник рус. и сов. деятелей гитары / [сост. М. С. Яблоков; редкол.: А. В. Бардина [и др.]]. — Екатеринбург: Русская энциклопедия; Тюмень: Слово Тюмени, 1992. — Стб. 75–76.

⁵⁵ Русский фольклор: Библиографический указатель. 1800-1855 / Сост. Т. Г. Иванова; под ред. А. А. Горелова; [Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)]. — СПб., 1996. — С. 120.

ваны писарями, а 31 декабря 1804 года произведены в коллежские регистраторы – низший гражданский чин 14-го класса⁵⁶. В биографиях С. Н. Аксёнова нигде не называется место нахождения того провиантского подразделения, в котором он начал службу, но по умолчанию подразумевается, что это была, конечно же, Москва. Последнее крайне важно, поскольку где же еще, как не в Москве, Аксёнов в эти годы смог стать первоклассным гитаристом под руководством А. О. Сихры, и откуда, как не из Москвы, он мог наезжать в имение М. М. Хераскова и давать там уроки М. Т. Высотскому. В самом деле, если С. Н. Аксёнова в начале 1800-х годов в Москве не было, рушатся (ну, или по крайней мере, серьезно подрываются) все наши сложившиеся представления о развитии событий тех лет в московской гитарной среде... Но почему вообще у меня могло возникнуть сомнение в факте, считающемся незыблемым? Дело в том, что из идентичности в переменах по службе обоих братьев сам собой напрашивается вывод, что с 1801 по 1807 год они служили вместе. Однако из книги Е. Н. Крупина, неожиданно узнаем, что, «в 1801–1807 гг. Фёдор Николаевич служил магазинвахтмейстером в Георгиевском провиантском депо»⁵⁷. Дальше биографии братьев расходятся: как свидетельствуют и Е. Н. Крупин в той же работе, и И. Ж. Рындин в исследовании «Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии», Фёдор Николаевич в 1808 году поступил в Московский полицейский эскадрон, в котором оставался до 1810 года, а затем продолжил службу в армии, проявив себя в военных походах русской армии в 1813 и 1814 гг.; затем, выйдя по болезни в отставку в 1816 году в чине поручика, жил с семьей в родовом имении в Паниках (Лошаках), Данковского уезда Рязанской губернии.

Версию о том, что можно просто придумать приписать Ф. Н. Аксёнову Георгиевское провиантское депо, а не опираться на документальную информацию, надо, думаю, откинуть сразу, как наиболее экзотичную и невероятную. Но и принять свидетельство Е. Н. Крупина без установления первоисточника его информации тоже рискованно. Однако если она подтвердится, историкам гитары предстоит немало потрудиться, чтобы понять и объяснить, каким же в таком случае образом могли в течение достаточного продолжительного времени осуществляться в Москве контакты С. Н. Аксёнова с Сихрой и Высотским. Не возникнет этой проблемы лишь в том случае, если выяснится, что несмотря на совпадения в развитии карьеры, братья Аксёновы все-таки служили в разных провиантских штатах: Фёдор — в Георгиевске, а Семён — в Москве.

Нельзя и просто проигнорировать информацию о Георгиевском провиантском бюро в биографии Аксёнова. Дело в том, что оно было образовано лишь 29 августа 1801 года⁵⁸, а следовательно, во второй половине этого года как раз шел подбор и комплектование его штата, т. е. момент получить место был исключительно подходящий для обоих Аксёновых, еще не имевших опыта службы. Известно, что личный состав комиссариатского и провиантского ведомств комплектовался в тот период не в последнюю очередь «определением лиц, ранее нигде не служивших»⁵⁹. Пройти отбор более или менее хорошо образованному кандидату тоже, видимо, не представляло труда, поскольку «образование почти всей массы служащих ограничивалось умением читать, писать и считать; попадались совсем неграмотные»⁶⁰. А Аксёновы, как мы предполагаем, получили очень приличное домашнее образование.

Несколько слов о том, что собой представляло и где находилось Георгиевское провиантское бюро. Предназначено оно было для обеспечения войск, находившихся на Кавказской Линии. В обязанности провиантского бюро входило: 1) заготовление и отпуск в войска провианта и фуража; 2) образование и хранение запасов продовольствия. Основные провиантские склады (и амуниционные склады комиссариатского бюро) находились в г. Георгиевске (Георгиевской крепости), являвшемся тогда центром Кавказской губернии (сегодня это административный центр

⁵⁶ Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Т. 10. Вып. 1 / [И. Ж. Рындин]; под ред., с предисл. и доп. Б. В. Горбунова. — Рязань : Изд. Рязанского обл. ин-та развития образования, 2006. — С. 53–54.

⁵⁷ Крупин Е.Н. Рязанский родословец. Выпуск 3: Род дворян Дубовицких. Рязань: Новое время, 1996. С. 65.

⁵⁸ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. V, Ч. 1-я: Главное интендантское управление. Исторический очерк. — СПб., 1903. — С. 83.

⁵⁹ Там же, с. 75.

⁶⁰ Там же.

Георгиевского района Ставропольского края). Оттуда продовольствие и припасы, обмундирование, другое военное имущество направлялись по всему Кавказу, в Закавказье и Дагестан. Управление им осуществлялось Комиссией Георгиевского Провиантского Депо, которую возглавил специально возвращенный на службу из отставки 26 октября 1801 года генерал-майор Емельян Иванович фон-Рейтер, находившийся на этом посту до 1812 года и отмеченный императором за усердие в службе и умелое обеспечение войск «безнуждным продовольствием» «невзирая на многотрудные, а иногда и непреодолимые препятствия по недостатку в денежной сумме»⁶¹.

IV. Переезд в Петербург

В 1807 году Семен Николаевич оставил место своей первой службы. Была ли это Москва, или Георгиевск, мы пока больше обсуждать не будем до прояснения этого вопроса фактами, но в литературе на этот счёт существует твердое убеждение, что до Петербурга Аксёнов служил в Москве. М. А. Стахович, как известно, ошибочно полагал, что переезд Аксёнова в Петербург состоялся уже после того, как там поселился Сихра. В «Очерке истории семиструнной гитары» он писал, что «Сихра переехал из Москвы в Петербург; там усовершенствовал он свой инструмент... и там составил свою школу», а «Аксёнов остался в Москве после Сихры первым гитаристом, также имел учеников, и образовал свою особую школу»⁶². Последующие историки гитары сумели, однако, найти опровержения этому заблуждению М. А. Стаховича и показать, что Сихра, на самом деле, перебрался в Петербург несколькими годами позже Аксёнова — в 1813-ом или, возможно, даже чуть ранее, но, в любом случае, никак не раньше своего ученика. Но вот вопрос — а верна ли называемая дата начала службы самого Аксёнова в Петербурге? В биографиях С. Н. Аксёнова в один голос утверждается, что он переехал туда в 1810 году. Но так ли это на самом деле?

Из послужного списка С. Н. Аксёнова известно, что 16 июня 1807 года он был определен в число канцелярских служащих Горного департамента. Однако формирование новообразованного Горного департамента шло в то время не в Москве, а в Санкт-Петербурге. Именно там взамен упраздненной прежней Берг-коллегии и создавался при Министерстве финансов⁶³ новый департамент. Да, действительно, в Москве (а также в Перми) в рамках той же реформы одновременно были созданы еще и местные органы горного ведомства — окружные горные правления, но если бы речь шла о зачислении Аксёнова в Московское горное правление, то именно так оно и было бы поименовано в его формуляре, а между тем в нём совершенно определенно новым местом службы называется Горный департамент⁶⁴. А учитывая, что и два последующих места работы — Симбирская казённая палата и Лесной департамент⁶⁵ — также были подведомственны Министерству финансов, можно считать почти несомненным, что в Петербург С. Н. Аксёнов уехал уже летом 1807 года.

Итак, первый (хотя и очень недолгий) петербургский «служебный» адрес С. Н. Аксёнова, следует искать по месту нахождения Горного департамента Министерства финансов в 1807–1808 гг.

⁶¹ Русский биографический словарь: В 25 т. / Изд. Импер. Рус. историч. об-ва. — Т. 16. — СПб., Тип. Импер. Акад. наук. — 1913. — С. 24.

⁶² Стахович М. А. Очерк истории семиструнной гитары. Сихра – Аксёнов – Высотский // «Москвитянин», 1854, Т. IV, № 13, отд. «Смесь», с. 6.

⁶³ Встречающееся кое-где в литературе утверждение, что Горный департамент якобы первоначально находился в ведении Министерства коммерции, является неверным.

⁶⁴ Горный департамент (офиц. дата учреждения — 1806 г.; 1807–1811, 1863–1917), Департамент горных и соляных дел (1811–1863). С 16.07.1807 по 01.01.1874 состоял в ведении Министерства финансов (в 1807–1809 гг. управляющим Министерства финансов являлся Государственный казначей Федор Александрович Голубцов). Учрежден для управления горнозаводскими делами вместо упраздненной Берг-коллегии (еще ранее, в 1-й четверти XVIII в., центральным органом горного управления был Приказ рудокопных дел), на основании «проекта Горного положения» от 13 июля 1806 года, открыт 16 июля 1807 г. В 1807–1811 гг. в департаменте действовали две структурные части: Горный совет (дела учредительные, законодательные, ученые, искусственные и художественные) и Горная экспедиция (дела хозяйственные и исполнительные). Первым директором (управляющим) Горного департамента был назначен один из видных горных деятелей того времени Гавриил Семенович Качка (1739–1818), известный своими обширными и глубокими практическими познаниями в горном деле. Одновременно в Москве и Перми были созданы окружные Горные правления, число которых затем было существенно расширено. Московское горное правление предназначалось для управления Замоскворецким горным округом, на территории которого располагались только частновладельческие предприятия. Возглавлялось оно председателем (берг-инспектором), в состав входили: 2 советника, секретарь, бухгалтер, протоколист, регистратор, казначей, архивариус, канцелярские служащие. В ведении Горного департамента находился Горный кадетский корпус (с 1834 – Институт Корпуса горных инженеров, затем Горный институт; ныне — Санкт-Петербургский горный университет), который по должности возглавляли руководители горного ведомства.

⁶⁵ Лесной департамент был передан в Министерство финансов в 1802 году из Адмиралтейства и оставался в его составе до 1811 года; позднее существовал в качестве департамента Министерства государственного имущества (обр. в 1837 г.).

г. Симбирск, Зданіе присутственных мест (2-я пол. XIX в.)
(построено в 1807 году, восстановл. после пожаров 1828 и 1864 гг., расширено в 1898 г.)

К горному делу С. Н. Аксёнов, конечно же, никакого отношения не имел и приглашен на службу в департамент был, видимо, либо как хорошо зарекомендовавший себя на прежней службе энергичный, старательный и грамотный «канцелярист», в каковых в период преобразования и организационного становления нуждалось новое ведомство, либо по протекции и рекомендации кого-либо из знакомых отца. Впрочем, в этот раз Семён Николаевич прослужил в Петербурге совсем немного и уже через полгода получил новое назначение на периферии, но по тому же Министерству финансов. В вопросе, куда именно отправился продолжать службу С. Н. Аксёнов, его биографы на редкость дружно ошиблись, «сослав» его в Сибирь, и это недоумение следует устранить.

V. «Сибирь», которой не было

Ошибкой, допущенной В. П. Машкевичем и содержащейся в биографии С. Н. Аксёнова в энциклопедии «Классическая гитара в России и СССР»⁶⁶ (также воспринятой и повторенной О. В. Тимофеевым в диссертации «Золотой век русской гитары: репертуар, исполнительская практика и социальные функции русской семиструнной гитарной музыки (1800–1850)»⁶⁷, а затем и в его статье об Аксёнове в словаре Гроува⁶⁸) является утверждение, что в 1808–1810 годах С. Н. Аксёнов служил в Сибирской казённой палате и находился в эти годы в Сибири, «по-видимому, в Екатеринбурге», пишет Машкевич⁶⁹. В той же энциклопедии, но уже в статье о Сихре, сказано еще определеннее: «...в 1807 г. С. Н. Аксёнов уехал из Москвы в «Сибирь» (Екатеринбург, ныне Свердловск) и вернулся оттуда в 1810 году, но не в Москву, а в Петербург»⁷⁰. На самом деле, С. Н. Аксёнов служил в Симбирской казенной палате, т. е. в г. Симбирске (нынешнем Ульяновске) на р. Волге. «Симбирск, сравнительно с другими городами, представляется как бы барином среди простолюдинов, он — дворянин на Волге», — писалось о городе в «Адресе-календаре Симбирской губернии за 1901 год»⁷¹. Что же до Сибирской казенной палаты, то таковой в принципе в то время в природе не существовало, поскольку казенные палаты являлись *губернскими* учреждениями министерства финансов Российской империи и именовались, соответственно, по названиям губерний, а Сибирская губерния в Российской империи была упразднена еще до рождения С. Н. Аксёнова: образованная в 1708 году Петром I, она просуществовала до административной реформы 1782 года. Таким образом, с января 1808 по январь 1810 г. С. Н. Аксёнов служил в Казенной палате Симбирской губернии, являвшейся губернским органом Министерства финансов по Департаменту Государственного Казначейства. Казенная палата вместе с губернским казначейством располагались в здании присутственных мест в центре Симбирска (ныне его занимает Ульяновская сельскохозяйственная академия), расположенном рядом с главной, Соборной, площадью города.

Справедливости ради замечу, что источником информации В. П. Машкевичу послужила статья об Аксёнове в «Русском биографическом словаре» под ред. А. А. Половцова⁷², в которой и в самом деле напечатано «сибирской», а не «симбирской», так что ответственность за эту ошибку лежит в первую очередь на авторах указанного словаря, а лишь потом на тех, кто ему доверился, не проверив, существовало ли такое ведомство, или нет.

Возвращение С. Н. Аксёнова в Санкт-Петербург состоялось в 1811 году, на этот раз уже надолго. Именно на годы службы в столице приходится расцвет его как гитариста и обретение широкой известности в культурных кругах России.

⁶⁶ Классическая гитара в России и СССР : биогр. муз.-лит. словарь-справочник рус. и сов. деятелей гитары / [сост. М. С. Яблоков ; редкол.: А. В. Бардина [и др.]]. — Екатеринбург : Русская энциклопедия ; Тюмень : Слово Тюмени, 1992. — Стб. 73–74.

⁶⁷ «1808–1810 — Siberia (possibly, Yekaterinburg)» (Timofeyev O. V. The Golden Age of the Russian Guitar: Repertoire, Performance Practice, and Social Function of the Russian Seven-String Guitar Music, 1800–1850. Ph. D. Dissertation, Department of Music, Duke University, 1999, p. 221).

⁶⁸ «In 1808 he was transferred to Siberia, and from 1810 lived in St Petersburg» (Timofeyev O. Aksyonov, Semyon Nikolayevich // The New Grove Dictionary of Music and Musicians, 2001).

⁶⁹ Классическая гитара в России и СССР. Там же.

⁷⁰ Там же, стб. 1688.

⁷¹ Адрес-календарь Симбирской губернии за 1901 год. — Симбирск, 1901. — С. 38.

⁷² Русский биографический словарь: В 25 т. / Изд. под набл. А. А. Половцова. — Т. 1. — СПб., Тип. И. Н. Скороходова. — 1896. — С. 108.

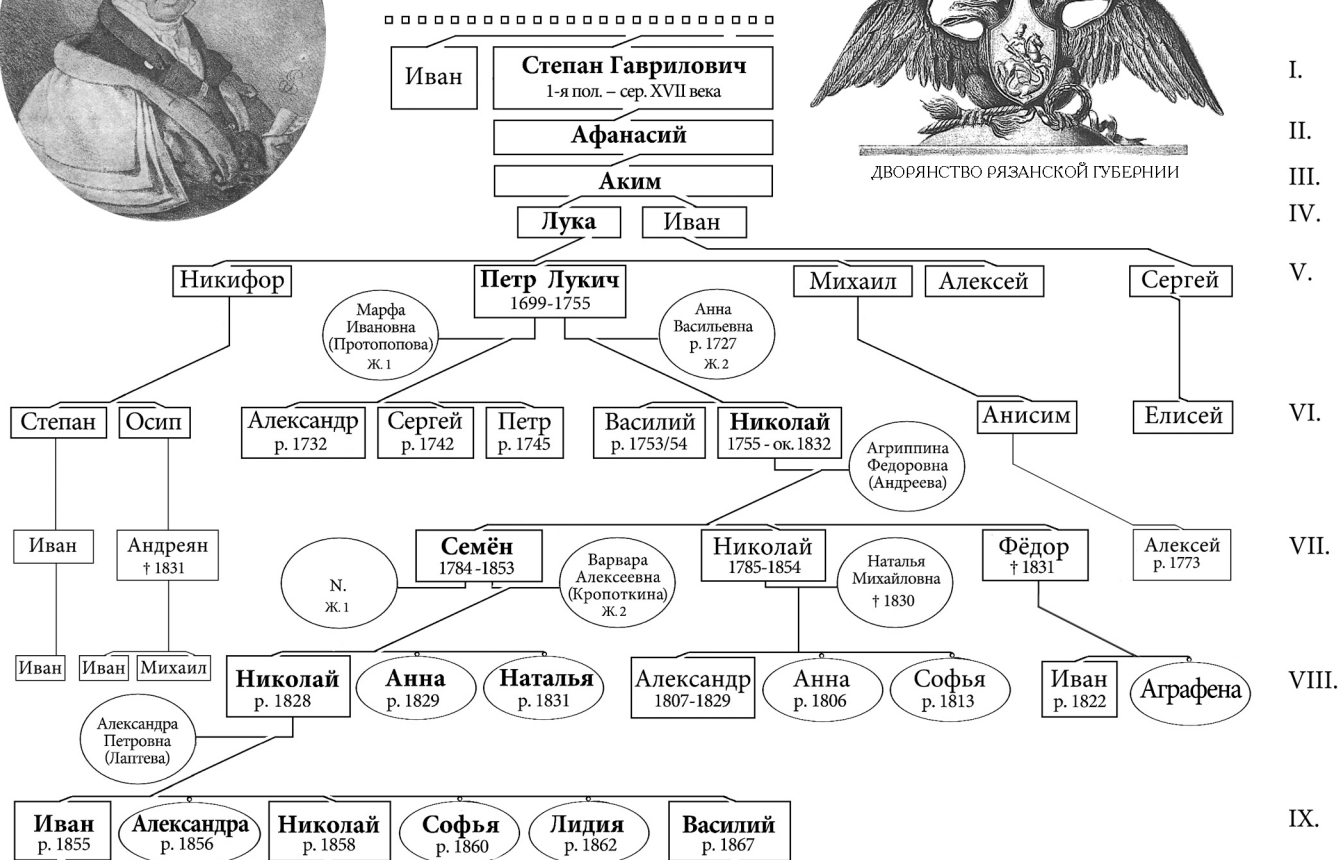

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ РОДА

Семёна Николаевича Аксёнова

ДВОРЯНСТВО РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

АКСЁНОВ род (1-я ветвь)¹ — рязанский дворянский род, внесенный в 1811 г. в VI часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии².

Первое колено

1. Степан Гаврилович Аксёнов.

В 7142, 1634 году в числе Дворян и детей Боярских, бывших под Смоленском, написан. Брат его, Иван, в 7136, 1628 году в списке Смоленских

¹ Основу росписи составили «Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии» И. Ж. Рындина (Материалы и исследования по рязанскому краеведению – Т. 10, Вып. 1: Абаза – Бюллеры. – Рязань, Ряз. обл. ин-т развития образования, 2006). Дополнения, исправления и уточнения, а также составление родословной схемы и примечания принадлежат В. В. Тавровскому. Ссылки на другие использованные источники приведены в сносках.

Редакция благодарит за информационную помощь директора Межпоселенческой центральной библиотеки имени братьев В. и Э. Сафоновых Сараевского муниципального района Рязанской области Наталию Анатольевну Хвостову.

² В VI ч. ДРК записывались потомственные дворяне, предки которых получили дворянство за 100 лет до «Жалованной грамоты дворянству» (1785 г.).

Дворян и детей Боярских написан. В 7142, 1634 году в числе Дворян и детей Боярских, бывших под Смоленском, показан³.

Второе колено

2. Афанасий Степанович (1).

В 1649 году за службу верстан помещным и денежным окладом.

Третье колено

3. Аким Афанасьевич (2).

Лесных дел надзиратель.

Четвертое колено

4. Лука Акимович (3).

Крепостных дел надсмотрщик. За ним в 1713 г. поместье в с. Малинки Данковского уезда.

5. Иван Акимович (3).

³ Родословной российской словарь... издан и усерднейше приносится благородному российскому дворянству Матвеем Спиридовым. Часть I. М., Унив. тип., у В. Огорокова, 1793. – С. 59.

Пятое колено

6. Никифор Лукич (4).

7. Петр Лукич (4).

1699–1755

Подьячий Военной канцелярии (1710-е гг.), секретарь Ревизион-коллегии, ассессор при полиции.

Ж. 1: Марфа Ивановна (урожд. Протопопова).

Ж. 2: Анна Васильевна. Род. 1727. В первом браке с Григорием Тимофеевичем Поповым, секретарем Казанской губернской канцелярии.

8. Михаил Лукич (4).

Канцелярист.

9. Алексей Лукич (4).

10. Сергей Иванович (5).

Шестое колено

11. Степан Никифорович (6).

Канцелярист (в 1748), регистратор Ревизион-коллегии в 1754–1755 гг.

12. Осип Никифорович (6).

13. Александр Петрович (7).

Род. 1732.

Сержант (1757), подпоручик (в 1758–59).

14. Сергей Петрович (7)

Род. 1742.

Юнкер (1757).

15. Петр Петрович (7).

Род. 1745.

Солдат (1761).

16. Василий Петрович (7)⁴.

Род. 1753 или 1754.

17. Николай Петрович (7).

Род. 1755 – ум. после 1832.

Коллежский советник. Служил в л.-гв. Измайловском полку солдатом; с 1773 г. — капралом; переведен в л.-гв. Преображенский полк каптенармусом в 1774; произведен в сержанты в 1776; переведен в Ширванский пехотный полк в 1778; произведен в капитаны 1.01.1785; 20.04.1786 отставлен секунд-

майором. Вступил в службу в Московскую полицию 12.05.1788, где переименован коллежским ассессором; 31.12.1797 пожалован надворным советником; 13.02.1800 отставлен за болезнью коллежским советником. 13.06.1800 награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. За ним в 1811 в Данковском у. 76 душ в сц. Петрово и 150 душ в сц. Паники. 21.04.1785 внесен в VI ч. ДРК Рязанской губ.

Ж.: Агриппина (Аграфена) Федоровна Андреева.

18. Анисим Михайлович (8).

Подканцелярист.

19. Елисей Сергеевич (10).

Седьмое колено

20. Иван Степанович (11).

21. Андреян Осипович (12).

Ум. 1831.

Подпоручик.

Ж.: Мария Гавриловна Харламова (род. 1762).

22. Семён Николаевич (17).

1784, с. Лошаки Данковского у. (ныне в Милославском р-не Рязанской обл.) – 30.05.1853, там же. Похоронен на кладбище с. Хитрово (ныне в Данковском р-не Липецкой обл.).

Коллежский советник (1832). В службу вступил в Провиантский штат 22.11.1801; переименован писарем 25.05.1803; произведен в коллежские регистраторы 31.12.1804; от должности уволен в апреле 1807; определен в Горный Департамент в число канцелярских служащих 16.06.1807; уволен по прошению и определен в Симбирскую Казенную Палату 12.01.1808; пожалован губернским секретарем 31.12.1808; уволен из Палаты 18.01.1810; определен в Лесной Департамент 13.04.1810; пожалован в коллежские секретари 26.07.1811; по прошению уволен к другим делам 17.08.1811; определен в С.-Петербургскую Контору Адресов эзекутором 23.08.1811; пожалован титулярным советником 31.12.1814; 8.01.1812 и 5.01.1817 получил денежное вознаграждение 150 и 450 руб. Награжден орденом Св. Анны 3-й степени 13.09.1819; назначен к Управляющему Военным министерством для разных поручений 27.08.1823; 10.01.1824 произведен в надворные советники; 12.02.1826 награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. Уволен согласно прошению 6.12.1824⁵. По прошению определен в Комиссариатский Департамент Морского министерства

⁴ Возможно его биография приведена в «Сборнике биографий кавалергардов: 1724–1899. По случаю столет. юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Имп. Марии Федоровны полка»: «Василий Петрович Аксенов, из дворян, сначала в службу поступил в 1771 г. в Измайловский полк солдатом; в том же году произведен в капралы, в 1772 г. в фурьеры; 13 июня 1774 г. произведен в сержанты и того же числа пожалован в Кавалергардский корпус кавалергардом и поручиком, с зачислением в Невский пех. полк. В 1779 году произведен в капитаны, а 26 июня 1780 года выпущен из корпуса и отослан в Военную Коллегию для отсылки в полк. 5 октября того же года Аксенов был уволен, по прошению, в отставку «за слабостью здоровья и по основанию именного о вольности, данной дворянству, указу», с чином сек.-майора. В 1782 г. Аксенов служил приставом в Московской полиции». Ист. в сноске: «Леф. арх., оп. 120, св. 19, № 20; св. 73, д. 74/81; Опред. Военн. Колл. 1780 г., Октябрь, лл. 48 и 49; М. арх. М. Ю., Герольдм. конт., кн. 736, л. 304» (Т. 2 : 1762–1801. – СПб., 1904. – С. 97).

⁵ В Адрес-календарях 1825–1827 гг. С. Н. Аксёнов в течение всех этих годов числится чиновником 7 кл. этого ведомства и указан «в разных командировках, при военном министре» (1825, ч. 1, стр. 148; 1826, ч. 1, стр. 152; 1827, ч. 1, стр. 164). Причем в Адрес-календаре 1825 года перед данными по Комиссариатскому департаменту стоит примечание: «Состояние чинов по 22-е декабря 1824». Вообще, при неполучении новых сведений в этих изданиях всегда указывалось, что данные за такой-то год получены не были, однако в этом случае такие оговорки отсутствуют. Кроме того, именно в этот период, а именно 12.02.1826, С. Н. Аксёнов был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст., что было бы очень странно, если бы в это время он уже более года как не служил. – В. Т.

старшим чиновником особых поручений 4.01.1828. Получил знаки отличия беспорочной службы за 20 (XX) лет (22.08.1828) и за 25 (XXV) лет (22.08.1833); назначен членом Общего присутствия 23.04.1830; назначен членом комиссии, учрежденной для обривизования дел Департамента 29.12.1830; отставлен 17.02.1833 чиновником 6 кл. и награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.

За ним в Данковском у. 65 душ в сц. Петрово и 89 душ в сц. Лошаково (Паники); Новгородской губ. Белозерского у. в разных дд. 40 душ; С.-Петербургской губ. Лужском у. пустопорожня земля. У жены благоприобретенное имение 65 душ в с. Борки Спасского у. и на р. Паре пристань и склады хлеба.

Ж.: 1. N.;

Ж.: 2 (дата бракосоч. неизв.) урожд. кж. Варвара Алексеевна Кропоткина, вдова коллежского секретаря А. И. Фатова. Имела от первого брака дочь Ольгу (род. 1820). На её средства в 1856 году в Лошаках (Паниках) была поставлена деревянная Спасская церковь, на месте которой в 1870-е гг. построили новую каменную Спасскую церковь.

23. Николай Николаевич (17).

1785 – 22.11.1854.

Губернский секретарь.

Ж.: Наталья Михайловна (ум. 1830).

24. Федор Николаевич (17).

1788 – 23.06.1831.

Поручик. Вступил в службу в Провиантский штат 22.11.1801 магазинвахтмейстером в Георгиевском провиантском депо⁶; переименован в писари 25.05.1803; произведен в коллежские регистраторы 31.12.1807; поступил в Московский полицейский эскадрон 29.10.1808; уволен от службы 8.03.1810; принят в Оренбургский уланский полк юнкером 15.09.1810; за отличие в сражении произведен в корнеты 17.05.1814. Находился в походах: в Царстве Польском в 1813, в Пруссии, Саксонии, Богемии, Вестфалии в 1814, в Голштинии при блокаде Гамбурга и при его сдаче. Возвращался в Россию через Ольденбург и Мекленбург, Пруссию и Польшу. 30.12.1816 уволен за болезнь.

Ж.: Любовь Степановна Медвецкая, во 2-м браке (1833) за капитаном Турчаниновым.

25. Алексей Анисимович (18).

Род. 1773.

Титулярный советник. Служил с 26.06.1783 в Данковском уездном казначействе копиистом; 12.04.1785 пожалован в подканцеляристы; 3.09.1786 в канцеляристы; 17.01.1788 в губернские регистраторы; от статской службы уволен и в 1790 определен в Семеновский полк, откуда 1.01.1793 уволен подпоручиком. С 1797 по ноябрь 1800 года служил в Уездном Суде дворянским за-

седателем и земским исправником в Данковском, Раненбургском, Скопинском судах; с мая 1801 года вновь избран уездным заседателем. За ним 5 душ в с. Малинки Данковского уезда.

Восьмое колено

26. Иван Иванович (20).

Титул. советник (в 1831), коллежский асессор (в 1850).

27. Иван Андреянович (21).

28. Михаил Андреянович (21).

29. Александр Николаевич (23).

1807 – 25.09.1829.

Коллежский регистратор. В службу вступил в Рязанское Дворянское депутатское собрание канцеляристом 29.01.1824; пожалован в коллежские регистраторы 31.12.1827; за болезнью уволен 16.03.1829.

Анна Николаевна (23).

Род. 1806.

М.: надворный советник Дмитрий Семенович Смирнов (род. 1795).

Софья Николаевна (23).

Род. 1813.

За ней 100 дес. земли и 15 душ крестьян в с. Малинки Кудрявской (Воскресенской) волости Данковского у., и 57 дес. в с. Мишенки того же уезда (большую часть — 52 дес. — продала в 1870 г.).⁷

М.: коллеж. секретарь Иван Алексеевич Викулин.

30. Иван Федорович (24).

Род. 30.05.1822; крещен в с. Новоматвеевка Тамбовского уезда; восприемники: генерал-майор Александр Егорович Ансис и полковница Надежда Степановна Протопопова.

Аграфена Федоровна (24).

М.: астраханский потомственный почетный гражданин Кожевников (ум. до 25.05.1885).

31. Николай Семёнович (22).

Род. 3.06.1828; крещен 14 июня в Николо-Богоявленском Морском соборе С.-Петербурга; восприемники: действительный камергер Всеволод Андреевич Всеволожский и жена генерал-интенданта флота Василия Михайловича Головнина — Евдокия (Авдотья) Степановна (ур. Лутковская). Коллежский асессор. Младший помощник над-

⁷ Морозан В. В. Мелкопоместное дворянство Центрально-земледельческого района России в XIX веке // Труды историч. фак-та С.-Петербурга. ун-та. – 2012. – №9. – С. 32, 35. Ист.: Списки потомственных дворян имеющих землю по Данковскому у. // ГАРО. Ф. 99. Оп. 6. Д. 1.

В том же источнике, в «Списке дворян с указанием количества имеющейся у них земли, проживающих в Данковском уезде Рязанской губернии», совладельцами 4 дес. при с. Мишенках значатся: «Викулина Софья Николаевна, коллежская секретарша и Аксенов Александр Дмитриевич, коллежский секретарь, 4½ дес. при с. Мишенках» (стр. 32). Родственная связь последнего с другими представителями рода Аксеновых не выяснена.

⁶ Крупин Е. Н. Рязанский родословец. Вып. 3: Род дворян Дубовицких. – Рязань: Новое время, 1996. – С. 65.

зирателя 6-го округа Киевского губернского акцизного управления Министерства финансов России (1879)⁸.

В службу вступил унтер-офицером в Белгородский Уланский Е. И. В. эрцгерцога Австрийского Карла Фердинанда полк 4.10.1849; произведен в юнкера 30.06.1850; в корнеты — 19.02.1852; в поручики — 29.06.1854. В Крымскую войну 1853–1856 гг. участвовал в форсированном движении в окрестностях г. Николаева в октябре 1855 года. Уволен 4.07.1857 штабс-ротмистром; состоял на службе в гражданском ведомстве; утвержден мировым посредником Данковского у. 19.03.1864⁹; утвержден участковым мировым судьей по Данковскому у. 28.09.1866; переименован в губернские секретари 5.10.1867; 12.10.1867 уволен от должности мирового посредника; 31.10.1867 командирован в распоряжение Киевского, Подольского и Волынского губернаторов; 4.01.1868 назначен исправлять должность уманского уездного предводителя дворянства; пожалован коллежским секретарем 19.03.1868; 19.06.1868 перемещен в 1-й участок Черкасского у.; награжден орденом Св. Анны 3-й ст. 28.06.1868; 4.03.1869 определен мировым посредником 1-го участка Васильковского у.; награжден коллежским асессором 19.03.1870. В 1866–1872 гг. являлся старостой Спасской церкви в с. Новопаники (Лошаки). Ж.: Александра Петровна Лаптева, дочь майора 3-го округа Киевского Каменец-Подольского военного поселения Петра Федоровича Лаптева.

Анна Семёновна (22).

Род. 30.06.1829; крещена 9.07.1829 в Морском Богоявленском Николаевском соборе С.-Петербурга; восприемники: действительный камергер Всеволод Андреевич Всеволожский и жена генерал-интенданта флота Василия Михайловича Головина — Евдокия Степановна.

Наталья Семёновна (22).

Род. 22.08.1831; крещена 26 августа Лужского уезда Лубинского погоста в Михайловской церкви; восприемники: действительный камергер Всеволод Андреевич Всеволожский и вдова вице-адмирала В. М. Головина — Евдокия Степановна. М.: губернский секретарь кн. Дмитрий Алексеевич Кропоткин (1818–1883), поэт и переводчик, в 1870–1875 гг. рязский уездный предводитель дворянства. Их дочь — кж. Ольга Дмитриевна Кропоткина (род. 6.07.1852).

Девятое колено

32. Иван Николаевич (31).

Род. 25.09.1855; крещен 5 октября в Соборной

церкви г. Брацлава Подольской губ.; восприемники: майор Петр Федорович Лаптев и его дочь Степанида Петровна Лаптева.

33. Николай Николаевич (31).

Род. 1.10.1858.

Кадровый офицер, военный инженер. Полковник. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг.

Окончил Белоцерковское реальное училище (Васильковский уезд Киевской губ.). Военное образование получил в Николаевском инженерном училище (С.-Петербург, 1881) и Николаевской академии Генерального штаба (по 2 разряду) в С.-Петербурге. В службу вступил 11 сентября 1878 г., подпоручик (8.09.1881), поручик (8.09.1880), штабс-капитан (22.10.1893), капитан (6.12.1897), подполковник (6.12.1900), полковник (1913).

Служил в 5-м саперном батальоне (с 1881), офицером-воспитателем Псковского кадетского корпуса (1895–1902), командиром батальона 110 пехотного Камского полка (с 5 февр. 1907; с. Шанцы, близ г. Ковны), Нерехтским уездным воинским начальником (26.04.1912 – 15.06.1913, Костромская губ.), Астраханским уездным воинским начальником (15.06.1913 – 18.05.1915), Бирским уездным воинским начальником (18.05.1915 — после 1.08.1916, Уфимская губ.).

Награжден орденами Св. Анны 3 степени с мечами и бантом (1904), Св. Станислава 2 ст. (1906), Св. Владимира 4 ст. с бантом за 25 лет (1908).¹⁰

34. Василий Николаевич (31).

Род. 8.04.1867.

Александра Николаевна (31).

Род. 31.12.1856.

Софья Николаевна (31).

Род. 8.12.1860; крещена в с. Новопаники (Лошаки) Данковского уезда; восприемники: помещик Данковского у. Рязанской губернии, ротмистр Павел Ефимович Хрущёв и губернская секретарша кн. Наталья Семёновна Кропоткина (дочь С. Н. Аксенова).

Лидия Николаевна (31).

Род. 12.07.1862; крещена в с. Новопаники (Лошаки) Данковского уезда; восприемники: помещик с. Круглое и д. Кунаково Данковского у., отставной капитан Николай Николаевич Апрельев и придворная девица Анна Степановна Нечаева¹¹.

¹⁰ Ист.: Список подполковникам по старшинству. Составл. по 1-е марта 1909 г. : Ч. 1, 2 и 3. – СПб. : Воен. тип., 1909. С. 150; Список полковникам по старшинству. Составл. по 1-е марта 1914 г. – СПб.: Воен. тип., 1914. С. 1345; Список полковникам по старшинству. Испр. по 1-е августа 1916 г. – Пг. : Воен. тип., 1916. С. 187; Приказ Е. И. В. от мая 18 дня 1915 года // [Высочайшие приказы о чинах военных] : 1915 г., 1-31 мая. – СПб., 1915.

¹¹ Дочь действит. тайного советника, обер-прокурор Святейшего Синода, сенатора, писателя и поэта Степана Дмитриевича Нечаева, на слова которого С. Н. Аксеновым написан романс «Я не скажу тебе — люблю» (1818); сестра впоследствии крупного фабриканта и золотопромышленника, известного мецената Юрия Степановича Нечаева-Мальцова.

⁸ Адрес-календарь должностных лиц Юго-Западного края на 1879 г. Киев, 1879. С. 160.

⁹ В этом качестве упоминается в печати уже в январе 1863 года: «Недавно мировой посредник Данковского уезда (Рязанской губ.) г. Аксенов, посетив в своем участке деревню Колодези...» (Крестьянское дело // Иллюстрация: Еженед. обзор. (СПб.) – № 252, 10 янв. 1863. – С. 28).

СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА С. Н. АКСЕНОВА (1801-1833)

№ п/п	Время службы						Место службы			Должность	Чин	Класс	Дата производства			Награды и поощрения	Год / Месяц / Число		
	Дата поступления			Дата увольнения			Город	Ведомство	Департамент				Дата производства				Год / Месяц / Число		
	год	мц	число	год	мц	число							год	мес	число		год	мес	число
1.	1801	11	22	1807	04	06	Не устанавл.: Москва или Георгиевск (Кавказ. губ.)	Военная коллегия	Провиантский штат	Вахтер Писарь	—	—	1803	05	25				
													1804	12	31				
2.	1807	06	16	1808	01		С.-Петербург	Министерство финансов	Горный департамент	Писарь	Коллежский регистратор	14							
3.	1808	01	12	1810	01	18	Симбирск	Там же	Симбирская казенная палата		Губернский секретарь	12*	1808	12	31				
4.	1810	04	13	1811	08	17	С.-Петербург	Там же	Лесной департамент		Коллежский секретарь	10*	1811	07	26				
5.	1811	08	23	1819			Там же	Министерство полиции	Контора адресов (Адрес-контора)	Экзекутор			1814	12	31	150 руб.	1812	01	08
													9			450 руб.	1817	01	05
6.	1819	09	13	1823	08		Там же	Военное министерство	Комиссариатский департамент	Чин. особ. поруч. при Ген.-кригс-комиссаре	Коллежский ассессор	8	1820			Орден Св. Анны 3-й степени **	1819	11	27
7.	1823	08	27	1827	12	06	Там же	Там же	Комиссариатский департамент	Чин. для разн. поруч. при Воен-м министре	Надворный советник	7	1824	01	10	Орден Св. Владимира 4-й степени	1826	02	12
8.	1828	01	04	1833	02	17	Там же	Морское министерство	Комиссариатский департамент	Старший чиновник по особым поручениям	Коллежский советник	6	1832			Знак отличия беспорочной службы за 20 (XX) лет	1828	08	22
																Орден Св. Станислава 3-й степени	1833	02	17
<p>* В начале XIX в. чины 11-го и 13-го классов фактически перестали употребляться и соединились с чинами соответственно 12-го и 14-го классов.</p> <p>** Пожалован в награду усердия и примерной деятельности на предыдущей его службе в Конторе Адресов. В перечне новых лиц, всемилошествоие пожалованных кавалерами орденов, он значится как "С. Петербургской Конторы Адресов Экзекутор Аксенов" (газета «Северная почта» № 104 от 27.12.1819), хотя к тому времени уже перешел на службу в комиссариатский департамент и в штате Конторы Адресов не состоял (Адрес-календарь... на 1820 г. Ч. 2. С. 3-4. Указ. сост. чинов по 20-е декабря 1819 г.).</p>																Знак отличия беспорочной службы за 25 (XXV) лет	1833	08	22

РУКОВОДИТЕЛИ ВЕДОМСТВ И ДЕПАРТАМЕНТОВ (соотв. №№ по порядку службы):

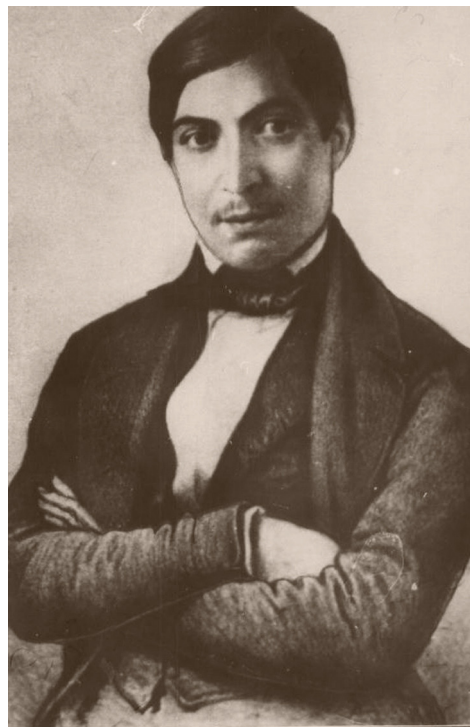
- (2) Управляющий Министерства финансов — Государственный казначей, действит. ст. советник *Федор Александрович ГОЛУБЦОВ* (1807–1809).
 Директор (управляющий) Горного департамента — *Гавриил Семенович КАЧКА* (1807–1811).
- (3) Симбирские гражданские губернаторы:
 — действит. ст. советник, князь *Сергей Николаевич ХОВАНСКИЙ* (1802–1808)
 — действит. ст. советник, князь *Алексей Алексеевич ДОЛГОРУКОВ* (1808–1815)
 Вице-губернаторы Симбирской губернии, председатели Симбирской губернской казенной палаты:
 — коллежский / статский советник *Николай Алексеевич АСТАФЬЕВ* (1807–1810)
 — статский советник *Николай Порфирьевич ДУБЕНСКИЙ* (1810–1815), в 1815–1819 гг. — губернатор, действ. ст. советник.
- (4) Председатель Лесного департамента — Главный директор государственных лесов:
 — действит. камергер граф *Григорий Владимирович ОРЛОВ* (1809–1811), одновременно обер-прокурор Правительствующего Сената (по 6 марта 1810).
- (5) Министры полиции и военные генерал-губернаторы С.-Петербурга:
 — генерал-лейтенант *Александр Дмитриевич БАЛАШОВ* — министр полиции (1810–1812) и одновременно Санкт-Петербургский военный губернатор (1809–1812), с 1823 г. генерал от инфантерии. Московский полицмейстер (1804–1807), генерал-кригскомиссар (1807–1808), петербургский обер-полицмейстер (1808–1809).
 — генерал от инфантерии *Сергей Козьмич ВЯЗМИТИНОВ* — управл. министерством полиции (фактич. — министр; 1812–1819) и Санкт-Петербургский военный губернатор (1812–1818), одновременно председатель Комитета министров. В 1797–1799 гг. являлся управляющим комиссариатским департаментом, военный министр (министр военно-сухопутных сил) в 1802–1808 гг., главнокомандующий в Санкт-Петербурге (1805–1808).
 — генерал от инфантерии граф *Михаил Андреевич МИЛОРАДОВИЧ* — Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор (1818–1825).
 Управляющие С.-Петербургской Конторой Адресов:
 — действ. ст. советник *Александр Осипович МАРКЛОВСКИЙ* (1813);
 — (исп. долж.): действ. ст. советник *Евстафий Егорович РИЗЕНКАМПФ* (1815);
 — колл. советник *Петр Романович МАРЧЕНКО* (1816–1819), в 1819–1823 Ярославский вице-губернатор, председатель Ярославской казенной палаты.
 Помощники управляющего:
 — отст. подполковник *Александр Иванович НЕЙТГАРД* и надв. советник *Алексей Никифорович ПАЛИБИН* (1813);
 — надв. советники *Алексей Никифорович ПАЛИБИН* и *Антон Егорович ЩЕТНЕВ* (1815);
 — полковник *Крестьян Крестьянович БРОЗИНСКИЙ* и надв. советник *Антон Егорович ЩЕТНЕВ* (1818–1819).
- (6-7) Военные министры:
 — генерал от артиллерии барон *Петр Иванович МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ* (1819–1823), сенатор, чл. Госуд. совета.
 — генерал от инфантерии *Александр Иванович ТАТИЩЕВ* (1823–1827).
 Директоры Комиссариатского департамента Военного министерства:
 — генерал-лейтенант *Александр Иванович ТАТИЩЕВ*, генерал-кригскомиссар (1808–1823), затем военный министр.
 — действ. ст. советник *Василий Иванович ПУТЯТА*, генерал-кригскомиссар, 4 кл. (1824–1827).
- (8) Морской министр:
 — вице-адмирал, адмирал (1829) *Антон Васильевич фон МОЛЛЕР 2-й* (1828–1836).
 Директор Комиссариатского департамента Морского министерства:
 — ст. советник *Лев Александрович СИМАНСКИЙ* (1827–1836).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

МИХАИЛ СТАХОВИЧ ОБ АКСЕНОВЕ

ИЗ «ОЧЕРКА ИСТОРИИ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ»

<...> Итак, оставляя покамест теоретические рассуждения об совершенствах и несовершенствах семиструнной гитары, ограничусь здесь мне известным биографическим очерком ее изобретателя и главных, за ним следовавших, ее представителей — композиторов Аксенова и Высотского. Говорю «мне известным», но многие вероятно знают об них более меня, и я желаю от души, чтобы эта статья вызвала и других сообщить свои сведения о Сихре, Аксенове и Высотском, и тем дополнить и исправить сообщаемое мною об этих корифеях русской гитары, которых теперь уже нет на свете, и после которых достойно заняли места виртуозов, во-первых — Циммерман, далее Морков, Саренко и др. (в Петербурге), Ляхов, Цезырев и пр. (в Москве), а в провинциях А. А. Ветров, Пузин и многие другие¹.

<...> В числе тогдашних учеников Сихры был и Семен Николаевич Аксенов, умерший прошлого года², лет шестидесяти. Он был одарен большой музыкальной способностью, и вместе с учителем своим — Сихрою, начал он совершенствовать новоизобретённый инструмент. Сихра писал для Аксенова первые трудные вещи для гитары,

¹ С. 3 [11].

² В журнале «История гитары в лицах» в нашем примечании допущена неточность. В нем говорится: «Аксёнов Семён Николаевич, 1784 – 30 мая (11 апреля) 1853, с. Лошаки, Рязанской губернии, ныне Данковского р-на Липецкой области». Город Данков и Данковский район (некогда Данковский уезд Рязанской губ.) сегодня действительно находятся в составе Липецкой области, однако территория с. Лошаки, располагавшегося на левом берегу реки Дон (по которой в этом месте проходит граница Липецкой и Рязанской областей), является частью Милославского района Рязанской области. – Ред.

которые другим ученикам были еще не под силу, а вместе с тем и сам совершенствовался как писатель и как игрок. <...> Ко времени учения Аксенова относится издание знаменитых экзерциций Сихры для семиструнной гитары, которые, навсегда останутся классическою школою, для усовершенствования игры на этом инструменте. Только составитель самого инструмента и мог составить такие экзерциции, которые, кроме высокого музыкального достоинства, исчерпывают все аппликатуры и все пассажи, могущие придать игре ход свободный и широкий. Сихра посвятил эти экзерциции Семену Николаевичу Аксенову.

«Любезный друг», — пишет он ему в этом посвящении, — «я имел удовольствие быть твоим руководителем в музыке. Дарования твои увенчались лучшим успехом, и в возмездие за труды мои ты полюбил меня. Посвящение экзерциций моих да послужит доказательством, что Сихра находит славу свою в таланте Аксенова, а честь — в дружбе его».

Ничего красноречивее нельзя придумать этого посвящения для истории нашего инструмента. Этим посвящением Сихра как будто передал его на руки Аксенова, и мы увидим, какой плод семиструнная гитара принесли в руках его³.

<...> Сихра переехал из Москвы в Петербург; там усовершенствовал он свой инструмент по своей первоначальной методе, и там составил свою школу, представителями которой служат теперь Морков, Саренко и др. Аксенов остался в Москве

³ С. 4 [13].

после Сихры первым гитаристом⁴, также имел учеников, и образовал свою особую школу, из которой вышел Высотский. Семен Николаевич был рязанский помещик (Данковского уезда); занимаясь гитарою как дилетант, он с первой поры оказал большие успехи, и помог Сихре усовершенствовать его новый инструмент, но как русский, он первый с особою любовью начал обрабатывать на гитаре русские песни; с ним вместе и Сихра писал русские песни для гитары; к этому периоду вероятно относятся его великолепные пьесы: «Среди долины ровныя», «Чем тебя я огорчила» и другие вариации на русские темы. Вариаций Аксенова также очень много, но к сожалению, они редко уже теперь попадают. В своих вариациях он первый начал употреблять особенно роскошно легаты и в этом они разошлись с Сихрою: Сихра не одобряя слишком больших требований певучести от гитары, которая, казалось ему, выходила у Аксенова за пределы средств инструмента; он называл это «цыганщиной», но Аксенов остался при этом направлении: вибрации и легаты покрывал он густыми аккордами и составил свой особый род игры, и свой особый род фантазирования, в котором в свое время никто не мог с ним равняться; но с этим вместе он уклонился от дальнейшего совершенствования игры в пассажах правой руки, которые так далеко повел Сихра. Имея весьма много таланта и оригинальности, Аксенов уступал Сихре в музыкальной опытности, и впоследствии бросил гитару, так что в последние 15 или 20 лет своей жизни вовсе не играл на ней. — Да извинят меня, что я более ничего не могу сказать об Аксенове: я не знал его, и знакомство с ним не могло бы ни к чему повести, потому что он не играл ни для кого, особенно же для тех, которые хотели его слышать. Раз в Лебедянской ярмарке⁵ встретили его некоторые из моих соседей в гостинице, где пели цыгане; сидя один в углу, Аксенов взял былю гитару и богатыми аккордами начал наигрывать цыганскую песню: «Ты не поверишь»; только что вошли в ту комнату другие, привлеченные необыкновенными звуками его игры, он положил гитару и ушел. В последнее время его жизни редко кому удавалось его слышать, и то слишком близким людям или родственникам: по их отзывам игра его была необыкновенная; но случаи эти были слишком редки: обманом, как рассказывали мне, добывали забытую его превосходную и знаменитую гитару из ящика, переносили из комнаты в комнату, чтоб он не догадался, и чтобы сам случайно взял ее, и, играя, зафантазировался: тогда только можно

было его слышать. Сведения об Аксенове могут доставить другие, старше меня, кто его слышал, или ученики его, теперь сами пожилые люди; сообщение таких преданий было бы большою услугою для истории семиструнной гитары. По моему мнению важен и тот факт, на который я указал здесь, что Аксенов первый начал исключительно обрабатывать гитару для русских песен и развил особенно ее певучую сторону — легаты. Не менее важно и то обстоятельство, что из его рук и из его школы вышел Высотский, который никогда не видал Сихру и не учился у него.

Михайло Тимофеевич Высотский был сын приказчика в доме Михаила Матвеевича Хераскова, знаменитого творца «Россиады»; он был крестник Михайлы Матвеевича и в честь его назван Михаилом. Первую молодость провел Высотский в подмосковной деревне; Аксенов часто туда ездил и гостил у Хераскова. Сынку приказчика были доступны барские комнаты, он забегал и в комнату Аксенова и часто шаял, брал гитару, что ему не дозволялось. Однажды, улучив время, когда Аксенова не было, он забрался в его комнату и начал брэнчать и перебирать струны на гитаре, потом стал наигрывать и перебирать лады. Аксенов, подойдя к двери, услышал игру мальчика и остановился; через несколько минут он входя говорит: «Э, брат! Так-то ты добираться?», и когда Миша испугавшись хотел бежать, он его остановил, сказавши, «нет уже теперь я тебя не пушу, садись и смотри» — и он начал ему показывать ноты и учить его. С этого начались уроки Высотского. Не ручаюсь за точность этого анекдота, — так мне его по крайней мере рассказывали. Сам же Высотский говаривал мне: «Уж и помучил меня батенька, Семен Николаевич! Бывало уйдешь от него в лес, уж и не рад, бывало, что напросился учиться; нет, батенька, пойдет, сыщет, за ухо приведет и засадит за гитару». Хотя уроки Аксенова Высотскому были непоследовательны, потому что он учил его тогда только, когда бывал в гостях у Хераскова, но он делал быстрые успехи. Уезжая из Москвы, Аксенов передал его на руки ученика своего, одного офицера, фамилии не упомяну⁶; но с этим игроком Высотский уже занимался более как товарищ⁷.

* * *

Свою первую статью об истории гитары в России М. Стахович завершил следующими словами:

«Я слышал, что в городе Черни, Тульской губернии, живет старый музыкант, учившийся вместе с Высотским у Аксенова, и очень напоминающий своею манерою игру Высотского; его сведения об Аксенове и Высотском должны быть очень интересны»⁸.

⁶ В заключение второй статьи М. А. Стахович эту информацию поправил: «Офицер, у которого Высотский продолжал уроки после Аксенова, был Акимов» («Москвитянин», 1855, Т. V, № 15-16. С. 237).

⁷ С. 6-8 [17, 19, 21].

⁸ С. 17 [39].

⁴ Стахович ошибался: Сихра перебрался в Петербург уже после того, как там обосновался Аксенов. — *Ред.*

⁵ На рубеже XVII и XVIII столетий г. Лебедянь стал крупным торговым и ярмарочным центром и был знаменит своими конными ярмарками, славившимися на всю Россию. В 1826 г. в городе было учреждено Скаковое общество и построен первый в России регулярный ипподром. На лебедянских ярмарках бывали писатель И. Тургенев, поэт А. Кольцов, актер П. Садовский и другие. В 1846 году был отмечен «большой съезд посетителей-дворян: 320 мужского и 405 женского сословия» («Журнал Министерства внутренних дел», 1847, Ч. 20, с.113-117). — *Ред.*

Послесловие и комментарии

«Очерк истории семиструнной гитары» М. А. Стаховича — первый и важнейший источник по начальной истории русской гитары, равноценного которому, и уж тем более большего по значению, нет и не будет в отечественной гитарной литературе. Написанный в середине XIX века современником легендарной плеяды русских гитаристов, свидетелем как подъема семиструнной гитары в России, так и последовавшего затем начала упадка гитарного исполнительства в нашей стране, очерк Стаховича был и остается наиболее полным собранием информации о гитаристах того времени. «Не будь Стаховича с его «Историей семиструнной гитары», — писал А. В. Ширялин, — мы не только не знали бы о гитаристах, упомянутых им, но мы не знали бы и о гитаристах, составивших гордость отечественной гитаристики. Его очерк, написанный в период упадка интереса к гитаре, особенно ценен тем, что были еще живы герои этого очерка, а некоторые ушли из жизни накануне его написания. Ценен еще и тем, что написан он человеком, лично знавшим и слышавшим многих из них. Автор очерка не был просто наблюдателем — он сам был гитаристом, прекрасно владевшим инструментом, знал всю специфику гитары, ее тайны и трудности, поэтому не мог обольщаться чисто внешними эффектами исполнительства, знал ее сущность»¹.

Но отдавая автору должное за тщательно собранный фактический материал, в котором, подчеркнем, его собственные воспоминания и впечатления составляют лишь некоторую часть, не следует впадать в заблуждение, что очерк не может содержать ошибок и неточностей, и принимать на веру *каждое* из имеющихся в нем утверждений и оценочных суждений. Против этого, кстати говоря, косвенно предостерегал читателя и сам М. А. Стахович, который, надо сказать, был исключительно добросовестным писателем. Уже в самом начале своего очерка он оговаривается, что его повествование о наиболее видных представителях гитары ограничено лишь *ему известным*, и допускает: «...многие вероятно знают об них более меня, и я желаю от души, чтобы эта статья вызвала и других сообщить свои сведения о Сихре, Аксенове и Высотском, и тем *дополнить и исправить сообщаемое мною* [выделено мной — В. Т.] об этих корифеях русской гитары, которых теперь уже нет на свете».

Стахович не делал секрета и из того, что при отсутствии или недостатке у него личных знаний о ком-либо, с кем он не был знаком или кого знал недостаточно хорошо, он доверяется информации третьих лиц, причем, не исключая возможную ее неточность. Так, приводя рассказ об уроках Высотского у Аксенова, Стахович замечает: «Не ручаюсь за точность этого анекдота, — так мне его по крайней мере рассказывали». Так же — «как рассказывали мне» — сообщает он и о том, что в последние годы редко кому удавалось слышать Аксенова, который, якобы, почти перестал брать в руки гитару. А связанный с этим же эпизод с Аксеновым на Лебедянской ярмарке записан им и приводится, как следует из текста очерка, со слов неких «соседей в гостинице».

Извиняясь перед читателем за скудость сообщения об Аксенове, Стахович поясняет это тем, что не был знаком и не встречался с ним лично («Да извинят

меня, что я более ничего не могу сказать об Аксенове: я *не знал его...*» [выделено мной — В. Т.]), но выражает надежду, что «сведения об Аксенове могут доставить другие, старше меня, кто его слышал, или ученики его, теперь сами пожилые люди; сообщение таких преданий было бы большой услугою для истории семиструнной гитары». А уже в завершении первой статьи делает еще добавление: «Я слышал, что в городе Черни, Тульской губернии, живет старый музыкант, учившийся вместе с Высотским у Аксенова, и очень напоминающий своею манерою игру Высотского; его сведения об Аксенове и Высотском должны быть очень интересны»². Увы, но,

² Поскольку занятия С. Н. Аксенова с Высотским носили случайный и несистематический характер, причем проходили они по имеющимся свидетельствам вне Москвы, в частной усадьбе, очень сомнительно, чтобы в них принимал участие еще кто-то «*вместе с Высотским*», если только этот кто-то не принадлежал к семейству Трубецких или Хераскова и не жил тогда же в их подмосковном имении; допускаю, что Стахович мог просто не точно выразиться и имелся в виду кто-то, бывший учеником Аксенова *в одно время* с Высотским, но в таком случае из одного факта одновременности учебы у Аксенова никак не следует, что этот ученик в жизни пересекался с Высотским и они были знакомы. Конечно, существует еще небольшая вероятность, что в зимнее время, когда Херасков оставил имение и переезжал в свой дом в Москву, вместе с баринном в город перебирался и его приказчик с сыном (о положении и круге обязанностей отца Высотского в доме М. М. Хераскова почти ничего не известно). При таких обстоятельствах Михаил Высотский (с позволения, разумеется, хозяина и своего отца) в Москве мог бы брать уроки гитары не в доме Хераскова, а на дому у Аксенова, где они могли проходить в том числе и в компании с другими учениками. Однако же у нас нет никаких сведений о том, чтобы нечто такое имело место в действительности.

Как бы там ни было, но «старый музыкант», если такой и существовал, в любом случае не отозвался на заключенное в словах Стаховича предложение к нему поделиться сведениями об Аксенове (ну, и о Высотском, раз уж автор предполагал их знакомство), а потому имя его так и осталось неизвестным. Сегодня, разумеется, по столь ничтожной информации напрасно уже даже пытаться выяснить, кто же мог быть тем учеником Аксенова, учившимся у него одновременно с Высотским. Единственное, что нам остается, это высказывать на его счет ничем не подтверждаемые догадки, исходя при этом из допущения, что тот, о котором шла речь, все же не был человеком безвестным (а в противном случае — и гадать бесполезно!). В данном конкретном случае мне на ум приходит только одно имя — Александр Алексеевич Плещеев (1778-1862) — писатель, поэт и композитор (автор романсов, баллад, опер, водевилей). В советской многотомной «Истории русской музыки» о нем читаем: «...намного раньше, еще во втором десятилетии XIX века, к балладному жанру обратился другой музыкант — друг Жуковского А. А. Плещеев, живший в 1811-1815 годах в своей деревне Чернь Тульской губернии по соседству с поэтом. Плещеев писал музыку на его стихи. Здесь, на творческих вечерах, которые Плещеев постоянно устраивал в своем поместье, звучали стихи Жуковского, положенные на музыку гостеприимным хозяином; иногда их пел сам поэт» (Левашева О. Е. Вокальная камерная музыка // История русской музыки: В 10 тт. Том 4: 1800-1825. — М., «Музыка», 1986. — С. 229). Скажу сразу, помимо того, что в доме Плещеева имела гитара, на которой играла его первая жена, никаких подтверждений тому, что и он сам владел этим инструментом, а уж тем более был гитаристом настолько хорошим, чтобы удостоиться сравнения с Высотским, мне не встречалось (зато точно известно, что он неплохо владел виолончелью и играл на фортепиано). Кроме того, вопреки утверждению в приведенной выше цитате, принадлежавшее Плещеевым родовое поместье Чернь (Большая Чернь, Рождественское) и г. Чернь это географически два разных населенных пункта, да еще и отстоящие довольно далеко друг от друга: г. Чернь, действительно, находился в Тульской губернии и даже являлся центром Чернского уезда, а вот плещеевское с. Чернь относилось к Болховскому уезду соседней Орловской губернии. Таким образом, никаких серьезных оснований отождествлять А. А. Плещеева с музыкантом, учеником Аксенова, мы, конечно же, не имеем, но это единственная известная мне фигура в русской музыке начала и 1-ой половины XIX века, которую с учетом возможных незначительных погрешностей в сведе-

¹ Ширялин А. В. Поэма о гитаре. — М.: Мол. эстрада, 1994. — С. 46-47.

насколько мне известно, эти призывы Стаховича к современникам дописать и дополнить его очерк своими собственными воспоминаниями и рассказами об известных им значительных гитаристах и фактах их биографии существенного отклика не получили.

Будучи вынужден довольствоваться тем малым, что ему было известно об Аксенове, не зная в точности подробностей его биографии, а в чем-то и вовсе информированный о нем неверно, Стахович не мог избежать применительно к нему некоторых ошибочных (или как минимум сомнительных) суждений, высказываний на уровне слухов, допущений или предположений. В этом нет ничего предосудительного, тем более что ничего негативного для характеристики Аксенова они не содержат, но некоторые моменты все же нуждаются в нашем комментарии.

Наиболее внушительным из таких построений явилась чисто умозрительная конструкция Стаховича о московской и петербургской гитарных школах, которые якобы «составили» («образовали») в Москве — Аксенов, а в Петербурге — Сихра. Формальным основанием для выделения, или даже обособления, гитаристов двух столиц в отдельные школы послужил для Стаховича тот (как он сам полагал) непреложный факт, что Сихра переехал в Петербург раньше Аксенова, а последний еще достаточно долго после того оставался в Москве, и, таким образом, оба они имели возможность «независимо» друг от друга возрасти и воспитать в этих городах своих учеников и последователей, создать собственные *особые* (Стахович) школы. О том, а в чем же состояла «особенность» этих школ Стахович, однако, умалчивает. Концепция двух школ как-то сразу, без критики и возражений с какой бы то ни было стороны, была принята и самими гитаристами, и в целом в музыковедческой литературе. По-видимому, она с самого начала очень хорошо вписалась в уже ставшую тогда привычной картинку конкуренции, взаимного соперничества двух российских столиц, стремившихся показать свое превосходство, добиться или отстоять первенство в самых разных областях общественной жизни. Соперничество между Москвой и Петербургом и в целом, и как между двумя крупнейшими культурными центрами России, безусловно, присутствовало, но порой им приписывалось вымышленное, явно искусственное противопоставление, которого в действительности никогда не было. Похоже, что иногда это делалось исключительно «ради красного словца», просто из-за эффектного сравнения, красивого литературного оборота. Вряд ли, например, отношение к гитаре в Москве и Петербурге отличалось уж столь разительно, как это представил П. Столпянский: «В Петербурге гитара была лишь следствием моды — развивалась гитара, жила, процветала и благоденствовала в Москве. <...> В Петербурге гитару терпели, а в Москве — обожали»³. Сказано очень красиво, спору нет, но, на мой взгляд, бесосновательно.

Из-за того, что каких-либо зримых свидетельств построения Аксеновым в Москве своей гитарной школы

ниях можно бы было иметь в виду, выдвигая версии о неизвестном музыканте, упомянутом Стаховичем. Об А. А. Плещееве доп. см.: Глумов А. Н., Доброхотов Б. В. Александр Плещеев. // Музыкальное наследие: Сб. по истории муз. культуры СССР / Ред. коллегия: М. П. Алексеев и др. — Т. IV. — М., 1976. С. 28-72.

³ Столпянский П. Н. Музыка и музицирование в старом Петербурге: исторический очерк. — Гл. 16. Гитара. — 2-е изд. — Л.: Музыка, 1989. — С. 163.

явно не доставало⁴, позднейшие историки и литераторы (не ставя под сомнение саму теорию двух школ) основателем «московской» школы стали чаще называть М. Т. Высотского, что, по правде сказать, сути дела никак не меняет, ведь и по Стаховичу Аксенов «образовал свою особую школу, из которой вышел Высотский» [выделено мной — В. Т.], перенявший верховенство в Москве от учителя.

Различия между «школами», которые в силу самого их выделения обязаны были существовать, находились абсолютно надуманные. В «Очерках по истории русской музыки» читаем:

«При общей опоре на народную песню исполнительские тенденции московской и петербургской школ были различными. Петербургская школа более тяготела к классической строгости исполнения. Московские гитаристы культивировали особый певучий стиль, полный огневой темпераментности. Аксенов достиг такого певучего легато, которое Сихра считал для гитары недоступным. И та и другая школа отличались исключительным мастерством и многообразием использования выразительных средств инструмента.

Отличительные качества московской школы особенно ярко сказались в исполнении М. Т. Высотского»⁵.

Совершенно очевидно, что такая аргументация несостоятельна, потому как отчего ж это «московские гитаристы культивировали особый певучий стиль», а не петербургские, ведь умение достигать исключительного певучего легато это заслуга уже Аксенова-петербуржца, а не москвича (да и был ли он москвичом?.. Достоверно, пожалуй, известно лишь то, что в юношеские годы он какое-то время жил в Москве в доме отца. Что же касается его службы до Петербурга, то, как мы уже сказали в другой месте⁶, она могла проходить не в Москве, а в Георгиевске, Кавказской губернии).

Чувствуется натяжка под схему двух школ и у А. Шириялина:

«Аксенов уже нащупывал тот особый “московский” стиль исполнительской и композиторской гитарной школы, выразителем которой станет бесспорный ее основатель — Михаил Высотский. Если “петербургская” школа Сихры культивировала в равной степени и популярную оперную музыку и русскую песню, то Высотский почти исключительно — русскую песню. И Москва-столица глубинной Руси — приняла в свое лоно и оценила творчество молодого музыканта»⁷.

Действительные же отличия в манерах игры и репертуарных предпочтениях отдельных исполнителей, как в Москве, так и в Петербурге, которые, конечно же, можно было обнаружить, вполне могли иметь место и

⁴ В. П. Машкевич замечает по поводу слов Стаховича об образовании Аксеновым в Москве особой гитарной школы: «В действительности, кроме того, что Аксенов открыл и развил Высотского, мы не видим следов деятельности Аксенова в Москве и потому сомневаемся в этом утверждении Стаховича» (Классическая гитара в России и СССР. Стлб. 73).

⁵ Музалевский В. И., Раабен Л. Н., Блинова М. П. Музыкальная жизнь и исполнительство. // Очерки по истории русской музыки. 1790-1825 / Под ред. М. С. Друскина и Ю. В. Келдыша; Гос. науч.-исслед. ин-т театра и музыки. — Ленинград: Гос. муз. изд-во (Музгиз), 1956. — С. 386.

⁶ См. наст. номер: «Неизвестные и неизученные страницы биографии С. Н. Аксенова», стр. 15.

⁷ Шириялин А. «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь...»: К 200-летию со дня рождения М. Высотского // Московский литератор — 1992, № 5 (649), февраль. Цит. по: «История гитары в лицах», 2013, № 7, стр. 32.

«внутри» школ и являлись на самом деле исключительно признаком творческой индивидуальности исполнителя, не зависевшим от его принадлежности к какой-либо «географической» школе.

С. Руднев, попробовавший отдельно представить персональные стазы этих «школ», вынуждено делает оговорку, что «деление на школы условно», а С. Н. Аксенова определил сразу в обе «школы» — и в московскую (во главе которой поставил М. Т. Высотского), и в петербургскую (во главе с А. О. Сихрой).⁸

Нуждается, полагаю, в комментарии и тема «ученичества» Высотского у Аксенова. Несколько свидетельств, приведенных на этот счет Стаховичем, и, в особенности, пересказанный им собственный рассказ Высотского о занятиях с Аксеновым, сформировали устойчивый штамп в представлении Аксенова и раннего Высотского, как пары учитель-ученик, и включение, соответственно, во все словари указания о последнем как об ученике Аксенова, а об Аксенове как учителе Высотского.⁹ На самом деле, из всего объема сообщенного в очерке об отношениях этих двух гитаристов однозначно вытекает лишь то, что Аксенов познакомился с юным Высотским в самом начале 1800-х годов, несколько раз виделся с ним в то время в подмосковном имении Трубецких и Хераскова с. Очаково, и *имел отношение к его приобщению к гитаре*, проведя с ним несколько первоначальных занятий. Последнее, однако, скорее всего, не носило характера классических уроков, а больше напоминало индивидуальные консультации или то, что в наше время принято именовать мастер-классами.

Стахович, как мы знаем, не соглашался в полной мере считать Высотского «самоучкой в музыке» на том основании, что тот знал и «искал знающих людей», у которых много перенял и многому научился. «Знающие люди» — это, конечно же, и Аксенов тоже, но лишь один из многих, от которых Высотский вбирал обогащающие его знания.

А. А. Григорьев, знакомый с мнением Стаховича и хорошо знавший содержание его очерка истории гитары (вторая часть которого, напомним, даже была написана Стаховичем в форме письма Григорьеву¹⁰), тем не менее называл Высотского «гениальным самоучкой»¹¹, имея в виду, видимо, тот факт, что своим достижениям тот все же, главным образом, обязан самому себе.

В каком качестве и с какой целью Аксенов бывал у Хераскова, а кроме того еще и как часто и в какие точно годы происходили эти посещения, нам совершенно неизвестно... Слова Стаховича о том, что Аксенов «часто ездил» в подмосковную деревню и «гостил у Хераскова», ясности в эти вопросы не добавляют, тем более, что несколькими строками ниже автор счел нужным добавить, что «уроки Аксенова Высотскому были непоследовательны, потому что он учил его только тогда, когда бывал в гостях у Хераскова»...

Здесь небольшая ремарка. По словам Стаховича, сам он учиться игре на гитаре начал в возрасте 13 лет¹²,

⁸ Руднев С. И. Русский стиль игры на классической гитаре. Тула: ИД «Ясная Поляна», 2002. С. 203.

⁹ В том числе, кстати, и в мою собственную статью о Высотском в «Большой российской энциклопедии» (БРЭ. М., 2006. Т. 6, стр. 147).

¹⁰ См.: «Москвитянин», 1855, т. 5, № 15-16.

¹¹ См. ИГвЛ, 2012, №5-6, стр. 49, прим. 35.

¹² Стахович М. А. Очерк истории семиструнной гитары. ИГвЛ, 2012, № 5-6, с. 23-24.

т. е. в 1833 году; Высотскому, нанятому ему в учителя, стало быть, было в то время около 42 лет (из 47 прожитых), он был знаменит, пользовался славой виртуозно исполнителя и композитора. Но новый ученик на первых порах ничего о знаменитости своего учителя не знал. Когда, вспоминал Стахович, ему «приказали учиться на гитаре», он был в совершенном «недоумении» относительно того, «что это за штука — гитара», и даже понятия не имел, кто такой этот Высотский и что он, оказывается» по гитаре «первая знаменитость». К истории инструмента Стахович начал по-настоящему проявлять интерес лишь около 1840 года. Выходит, что разговор об Аксенове и даже само упоминание его имени (которого Стахович до того момента наверняка еще даже не слышал) могли возникнуть у него с Высотским только по инициативе последнего. Возможно, вводя своего ученика в мир нового для того инструмента, Высотский стал рассказывать ему о лучших тогдашних русских гитаристах, Сихре и Аксенове, и не удержался не упомянуть, что один из них был и его наставником. Ведь даже при всей собственной именитости, ему, по-видимому, было лестно и важно осознавать, что он не просто выбившийся в люди простолюдин-самоучка, а музыкант, имевший достойного учителя. Самоучки, талантом и упорством добившиеся успеха в своем деле, конечно же заслуживают похвалы и уважения, а наиболее выдающиеся — даже восхищения, но быть в профессии самоучкой, без школы, без систематического образования, на самом-то деле не достоинство, которым нужно гордиться и которое стоит выставлять на показ, а скорее, определенный недостаток, своего рода «вынужденная издержка», результат не имения возможности к получению нужного образования.

И еще одно замечание, касающееся отношений Аксенова и Высотского. Стахович, как мы помним, приводит в очерке текст посвящения Сихрой Аксенову своих экзерциций для семиструнной гитары; имелись, в свою очередь, и посвящения Аксенова Сихре, причем история гитары вообще полна подобных примеров выражения учениками и учителями слов взаимного уважения и поддержки друг другу. Но вот почему-то ни Высотский не посвятил Аксенову ни одного своего сочинения (хотя ему вовсе не был чужд такой способ выражения благодарности и уважения самым разным лицам), ни Аксенов Высотскому. Правда, по утверждению В. П. Машкевича, С. Н. Аксенов подарил М. Т. Высотскому одну из своих гитар работы И. Батова (1806), на головке грифа которой имелась, якобы, даже металлическая пластинка с надписью «Высотскому. Аксенов», на этикетке дата — «1806».¹³ Но подтверждениями из других источников подлинности этой истории с подарком Аксеновым гитары Высотскому я не располагаю.

¹³ См. Классическая гитара в России и СССР, стлб. 309. Бросается в глаза, что энциклопедии в двух последовательных абзацах, в которых, по логике и смыслу, речь идет об одной и той же гитаре, одна информация прямо противоречит следующей: «...Эта гитара работы знаменитого мастера И. А. Батова была подарена М. Т. Высотскому С. Н. Аксеновым. Недавно она найдена в Москве...

А. И. Дебюк очень хвалил нам этот инструмент, но не помнил, чей он работы. Вероятнее всего, Краснощекова. Куда делась эта гитара после смерти Высотского, нам не удалось узнать...». На лицо результат «доработки» и неаккуратной правки В. П. Машкевичем очерка о Высотском, написанного В. А. Русановым. У последнего в этом месте речь шла о гитаре, подаренной Высотскому генералом Н. А. Луниным (Русанов В. А. М. Т. Высотский, русский гитарист-виртуоз, композитор народных песен: Гитара и гитаристы. Ист. очерки. — М., 1899. — С. 21-22). Машкевич же неудачно «поправил» Русанова, заменив подарок Лунина подарком Аксенова).

Как бы там ни было, но стоит, видимо, все таки признать наиболее объективной позицию, высказанную в одной из коротких юбилейных заметок о Высотском:

«Несколько случайных уроков великолепного гитариста С. Н. Аксенова, гостившего в имении Херасковых, пали на благодатнейшую почву врожденной музыкальности Высотского. Немного добавили к этим занятиям и уроки с учеником Аксенова — Акимовым. В основном же искусство Высотского явилось результатом его собственного таланта и трудов»¹⁴.

Стахович не говорит в своем очерке о том, где и какое образование получил Аксенов. Нет документально подтвержденных свидетельств на этот счет и в других источниках. Машкевич, касаясь отдельных моментов биографии Аксенова, на этот счет писал: «... неизвестно, был ли Аксенов студентом Московского университета»¹⁵. Конечно же чистой воды выдумкой, поданной как реальный факт, является фраза в статье об Аксенове на сайте «Донковье»: «Отец во многом способствовал, чтобы Семен Николаевич с отличием окончил Московский университет»¹⁶. Никакими данными об учебе С. Н. Аксенова в Московском университете или же в Московском университетском благородном пансионе мы не располагаем. Да и по возрасту, он теоретически мог бы обучаться разве что в пансионе при университете (кстати говоря, с 1778 года куратором, т. е. фактическим руководителем, университета, и основателем пансиона при нем, был М. М. Херасков). Другое дело, что университетские преподаватели часто приглашались для частного обучения дворянских детей. Судя по всему, С. Н. Аксенов получил именно «домашнее образование», являвшееся во второй половине XVIII и первой четверти XIX вв. наиболее распространенным среди российского дворянства. По свидетельству историков, домашнее образование, качество которого, кстати, зачастую было весьма высоким, имели более трех четвертей приходивших в этот период на службу российских чиновников. Косвенным подтверждением отсутствия у Аксенова формального высшего образования могут служить сведения о получении им классных чинов. Дело в том, что лица с образованием принимались, в зависимости от его уровня, на службу, как правило, сразу с чинами от XIV до IX класса, а их дальнейшее продвижение в чинах происходило примерно на 1-3 года быстрее, чем у тех, кто такого образования не имел. Иначе говоря, сроки выслуги в чинах были сообразованы с разрядом имевшегося у чиновника образования (высшее, среднее, начальное или домашнее): чем выше образовательный уровень, тем меньше требовалось ему прослужить для производства в чин следующего класса. Служебная карьера Аксенова показывает, что для получения первого классного чина — коллежского регистратора (14-го, самого низшего класса) — ему пришлось несколько лет прослужить в Провиантском штате без чина; в дальнейшем он также не обладал привилегиями в продвижении в чинах и очередные чины получал после полных сроков выслуги.

В. Тавровский.

¹⁴ Рыцарева М. 200 лет со дня рождения Михаила Тимофеевича Высотского // Ежегодник памятных музыкальных дат и событий: Справочное пособие. — М.: Музыка, 1990. — С. 161.

¹⁵ Классическая гитара в России и СССР. Стлб. 72-73.

¹⁶ См.: <https://donkovie.ru/aksenov.html>.

Михаил Матвеевич ХЕРАСКОВ

Херасков Михаил Матвеевич — крупный русский писатель, поэт и общественный деятель. Действительный тайный советник. Родился 25 октября (5 ноября) 1733 года в г. Переяслав (Переяславль, или Переяславль-Русский), в то время уездном городе Полтавской губ., а ныне г. Переяслав-Хмельницкий, Киевской обл., Украина. Сын переяславльского коменданта, майора Матвея Андреевича Хераскова (1698-1734), потомка знатного валашского рода бояр Хераско, отец которого в царствование Петра I перешел на российскую службу и переселился в Россию. Мать — княжна Анна Даниловна Друцкая-Соколинская — после смерти мужа повторно вышла замуж за князя Никиту Юрьевича Трубецкого (1700-1768), впоследствии генерал-фельдмаршала, после назначения которого в 1740 году генерал-прокурором переехала с сыном в Петербург.

М. М. Херасков окончил Шляхетный кадетский корпус, откуда в 1751 г. был выпущен в армию поручиком, но в 1754 перешел на гражданскую службу в Коммерц-коллегию. С момента основания в 1755 г. московского университета на протяжении восьми лет, по 1763 г., был ассессором, т. е. помощником директора университета, семь лет, с 1763 по 1770 год, — директором университета, и двадцать четыре года, с 1778 по 1802 год, — куратором московского университета. В 1779 г. основал при университете московский благородный пансион.

В 1770-1775 Херасков был вице-президентом Берг-коллегии в Санкт-Петербурге, где познакомился и сблизился с писателем-просветителем Н. И. Новиковым.

Один из видных масонских деятелей своего времени.

В 1770-е гг. жил в Москве в одном доме со сводными братьями Николаем, Александром и Юрием Трубецкими, в особняке на Тверской улице. М. М. Херасков и Н. Н. Трубецкой вместе владели подмосковной усадьбой Очаково (ныне район г. Москвы), где и произошла встреча М. Т. Высотского, сына крепостного приказчика Хераскова, с С. Н. Аксеновым. Во время нашествия французов в 1812 году Очаково подверглось разрушению.

В историю русской литературы Херасков вошел как крупнейший представитель русского классицизма, автор эпических поэм (в т. ч. «Россияда», «Владимир Возрожденный» и др.), 20 драматических произведений (трагедий и комедий), включая переводы-переделки, од, басен, эпиграмм и проч. В 1760-е гг. издавал журналы «Полезное увеселение» и «Свободные часы».

Скончался 27 сентября (18 октября) 1807 года в Москве; погребен в Донском монастыре.

Рис. А. Нотбек.

Гр. С. Галактионов.

**Пошомъ приносящъ и гитару:
И запищитъ она, (Богъ мой)!
Приди въ тертоеъ ко мнѣ златой.**

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Худ. А. В. Нотбек, грав. С. Ф. Галактионов

(«Невский альманах на 1829 год», СПб., 1828; тж.: Библиотека великих писателей: Пушкин / под ред. проф. С. А. Венгерова. [В 6 т.]. — Т. III. СПб.: Изд. Брокгауз — Ефрон, 1909. С. 250).

Из воспоминаний Екатерины Ивановны Раевской

(«Исторический вестник», т. LXXIV (74), декабрь, 1898, стр. 969–971)

Акварельный автопортрет Е. И. Бибииковой-Раевской, написанный в 1830-е годы.
Из кн.: Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1987.

Воспоминания Е. И. Бибииковой-Раевской относятся к 20-м годам XIX века, когда ее семья в силу вынужденных обстоятельств переехала из своего роскошного и цветущего имения в подмосковном с. Михайловское Звенигородского уезда Московской губернии в Рязанскую губернию, которую, как пишет автор, в то время «называли степною, и мало кто там жила из тех, которые справедливо ли или нет, считались хорошим обществом. Из степных имений получали доходы, которые проживались в столицах или подмосковных». Соседями семейства Бибииковых по с. Сергиевскому Данковского уезда Рязанской губернии были и Аксеновы.

ГЛ. IX. Н. П. АКСЕНОВ. — ЕГО ЖЕНА И ДЕТИ. — ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА ЖЕНЫ Н. Н. АКСЕНОВА.

Был у нас еще сосед, очень образованный человек. То был старик, тогда лет семидесяти, служивший еще при дворе императрицы Екатерины II и сохранивший всю осанку и обращение придворного вельможи, хотя обстоятельства его в 20-х годах были очень плохи. Он принужден был жить и зиму, и лето в своем селе, Лошаках, что на Дону, в Данковском уезде, Рязанской губернии.

Бибиикова (в замуж. Раевская) Екатерина Ивановна (1817–1899) — литератор и художница.

Дочь действительного статского советника, в прошлом боевого офицера, участника Отечественной войны 1812 года, Ивана Петровича Бибиикова.

Получила прекрасное домашнее образование, свободно владела несколькими языками.

Окончила Московский университет, занималась в Школе живописи, ваяния и зодчества, брала уроки у выдающегося портретиста П. Ф. Соколова (автора в т. ч. портретов А. О. Сихры и С. Н. Аксенова).

17-летней девушкой познакомилась с гостившим в их доме поэтом А. И. Полежаевым, написала его акварельный портрет. Публиковались в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Московитянин», «Русский архив», «Исторический вестник», «Книжки Недели», «Новое время».

Конец своей жизни провела на хуторе Утес (Мордвиновка) Данковского уезда (ныне пос. Садовый Данковского района), в двух километрах от д. Бегичевки, куда часто приезжали известные писатели, художники, артисты: И. Репин, В. Васнецов, И. Айвазовский, Н. Философов и др. Желанным гостем на хуторе был и С. Н. Аксенов,

имение которого располагалось неподалеку, на противоположном берегу Дона.

С 1856 года была знакома с Л. Н. Толстым, воспоминания, дневники о котором и его семье были опубликованы в 1938 году в Москве в «Летописях Литературного музея».

Публикуемый нами отрывок взят из воспоминаний Е. И. Бибииковой-Раевской о ее предках, родителях и их окружении, напечатанных в 1898 г. в декабрьском номере журнала «Исторический вестник».

Он разорился на службе, обогатившей его сверстников. То был Николай Петрович Аксёнов. Его высокий, стройный рост, утонченная учтивость, вечно безукоризненная белизна батистового галстука так отличали его от прочих степных посетителей, что поразили даже меня, ребенка.

Николай Петрович Аксёнов, вероятно, сам рад был образованному обществу, часто посещал нас, иногда обедал, но никогда не оставался ночевать. К нему родные мои езжали с удовольствием и нас, детей, туда с собой брали, тогда как к прочим

соседям никогда не возили.

Николай Петрович Аксёнов, к сожалению, был женат на необразованной, хотя и хорошей женщине, его любимшей и ходившей за ним, как за ребенком. Он ее к нам не возил, но матушка, будучи у них, всегда ласково с ней обращалась, что муж ее очень ценил.

Старик Аксёнов был страстным охотником до лошадей, имел свой отличный завод, единственный остаток прежней роскоши. Так как дела были чересчур плохи, то Николай Петрович решился расстаться с своими любимцами. Приехал покупатель и дал ему 12.000 рублей чистыми деньгами за оставшиеся шесть лошадей.

Эта сумма совершенно поправила бы семейные дела Аксёнова: он получил деньги, лошадей увели. Но в тот же вечер старик с горя опасно заболел. Жена, немедля, ночью же отправила деньги назад и вернула коней.

Старик ожил.

Были у них два сына¹. Старший, Семён Николаевич, воспитывался и служил в Петербурге, был выдающимся артистом-гитаристом, проводил дни в обществе графов Виельгорских, меценатов и самых искусных музыкантов. Я его мало знала.

Второй сын, Николай Николаевич, никогда не выезжавший из деревни, часто бывал у нас. Он нигде и ничему не учился, но обладал юмором и остроумием недюжинным: его остроты были метки и часто злы, но ему все прощалось, потому что собеседником он был очень приятным. В карты играл замечательно хорошо.

Проболтавшегося до 17-ти лет среди отцовской дворни Николая Николаевича записали юнкером в какой-то полк, а 18-ти лет, неотесанного малого женили на девушке с высшим образованием, сестре ученого профессора, с которым она делила все научные его труды. У нее, как говорят, был жених, горячо ею любимый. Он куда-то должен был уехать, и ее уверили, что он умер, и уговорили выйти за Аксёнова. Рассказывают, будто в церкви, уже после венчания, она увидела в толпе любимого ею человека, с отчаянием на нее смотревшего... Она потеряла сознание.

Эта драма относится к началу нашего столетия, и за достоверность этого рассказа я не ручаюсь. Достоверно только то, что светски образованная молодая женщина не вынесла жизни с нелюбимым, невоспитанным мужем, вышедшим в отставку и привезшим ее в степную глушь, под начало необразованной свекрови. Она сошла с ума... Ее отправили в дальнюю деревню, приставив к ней двух служанок из крепостных. Несчастливая в зимнюю ночь убежала от заснувших, нерадивых сиделок и замерзла, среди снежного поля. Это знаю от огорченных ее дочерей. Их было две: старшая, Анна Ни-

колаевна, была умна и красива; меньшая, Софья, несмотря на большие, черные, умные глаза, была не хороша собой, ее портит слишком смуглый цвет лица, но она была образована в мать и остроумна в отца: она, как говорится, за словом в карман не ходила и умела за себя постоять. Обе они воспитывались в почтенном и образованном семействе К., друзей их матери, и, будучи обе любознательны, обучились грамотно не только русскому языку, но французскому, немецкому и английскому.

Они обе приезжали к родным в с. Лошаково, а у нас гащивали по целым месяцам. Матушка их очень любила. Они обе были гораздо старше меня.

Анна Николаевна вышла замуж за г. С.², а Софья гораздо позднее за рязанского помещика³.

Судьба их несчастной матери и трагическая ее кончина потрясли впечатлительную душу моей матери; она себе представляла жизнь этой страдалицы в глуши степной деревни: ни книг, ни общества, ни любви... Однажды старуха Аксёнова заговорила с матушкой о своей невестке.

— Мы, сударыня, давно замечали, что наша молодая не в своем уме.

— Почему вы это увидели?

— Да как же, сударыня! в детских она велела наделать форточек, да каждый день и зимой даже их отворяла. Выведет, бывало, детей из комнаты и форточки откроет! Ну, кто же в уме это станет делать?..

К рассказу Е. И. Раевской следует добавить, что жена Николая Николаевича, брата С. Н. Аксёнова, умерла в 1830 году. В. П. Машкевич ошибочно называет ее матерью С. Н. Аксёнова, а племянниц, Софью и Анну — его сестрами⁴. Вслед за ним, доверившись этой информации в энциклопедии Яблокова, ту же ошибку повторил и О. Тимофеев в своей диссертации «Золотой век русской гитары: репертуар, исполнительская практика и социальные функции русской семиструнной гитарной музыки (1800–1850)»⁵. В объявлении о смерти своей матери, напечатанном в «Московских ведомостях», ее младшая дочь Софья сообщила:

«С душевным прискорбием извещаю о кончине родительницы моей, Губернской Секретарши Натальи Михайловны Аксеновой, после коей остались наследницами я Софья и сестра моя Анна Николаевна Аксеновы, почему и просим, если покойная родительница наша кому по законным актам осталась должна или ей кто состоит должным, адресоваться к нам по жительству нашему Рязанской Губернии в город Скопин.

Из дворян Губернского Секретаря дочь девица Софья Николаевна Аксенова»⁶.

² Анна Николаевна (род. 1806) вышла замуж за надворного советника Дмитрия Семёновича Смирнова (род. 1795).

³ Софья Николаевна (род. 1813) была женой губернского (позже коллежского) секретаря Ивана Алексеевича Викулина.

⁴ «Классическая гитара в России и СССР», стлб. 71.

⁵ «*Aksionov's mother died in 1830, and his two sisters Sophia and Anna inherited from her a house in the town of Skopin*» (Timofeyev, Oleg Vitalyevich (1999), *The Golden Age of the Russian Guitar: Repertoire, Performance Practice, and Social Function of the Russian Seven-String Guitar Music, 1800–1850* (Ph. D. Dissertation, Department of Music, Duke University), p. 221.

⁶ Московские Ведомости. 1830. № 21. 21 марта. Стр. 1019; цит. по: «Классическая гитара в России и СССР», стлб. 72.

¹ У Н. П. Аксенова было трое сыновей. Е. И. Бибикина-Раевская не называет Фёдора Николаевича Аксёнова (ум. 1831), поручика, до 1816 г. служившего в армии, участника заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. — *Зд. и далее примечания ред. ИВЛ.*

Из этого же сообщения следует, что Н. Н. Аксёнов имел невысокий гражданский чин 12-го класса — губернского секретаря (для сравнения, Семён Николаевич Аксёнов к этому времени достиг уже чина 7-го класса — надворного советника, а спустя еще два года стал коллежским советником, что соответствовало военному чину полковника).

Несмотря на то, что по признанию, сделанному Е. И. Раевской в приведенных выше воспоминаниях, С. Н. Аксёнова в тот период она знала мало, в его биографии на сайте интернет-пректа «Донковье» (donkovie.ru) со ссылкой на архив Московского литературного музея приводятся еще следующие ее строки (вероятно, из рукописных воспоминаний Раевской, хранящихся в Отделе рукописей Государственного литературного музея в Москве), касающиеся Аксёнова как гитариста:

«Чарующей игрой на гитаре Семёна Николаевича восхищались Пушкин, Мицкевич, Тургенев, Гоголь, Лермонтов, Вяземский⁷. Слушать Аксёнова собиралось

⁷ Документальных свидетельств, помимо слов Е. И. Раевской (если, конечно, приведенная цитата является подлинной), подтверждающих, что все или хотя бы отдельные из перечисленных здесь знаменитостей слышали игру С. Н. Аксёнова, нам обнаружить не удалось. *Мицкевичу*, например, такой случай действительно мог представиться: как известно, с 9 ноября 1824 года до 25 января 1825 года и затем с ноября 1827 по май 1829 года он жил в Петербурге и вполне мог оказаться в одном обществе с Аксёновым. Произойти это могло и в московском литературно-музыкальном салоне З. А. Волконской на Тверской улице, которые, как утверждает Раевская, бывая в Москве посещал Аксёнов, поскольку с 12 декабря 1825 по ноябрь 1827 года Мицкевич жил в Москве. Имелось немало возможностей у Аксёнова «пересечься» и с *Пушкиным*, у которых было много общих знакомых. А вот в отношении *Лермонтова* такая возможность просматривается слабее: в Петербург он приехал 17-летним юношей только во второй половине 1832 года, а Аксёнов уже в начале следующего года оставил службу. Но с другой стороны, среди тех, с кем Лермонтов познакомился и встречался по приезду в Петербург, было семейство его дальних родственников Симанских — в своих письмах он называет «дядей» Льва Александровича Симанского, а именно под его начальством, как директора Комиссариатского департамента Морского министерства, с 1827 года вплоть до своей отставки служил С. Н. Аксёнов. Далее, *Тургенев...* Но о каком из Тургеневых идет речь?.. В ряду, представленном Раевской, это вполне может быть как Александр Иванович Тургенев (1784–1846), близкий и к Пушкину, и к Вяземскому, и к Мицкевичу, или же его младший брат, декабрист Николай Иванович Тургенев (оба, кстати говоря, являвшиеся почетными членами петербургского Вольного общества любителей российской словесности, соответственно с 1818 и 1820 гг., в котором состоял и С. Н. Аксёнов), так и, разумеется, Иван Сергеевич Тургенев. Если Е. И. Раевская имела в виду все-таки последнего, которого хорошо знала лично, то в 1834 году, когда И. С. Тургенев перевелся из Московского в Петербургский университет ему осенью исполнилось только 16 лет (родился в 1818 г.); пробыв в Петербурге около четырех лет, он, по окончании университета, с 1838 по 1841 год большей частью находился за границей и постоянно жил в Петербурге лишь в 1840-е гг. (1842–1847), будучи при этом, по его собственным словам, «весьма редким и непривычным посетителем светских вечеров» (Тургенев И. С. Из «Литературных и житейских воспоминаний» // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 296). Иначе говоря, если И. С. Тургенев и имел

большое общество в литературных салонах Зинаиды Волконской⁸, Виельгорских⁹, Авдотьи Голицыной¹⁰. В данковском уезде на хуторе Утес¹¹, Аксёнов всегда был желанным гостем. С большим удовольствием приезжали слушать его игру наши соседи Шаблыкины, Медведковы, Нечаевы, Бегичевы, Писаревы, Раевские. Благо его имение Лошаки было по соседству, на левом берегу Дона»¹².

В. В. Тавровский

возможность «восхититься гитарой Аксёнова», то произойти это могло, при лучшем стечении обстоятельств, не раньше сер. 1830-х или уже в 1840-е годы, то есть в любом случае уже после того, как, согласно установившейся в нашей литературе версии, Аксёнов «отошел от гитары». (Правда, я придерживаюсь иного взгляда и считаю, что никакого «окончательного прощания» с Петербургом и «разрыва» с гитарой у С. Н. Аксёнова после оставления службы не было). Что касается Н. В. *Гоголя*, то он приехал в Петербург в декабре 1828 года и чувствовал себя там первое время довольно неуютно, круг общения имел небольшой и сторонился общества столичных аристократов. П. А. *Вяземский* мог бы познакомиться с Аксёновым до отъезда на службу в Варшаву (1817–1821) либо во время нахождения в отпуске в Петербурге (в 1820-ом году он даже был принят в почетные члены Вольного общества любителей российской словесности), но вероятнее опять-таки, что это все же произошло (если принять достоверность слов Е. И. Бибиковой-Раевской) тоже в 1830-е годы, когда он поселился в столице и служил сначала чиновником особых поручений по Министерству финансов, а затем там же вице-директором Департамента внешней торговли (в 1821–1829 гг., будучи отстран от службы, Вяземский жил в Москве и в родовом подмосковном имении Остафьево).

⁸ Волконская Зинаида Александровна (1792–1862), княгиня, рожденная княжна Белосельская-Белозерская, — поэтесса, композитор и певица; хозяйка московского литературно-музыкального салона с конца 1824 до нач. 1829 г., который в 1826–1827 годах посещали А. С. Пушкин, А. Мицкевич, Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов и др.

⁹ С. Н. Аксёнов, вероятно, мог посещать салон братьев Михаила (1788–1856) и Матвея (1794–1866) Юрьевичей Виельгорских, но он начал свое существование лишь с их приездом в Петербург в 1826 году.

¹⁰ Голицына Евдокия (Авдотья) Ивановна, урожденная Измайлова (1780–1850 гг.), княгиня, — хозяйка петербургского литературно-музыкального салона, на Большой Миллионной улице.

¹¹ «Хутор Утес был небольшим участком земли на высоком правом берегу Дона, купленным моей прабабушкой Екатериной Ивановной Раевской в приданое своей младшей дочери Маргарите Ивановне, вышедшей замуж за Ивана Николаевича Мордвинова.

По заказу Екатерины Ивановны на хуторе был выстроен небольшой, но добротный двухэтажный дом, возведены приусадебные постройки, посажены декоративные и фруктовые деревья. Рядом с усадьбой находилось около сорока десятин пахотной земли.

Екатерина Ивановна пожелала дать новому хутору название Утес и в своих мемуарах так и называла его. Но бывает иногда, что название не приживается в народе, и оно действительно не прижилось. По фамилии владельцев новая усадьба в народе именовалась Мордвинов хутор» (Раевский С. П. Пять веков Раевских. – М. : Вагриус, 2005: – С. 115).

«Мордвинов хутор» — Мордвиновка, ныне пос. Садовый Данковского района Липецкой области.

¹² Биография Семёна Николаевича Аксёнова на сайте «Донковье»: <http://donkovie.ru/aksenov.html>.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

С . П . Ж И Х А Р Е В

З А П И С К И

С О В Р Е М Е Н Н И К А

ПО «ДНЕВНИКУ СТУДЕНТА»

СТЕПАН ПЕТРОВИЧ ЖИХАРЕВ

Литография работы неизвестного художника. (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Воспроизводится впервые.

Не раз встречаются упоминания о Николае Петровиче Аксёнове (отце С. Н. Аксёнова) и в мемуарах Степана Петровича Жихарева (1787–1860), чиновника, писателя, драматурга и переводчика, который был тесно знаком с семейством Аксёновых, будучи и сам родом из дворян Данковского уезда Рязанской губернии.

Об истории появления «Записок современника», как в целом называется состоящий из трех частей цикл воспоминаний С. П. Жихарева («Дневник студента», «Дневник чиновника», «Воспоминания старого театрала») и об их авторе обстоятельно рассказано в статье Михаила Мазаева «С. П. Жихарев и его записки», опубликованной в 1893 году в журнале «Исторический вестник»:

«Из печатных указаний известно, что он вел поденные записи с 1806 по 1819 год, и это составило «Дневник студента» (со 2 января 1805 г. по 22 июля 1806 г.) и «Дневник чиновника», из которого появилась в печати часть за время с 25 августа 1806 г. по 31 мая 1807 г. Впервые эти документы появились на страницах «Москвитянина» (с 1853 г.) и «Отечественных Записок» (1855 г.), причем «Дневник студента» был издан и отдельно (СПб., 1859 г.). Наконец, в «Отечественных Записках» 1854 г. были выдержки из дневников 1807–1816 гг. под заглавием «Воспоминания старого театрала»; эти выдержки, между прочим, не вошли в издание «Русского Архива». Кроме того, существует указание, что под конец жизни Жихарев вел еще «Дневник сановника». Куда все это делось, одному Богу известно...

Учился <С. П. Жихарев> сначала в московском пансионе Ронка, а в 1805–1806 гг. в университетском благородном пансионе, слушая лекции и в

Из кн.: Жихарев С. П. Записки современника. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1955. [Сер. «Литературные памятники»]

университете. Здесь у него установились знакомства со многими профессорами и, между прочим, с тогдашним светилом университета А. Ф. Мерзляковым. Однако Жихарев не очень надседался над науками и, жуируя¹ вообще, особенно увлекался театром. Видя, что в ученье проку не будет, он бросил университет и в 1806 г. определился на службу в коллегии иностранных дел в Петербурге, <...> из министерства иностранных дел (по делам которого он был будто бы и на Венском конгрессе) он перешел в министерство юстиции, <...> занимал должность прокурора губернского правления в Москве, затем был обер-прокурором московского сената и наконец сенатором. В Москве же он женился на Федосье Дмитриевне Нечаевой, разбогател, владел большим домом, но под конец жизни разорился. Последнюю должностью его было председательство в литературно-театральном комитете при дирекции театром.

<...> Жихарев был человеком развитым, хорошо знал русскую, французскую и даже немецкую литературу, и это-то и послужило его сближению с современными литераторами. Он был в приятельских отношениях с Гнедичем, Батюшковым, Жуковским, братьями Тургеневыми и друг. <...> Жихарев был знаком с Дмитриевским, Яковлевым, Шушериным, Плавильщиковым, Сандуновым, и другими петербургскими и московскими актерами, бывал чуть не каждый день в театре и вообще вел жизнь записного театрала»².

Для нас наибольший интерес представляет первая часть воспоминаний — «Дневник студента» (1805–1806), в которой хотя и мельком несколько раз вспоминается отец С. Н. Аксёнова. При этом Жихаревым нигде и ни разу даже вскользь не упомянут ни один из сыновей Николая Петровича Аксёнова, из чего можно предположить, что, скорее всего, никого из них в тот период в Москве не было.

Уже в своей первой дневниковой записи (2-е января 1805 г.), перечисляя посещенных в Москве по случаю Нового года родственников и знакомых, С. Жихарев пишет:

«Вчера ездил с поздравлениями к графу Ивану Андреевичу <Остерману>, Ивану Петровичу Архарову, к тетке Вишневской, к брату Ивану Петровичу <Поливанову>, к Аксеновым и к Кудрявцевым; разумеется, заезжал и к Лобковым»³.

17 января 1805 года он описал в своем дневнике приключившуюся с ним в тот день историю, когда, «поспешая на обед» к своему знакомому, по неосторожности сбил на санях женщину. Оказавшийся на месте происшествия пристав, предложил избежать «неприятности» быть препровожденным в полицию и уладить дело миром, «дав женщине сколько-нибудь денег на лекарство и тем предупредить ее формальную жалобу».

¹ Жуировать — предаваться разгульной жизни, проводить время в удовольствиях, вести праздную жизнь.

² Мазаев М. Н. С. П. Жихарев и его записки // Исторический вестник. — 1893. — Т. LII (52), июнь. — С. 764-765, 768.

³ Жихарев С. П. Записки Степана Петровича Жихарева. [1805–1807: (Дневники студента и чиновника)]. — М.: Рус. архив, 1891. С. 4.

«Я бы рад был дать все, что угодно, — пишет Жихарев, — но со мною не было денег, и когда я объявил о том приставу, то он заплатил женщине 5 рублей своих, с тем чтобы я после возвратил их ему, а впредь старался ездить осторожнее».

И далее:

«Вот какие люди служат в здешней полиции! Никол. Петр. Аксенов тоже был здесь несколько лет, еще при Эртеле⁴, частным приставом⁵; а какой человек! Что за душа и обращение, и как вообще уважаем всеми, несмотря на недостаточное состояние. Правду говорят, что не место красит человека, а человек место»⁶.

В документах за 1800 год действительно обнаруживается указ об увольнении «частного инспектора» Н. П. Аксёнова со службы из полиции по болезни с присвоением ему следующего чина коллежского советника (до этого же чина, 6 класса по «Табели о рангах», дослужился потом и его сын С. Н. Аксёнов):

«13 февраля. С.-П.-Бургъ. Указ НАШЕМУ Сенату. Представленных к НАМ от московского обер-полицеймейстера Эртеля к награждению чинами, за отличное их исполнение должностей, штата московской полиции инспекторов, надворного советника Верховского, коллежских асессоров Мартынова, Афанасьева и Яковлева 1-го, бранд-майора, титулярного советника Янышева и квартального комиссара, коллежского секретаря Матвеева, находящихся при оном обер-полицеймейстере губернских секретарей Дельсоля, Зыкова и Фирсова, регистраторов, коллежского Смирнова и губернского Шошина всемилоостивейше жалуем в следующие чины. Инспектора же, надворного советника Аксенова и унтер-инспектора, титулярного советника Курова, за болезнями, увольняем от службы, с награждением обоих следующими же чинами»⁷.

Двумя днями позже, 19 января 1805 года, Жихарев упоминает об отце С. Н. Аксёнова уже как о коннозаводчике, причем в совершенно неожиданном контексте. Делясь впечатлениями о постановке балета «Мицение за смерть Агамемнона»

⁴ Эртель Федор Федорович (1767–1825), русский офицер, генерал. В 1798–1801 гг. московский обер-полицеймейстер, а в 1802–1808 гг. Петербургский обер-полицеймейстер.

⁵ Частный пристав (в 1799–1803 — частный инспектор) — полицейский чин, начальник, осуществлявший руководство полицией в административно-ведомственном подразделении Москвы — в *части* (отсюда и *частный*). Подчинялся полицмейстеру соответствующего полицейского отделения и обер-полицейстеру; под его началом были квартальные надзиратели.

По принятому при Екатерине II «Уставу благочиния» (1782 г.) Москва была поделена на 5 полицейских отделений, которые делились на части, а части на кварталы. До 1796 г. части имели свои порядковые номера, а затем стали называться по территории, на которую распространялась их деятельность: Арбатская, Басманная, Лефортовская части и т. д. Отделениями ведали полицмейстеры, подчинявшиеся московскому обер-полицейстеру; каждую часть города возглавлял частный пристав (иначе говоря, участковый пристав), а каждый квартал — кварталный надзиратель. По распоряжению императора Павла I в 1799 г. должность частного пристава (без изменения круга служебных обязанностей) была названа «частный инспектор».

⁶ Жихарев. Указ. соч., стр. 8-9.

⁷ Сенатский архив. Вып. 1: Именные Указы Императора Павла I. С.-Петербург, Тип. Правительствующего сената, 1888, С. 593.

итальянского балетмейстера Соломони⁸, Жихарев замечает, что спектакль «*прошел так и сяк*», «*в Электре ни искры электричества*», и далее:

«Говорят, что она выходит замуж за старика англичанина Банка, известного торговца лошадьми. Он большой приятель с Н. П. Аксеновым, который содействием и пособием его развел свой конный завод и свой известный огромностью рогатый скот — единственные теперь источники его доходов».⁹

То, что в лучшие свои времена конный завод Н. П. Аксёнова был образцовым предприятием, подтверждается и из других источников. Так, журнал «Отечественные записки» в 1827 году в окончании статьи «Статистические сведения по Рязанской Губернии за 1826 год» писал:

«После земледелия скотоводство должно почитаться важнейшею промышленностью жителей Рязанской Губернии.

Здесь считается 12 конных заводов, на коих до 1396 лошадей отличных иностранных пород. Лучшие из них два казенные в уездах Скопинском и Донковском; в последнем принадлежащий Г. Коллежскому советнику Аксенову».¹⁰

Вспоминает автор его имя и в нескольких других местах своих заметок, например, как человека знающего в лошадях и могущего «вернее всех руководствовать» в «выборе заводского жеребца».¹¹

В записи от 23 февраля 1805 г. находим и еще один «штрих» к образу Н. П. Аксёнова, который, оказывается, приютил у себя в Москве престарелого «дедушку Василия Алексеевича» — в «Отечественных записках» (1855, № 4, стр. 383), где начали печататься воспоминания Жихарева, есть авторское примечание: «*Василий Алексеевич Булов, отставной суфлер*». Жихарев пишет об этом следующее:

«...С дедушкою всё оказии: потерял последний свой зуб и жалуется, что ноги лениво ходят. Немудрено: недавно стукнуло полных 78; а между тем какая удивительная память! Все пьесы, какие суфлировал он, в продолжение 35-летней бытности своей суфлером в Петербурге и Москве, помнит наизусть, а биографии и закулисные похождения актеров и актрис его времени рассказывает во всей подробности: как по книге читает. Преинтересный старичок. *Теперь живет у Н. П. Аксенова, который призрел и успокоил старика*, а сверх того добывает несколько и сам перепискою бумаг у знакомых, и пишет, хотя медленно, но четко — жемчужком. Для меня он суший клад: вот два года, как я пользуюсь его досужеством хорошего переписчика и анекдотиста; живой ходячий театральный архив, а к тому же имеет настоящее понятие об искусстве. Любопытны рассказы его о прежних придворных актерах фран-

цузских и сравнение их с нашими русскими. Когда-нибудь запишу все его анекдоты. Он оживляется за бутылкою хорошего пива, это одна его прихоть; а за пивом дело не станет; надобно пользоваться памятью старика, которого время близ есть и дни исзотчени суть».¹²

После переезда в Санкт-Петербург С. П. Жихарев служил в Коллегии иностранных дел (1806–1812), в канцеляриях Кабинета министров и статс-секретаря П. С. Молчанова (1812–18); с его слов, по роду службы был хорошо знаком С. К. Вязмитиновым:

«Автор «Дневника», — делает он примечание уже во второй части своих записок, в «Дневнике чиновника», — имел случай видеть его ежедневно с 1812 по 1816 год, быть свидетелем неутомимых его трудов по должности главнокомандующего и управляющего министерством полиции и оценить высокие качества души его и сердца. Это был муж совета и разума и, несмотря на высокое свое звание, необыкновенно скромн, кроток, доступен и приветлив».¹³

В то же время, под непосредственным подчинением С. К. Вязмитинова, как военного генерал-губернатора С.-Петербурга, находилась в те годы и Контора адресов, в которой служил тогда С. Н. Аксёнов. Утверждают, что Вязмитинов, бывший большим любителем музыки (им в 1781 году была написана опера «Новое семейство»), симпатизировал Аксёнову и даже якобы способствовал его продвижению по чиновничьей карьере (последнее, впрочем, никак не подтверждается, поскольку все эти несколько лет, вплоть до 1819 года, когда и скончался С. К. Вязмитинов, Аксёнов неизменно пребывал в адрес-конторе в одной и той же должности и разве что получил в 1814 году полагающийся уже ему по выслуге лет очередной чин титулярного советника). Как бы там ни было, но не подлежит никакому сомнению, что Жихарев и Аксёнов находились в Петербурге в поле зрения друг друга и наверняка встречались. Поддерживали ли они контакты вне службы и какие у них были личные отношения остается неизвестным.

Следует добавить, что С. П. Жихарев известен не только как автор «Записок...», но и своей неблагоприятной ролью в печально известной истории об обвинении за участие в убийстве и осуждении А. Алябьева¹⁴. Заняв в июне 1823 года место прокурора Московской губернии, он приобрел славу непопулярного человека, грязного и нечистого в делах чиновника — взяточника и вымогателя. Писатель В. В. Вересаев в книге «Спутники Пушкина» (1937) отзывался о нем так: «На руку был очень нечист, вымогал взятки, брал у приятелей деньги займы без отдачи. Сильно попользовался на управлении доверенными ему именьями бр. Тургеневых»...

⁸ Соломони Джузеппе Иосиф — итальянский артист балета и балетмейстер. Был педагогом и балетмейстером крепостных театров Н. П. Шереметева (1786) и Н. Б. Юсупова (1810–22). С 1822 преподавал танцы в Московском университете.

⁹ Жихарев. Указ. соч., стр. 9.

¹⁰ «Отечественные записки», изд. Павлом Свиныным, № 92, декабрь, 1827. — Ч. XXXII, Кн. ХСII. — СПб., В тип. К. Крайя, 1827. — С. 388.

¹¹ Жихарев. Указ. соч., стр. 32.

¹² Там же, стр. 21–22.

¹³ Жихарев С. П. Записки современника. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1955. С. 370.

¹⁴ Подробнее см.: Доброхотов Б. Александр Алябьев: творческий путь. М., Музыка, 1966. С. 47–48.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Из писем Анны Петровны Буниной к племяннику ее М. Н. Семенову

Русский Архив.
1908, кн. I, вып. 4.
С. 531-533.

*П*исьма Анны Петровны Буниной (1774–1829), первой русской профессиональной поэтессы и переводчицы, обращены к ее племяннику Михаилу Николаевичу Семенову (1798–1859), сыну помещика Рязанской губ., секунд-майора Николая Петровича Семенова и сестры А. П. Буниной – Марьи Петровны, в то время офицеру Измайловского полка. А. П. Бунина переехала в Петербург в 1802 г. из с. Урусова Ряжского уезда Рязанской губернии. Из лиц высшего круга, покровительствовавших ей в столице и принявших дружеское участие в ее судьбе, находился генерал-лейтенант Николай Исаевич Ахвердов (1754–1817), состоявший при вдовствующей императрице Марии Федоровне и назначенный «кавалером при воспитании Великих Князей Николая (будущего императора Николая I) и Михаила Павловичей», младших братьев Александра I. В его доме А. П. Бунина некоторое время проживала по приезде своем в Петербург. Гостеприимно и тепло принимали ее также в домах адмирала и литератора А. С. Шишкова (в 1824–1828 гг. — министра народного просвещения), а затем адмирала графа Н. С. Мордвинова. В 1820 году была избрана почетным членом петербургского Вольного общества любителей российской словесности. Среди её друзей были известные российские литераторы Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, А. С. Шишков, И. А. Крылов и др. В круг знакомых А. П. Буниной входил и Семен Николаевич Аксенов.

А. Г. Варнек. Портрет А. П. Буниной (ок. 1825)
Литературный музей Пушкинского Дома
Российской Академии наук, Санкт-Петербург.

21-го Ноября 1823-го года. Середа.

Что делается с вами, любезный Михаил Николаевич? Как вы дошли, и как устроились, обо всем нетерпелива знать. Что до меня, то хотя я обещала тебе вести мой журнал, но боюсь, что в нем не будет разнообразия; потому что все выезды мои ограничиваются одним только домом Николая Семёновича¹; ибо с самой нашей разлуки я нигде кроме его не бываю. Однако, должно соблюсти условие, и так слушай.

В воскресенье поутру я проснулась часа два до света и слышала барабан, который отзывался в моем сердце, потому что уведомлял о вашем уходе. В 12 часов привезли из колонии мои бюсты; в час я пошла к Ивану Петровичу², в 5 поехала к Мордвиновым, которые прислали за мной карету. Там нашла Бакунину фрелину³ и Анну Семёновну. Обедали: Вера Николаевна⁴ с детьми, Мина

¹ Николай Семёнович Мордвинов (1754–1845), адмирал, граф (1834).

² Брат, морской офицер, участник Шведской войны, имел большие связи в кругу литераторов, в который и ввел свою сестру.

³ Вероятно, Екатерина Павловна Бакунина (1795–1869) — фрейлина русского двора, художница-любительница; сестра лицейского товарища А. С. Пушкина и первая юношеская любовь поэта, в замужестве (с 1834) — Полторацкая.

⁴ Столыпина Вера Николаевна (1790–1834), дочь Н. С. Мордвинова, с 1813 г. жена сенатора Аркадия Алексеевича Столыпина, прабабка премьер-министра П. А. Столыпина. Старшая сестра А. А. Столыпина — Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожд. Столыпина; 1773–1845) — была бабушкой М. Ю. Лермонтова со стороны матери, горячо любившей и воспитавшей внука; а его сын (и внук по матери Н. С. Мордвинова) — Алексей Аркадьевич Столыпин (1816–1858) был близким другом поэта; Лермонтову он приходился двоюродным дядей, но из-за равенства лет их называли двоюродными братьями.

Фондезина⁵, Деденев, Глинка⁶, Скипар, Свиныин⁷ и более никого. Вечером были Муравьев женатый и князь Меншиков. День и вечер провели довольно живо.

В *Понедельник* опять у Мордвиновых. Поутру бюсты мои отправились к Александру Николаевичу. Я стояла у окна и смеялась, как их укладывали в сани, послали им постель и одели одеялом, оставя наружи все 7 лиц. Оне поставлены на 7 книжных шкапов в библиотеке. <...> Обедала я одна, было очень весело; мы шутили и делали фокусы. Вечером все сели за работу; а Генриета Александровна⁸ начала нам читать вслух, как вдруг один за одним, и дом наполнился гостями, что нам очень было не по вкусу. Сперва приехали Арсеньева с мужем; потом молодые Лашкаревы с сестрою; потом невеста Лобри с женихом, с отцом и с матерью, и еще мужчины. В 10 часов все разъехались. Я *шепнула Наталье Николаевне*⁹: «завтра я буду обедать у Рахмановых!» Она *шепнула мне*: «а я поеду к Нинушке¹⁰». *Марья Яковлевна шепнула ей*: «меня завезите к Талызиным!» Я *тем же тоном*: куда хорошо? Кто же будет слушать Аксёнова?¹¹ (Глинка хотел его привести обедать, с тем, что после обеда он будет играть на гитаре). Она *тем же тоном*: мне непременно должно ехать; притом я не очень люблю гитары. *Марья Як. тем же тоном*: и мне непременно должно быть у Талызиных. Я *вслух*: Генриета Александровна! Вы одне будете слушать Аксёнова! Наталья Николаевна едет к Нинушке, Марья Яковлевна к Талызиным. *Наталья Николаевна вслух*: вот прекрасно! вы, первая начинщица, на

нас жалуетесь! Анна Петровна хочет ехать завтра к Рахмановым. *Генриета Александровна*: Нет, мой друг, я вас не пушу, извольте приехать ко мне; я пришлю за вами карету.

Во *Вторник* карета у крыльца, и я опять у Мордвиновых. Глинка приехал один; Аксёнову было поручено отправлять погребение старика Татищева¹². Я нашла Анну Семёновну; Наталья Николаевна уехала к Нинушке, которая нездорова. В доме величайшая тишина, и все ходят на пальчиках: Николай Семёнович нездоров и с нами не кушал. В 9 часов карета поехала за Натальей Николаевной и меня завезли домой.

Среда. Собираюсь к Рахмановым; но куда попаду, не знаю. Что еще прибавить? Своего нечего. Разве сказать, что в субботу Вера Николаевна с Н. Н. и с А. Н. ездили к Лореровой. Началось тем, что Лизогуб давал концерт на фортепиано; потом танцы.

Пиши, мой милый, ко мне, как ты устроился, — приехали ли Иксули; познакомился ли ты с ними и когда ты будешь в Петербург? Сия последняя статья занимает меня более всего, уведомя с точностию. Когда я к тебе сие пишу, колокола возвещают день приезда Принцессы¹³. Была повестка военным и придворным съезжаться ко двору. Мне очень бы хотелось попасть к Мордвиновым, чтобы узнать от Александра Николаевича¹⁴, что было.

26-го Ноября. Продолжение.

Среда, была у Рахмановых.

Четверг у Мордвиновых. Обедал Глинка. Наталья Николаевна обедала и целый вечер провела у Ахвердовых. Вечером Глинка читал *La mort de Socrate par Lamartine*.

Пятница. Обедала и целый вечер провела с Натальей Николаевной у Ахвердовых, праздновали канун именин вместо именинного дня. Катерина Борисовна¹⁵ с Нинушкой поехали при нас на бал к Хвостовым. У Ивана Петровича был обед, на который и меня приглашали.

¹² Граф Николай Алексеевич Татищев (1739–1823), генерал от инфантерии. В графское Российской Империи достоинство возведен в 1801 г. в день коронации Александра I; в течение 20 лет командовал лейб-гвардии Преображенским полком. Похоронен в с. Ретени Лужского уезда С.-Петербургской губ. 25 ноября 1823 г.

Его племянник, Александр Иванович Татищев со 2 марта 1808 года по март 1823 года возглавлял Комиссариатский департамент Военного министерства, где в его подчинении служил С. Н. Аксёнов, а 14 марта 1823 г. был назначен Военным министром.

¹³ Будущей великой княгини Елены Павловны.

¹⁴ Мордвинов, Александр Николаевич — камер-юнкер.

¹⁵ Ахвердова Катерина Борисовна (урожд. Меллер; 1772–1852), жена генерал-лейтенанта Н. И. Ахвердова, заменила мать племяннице своего мужа Н. Ф. Ахвердовой (см. прим. 11), которую воспитывала как родную дочь. Жила в Михайловском замке и Царском Селе, с 1824 г. — в квартире на Театральной площади в доме Кропоткина, напротив дома Мордвиновых (через ул. Никольскую, ныне Глинка), в другом крыле которого находилась Контора адресов и квартира С. Н. Аксёнова. Портреты супругов Ахвердовых, написанные между 1811 и 1814 гг. А. Г. Варнеком, в начале 1890-х гг. приобрел для своей картинной галереи П. М. Третьяков (портрет Н. И. Ахвердова позже был передан картинной галерее Армении).

Именно ему пришлось дважды быть секундантом в дуэлях Лермонтова, в т. ч. и в роковой дуэли с Н. С. Мартыновым в июле 1841 г.

⁵ Фон-Дезин (фон Дезин или фон Дезен).

⁶ Фёдор Николаевич Глинка (1786–1880), поэт и прозаик, автор «Писем русского офицера»; полковник, в 1819–1822 гг. состоял чиновником «по особым поручениям» при с.-петербургском военном генерал-губернаторе М. А. Милорадовиче, заведовал его «особенной канцелярией». Приятель С. Н. Аксёнова.

⁷ Вероятно, Павел Петрович Свиныин (1787–1839) — писатель, художник-любитель, журналист, в то время издатель журнала «Отечественные записки» (1820–1830).

⁸ Мордвинова Генриета Александровна (рожд. Коблей; 1764–1843), шотландка, дочь английского консула в Ливорно. Жена Н. С. Мордвинова с 1784 года.

⁹ Мордвинова Наталья Николаевна (1794–1882), дочь Н. С. Мордвинова, позднее, с 1825 года, супруга тайного советника А. Н. Львова (1786–1849).

¹⁰ Вероятно, Ахвердова Нина Федоровна (1805–1828, в замуж. княгиня Голицына), дочь генерал-майора, начальника Кавказской артиллерии Отдельного Грузинского корпуса Федор Исаевич Ахвердова (1774–1820) от 1-го брака с грузинской княжной Натальей Григорьевной Юстиниани (ум. 1811). С 1824 г. — жена кн. А. Б. Голицына. В младенчестве была привезена в Петербург, росла и воспитывалась в доме своего дяди генерал-лейтенанта Николая Исаевича Ахвердова (1754–1817). Ее старшая сестра Софья (1810–1830) осталась в Тифлисе (Тбилиси) у мачехи, Прасковьи Николаевны Ахвердовой (в девич. Арсеньева, родственница М. Ю. Лермонтова). Софьей Ахвердовой некоторое время был увлечен А. С. Грибоедов, позже вышла замуж за наместника Кавказа Н. Н. Муравьева. Семья адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова находилась с Ахвердовыми в родстве.

¹¹ Семён Николаевич Аксёнов.

Суббота у Мордвиновых. Наталья Николаевна обедала и целый вечер провела у кухни своей Корсаковой, а Анна Семёновна с нами.

Воскресенье. У Мордвиновых. По обыкновению Столыпина все; Катерина Борисовна с Ни нушкой, Глинка с Аксёновым, Зыков. После обеда Марья Яковлевна играла на фортепьянах превосходную пьесу, с особенным мастерством. Пристали (за исключением хозяев) к Аксёнову; он послал за гитарой и услужил слушателей¹⁶.

Вот, мой друг, тебе простой, мало любопытный и неразнообразный мой журнал. Надобно включить в него, что два раза мимоходом была я у Ивана Петровича; но он даже не взглянул ко мне, хотя часто выезжает со двора, как самому тебе известно, и третьего дня был на бале у Зейделя; но Зейдель важнее меня, и я с ним равняться не

¹⁶ Дом Н. С. Мордвинова находился на Театральной площади (2-я Адмиралтейская часть, № 210) — Аллер, стр. 394. (Театральная пл. № 14 — ул. Глинки, 4). Аксенов в то время жил рядом — там же на Театральной пл., № 222.

Театральная пл., дом 18 (вид со стороны Торгового моста через Крюков канал) — бывший дом Кропоткина (2-я Адмиралтейская часть, № 222), в котором в 1-ой четверти XIX в. располагалась петербургская Адрес-контора и находилась квартира Семёна Николаевича Аксенова, а в 1818–1822 гг. также и квартира Ф. Н. Глинки. На заднем плане справа от площади виден бывший дом Мордвинова (Театральная пл., 14 / ул. Глинки, 4, напротив сквера с памятником М. И. Глинке).

сметь. Приезжай сюда, в субботу поутру и прямо ко мне, чтобы застать меня дома. В продолжение сей недели много накопилось о чем поговорить и что сказать.

Пожалуйста попроси брата, чтобы купил мне (на 5 р.) серой пищей бумаги, какую прошлого

года покупал и привез бы с собой. Я с большим нетерпением ожидаю от тебя письма я желаю, чтобы оно предшествовало приезду. До свидания, милый.

*Целую тебя и брата.
Любящая вас Анна Бунина.*

ДОМ АДМИРАЛА ГРАФА Н. С. МОРДВИНОВА, частым гостем которого в 1820-е гг. был С. Н. Аксенов. Изначально здание было трехэтажным, перестраивалось в 1867 г., надстроено в 1895 и в 1970–72 гг.

Виктор ТАВРОВСКИЙ

РЕДКИЙ ПОРТРЕТ СЕМЁНА НИКОЛАЕВИЧА АКСЁНОВА

Портрет С. Н. Аксенова, литографированный в 1820-е гг. П. Ф. Соколовым, до самого последнего времени удивительным образом оставался неизвестным ни историкам музыки в целом, ни историкам гитары в частности. Можно уверенно сказать, что и В. А. Русанов, и В. П. Машкевич, и их последователи и продолжатели, находились в полном неведении относительно существования иного изображения Аксенова, отличного от того, что оставил нам Г. Г. Чернецов на картине «Парад на Царицыном лугу в Петербурге» и в сделанном к ней этюде «Сихра и Аксенов»¹. Впервые в гитарной литературе портрет был опубликован только в 2016 году в нашей совместной с Л. П. Зайцевой книге «Музей гитары на письменном столе»², где он воспроизведен по репродукции из работы Г. А. Миролюбовой «Русская литография, 1810-1890-е гг.»³.

На упоминания об этом портрете я натолкнулся еще около пяти лет назад в литературе по истории русской литографии. Интерес к последней был вызван у меня тем, что один из известных портретов А. О. Сихры, напечатанный в 1817 году при издании его «Практических правил игры на гитаре, состоящих в четырёх экзерсциях» у И. К. Пеца⁴, является автолитографией П. Ф. Соколова. Именно в связи с ней авторы называли и другую работу этого художника, выполненную той же техникой, на которой запечатлен еще один известнейший гитарист, современник и ученик Сихры — Семен Николаевич Аксенов.

Всего таких источников мне стало известно четыре. Хронологически самым ранним из них является исследование Алексея Федоровича Коростина «Начало литографии в России. 1816-1818»⁵. Работа была написана автором в 1940 году и приурочена к 125-летию русской литографии, началом которой он полагал считать 1816 г., «поскольку именно этот год знаменует у нас начало производственного применения литографии» (в марте 1816 г. появилась самая ранняя по дате из известных русских литографий — «Всадники» А. О. Орловского) и является временем возникновения первых российских «камнепечатен»⁶. Издание книги планировалось осуществить в серии «Собрание работ по книговедению», первые два выпуска которой (второй была книга А. С. Зерновой «Начало книгопечатания в Москве и на Украине») были напечатаны в 1941 г. перед самым началом Великой Отечественной войны и лежали готовые в типографии «Печатный двор» в Ленинграде, но целиком сгорели при пожаре типографии. Выход книги А. Ф. Коростина задержался, однако уже в 1943 году она была перепечатана и издана.

В. А. Тропинин.

Портрет художника
Петра Федоровича Соколова

1833 г. Холст, масло. 63 × 50 см.

Государственный Русский музей.
Санкт-Петербург.

¹ О них читайте в настоящем номере журнала ИГГЛ в материале «Галерея современником в картине Григория Чернецова «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге».

² Зайцева Л. П., Тавровский В. В. Музей гитары на письменном столе: Энциклопедич. сб. по истории гитары. – Воронеж: Воронежский гос. педаг. ун-т, 2016. С. 23.

³ Миролюбова Г. А. Русская литография, 1810–1890-е гг.: очерки истории, мастера, печатные центры, издательства. М., Центрополиграф, 2006.

⁴ В 1907 г. портрет был напечатан в журнале «Музыка гитариста» в продолжении публикации исторических очерков В. А. Русанова «Гитара и гитаристы» — «Гитара в России» — и сопровождался следующим описанием: «Снимок с оригинала художника П. Ф. Соколова, изданного в 1817 году 1-го июля при сочинении А. О. Сихры «Практические правила игры на гитаре, состоящие в четырех экзерсциях», в С.-Петербурге, у Пеца» (Музыка гитариста», 1907, № 7, с. 110).

⁵ Коростин А. Ф. Начало литографии в России. 1816–1818: К 125-летию русской литографии / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел старопечатных редких книг. – Москва, 1943. – 151 с., XXVII табл., ил. – [Собрание работ по книговедению. Под редакцией Н. О. Кучменко. Выпуск I].

Коростин Алексей Федорович (1903–1957), историк искусства, крупнейший специалист в области русской графики, коллекционер. С 1938 по 1941 год работал в Отделе редких книг библиотеки им. В. И. Ленина по систематизации собрания печатной графики. С 1944 г. — в ГМИИ им. А. С. Пушкина (в 1947–1950 гг. — старший научный сотрудник Отдела графики). С 1950 года до конца жизни работал в Научно-исследовательском институте теории и истории искусства АХ СССР. Автор и редактор многих изданий по русскому искусству, к числу наиболее важных из которых относятся «Начало литографии в России. 1816–1818», М., 1943; «Русская гравюра XVIII века», М., 1952 (совместно с Е. И. Смирновой) и «Русская литография XIX века», М., 1953.

К сожалению, в нашей книге «Музей гитары на письменном столе» при перечислении источников была допущена досадная ошибка в фамилии автора: вместо «Коростин» напечатано «Костин».

⁶ Ими были литография Военно-топографического бюро Главного Штаба и литографическое заведение при Государственной Коллегии Иностранных Дел под руководством П. Л. Шиллинга.

П.Ф. Соколов.
Портрет С.Н. Аксенова.
1820-е гг.

Аксенов

Из книги Г. А. Миролюбовой «Русская литография, 1810-1890-е гг.: очерки истории, мастера, печатные центры, издательства» (М., 2006).

Следующее упоминание о портрете нашлось в статье М. З. Холодовской «Рисунок, гравюра и литография» в вышедшей в 1963 году 1-й книге 8-го тома «Истории русского искусства» (глава IV «Графика»):

«Из ранних литографий Соколова следует назвать портреты гитаристов А. О. Сихры и С. Н. Аксенова; небольшой размер и овальная форма портретов сближают их с миниатюрами»⁷.

Далее (1966 г.) следует издание «Очерки по истории русского портрета первой половины XIX века», в котором содержится следующая информация о портрете:

«43. ПОРТРЕТ ГИТАРИСТА АКСЕНОВА.

Автолитография. 25 × 15.

Справа подпись-монограмма: PS.

Надпись: Аксенов.

Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина»⁸.

И, наконец, в 2006 году выходит уже упомянутая выше книга заведующей Сектором изобразительного искусства Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа Галины Алексеевны Миролюбовой «Русская литография, 1810-1890-е гг.: очерки истории, мастера, печатные центры, издательства», где о портретах Сихры и Аксенова сказано:

«Тонкой живописностью и пластической завершенностью, теплотой и проникновенностью характеристики наделены и литографированные Соколовым портреты

крепостного актера И. В. Сальникова «Савельич» и гитаристов С. Н. Аксенова и А. О. Сихры»⁹.

Таким образом, имелись бесспорные текстовые подтверждения из авторитетных источников о существовании портрета С. Н. Аксенова, созданного задолго до картины Г. Чернецова, но главное-то состояло в том, чтобы получить его изображение. Нахождение оригинала — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина — было известно, и в идеале наиболее предпочтительным вариантом, конечно, было бы получить копию портрета именно оттуда, но такой возможностью я не располагал, а потому оставалось надеяться на наличие репродукции портрета в одном или нескольких из названных выше изданий.

Во время написания книги «Музей гитары на письменном столе» Л. П. Зайцева разыскала по моей просьбе работу Г. А. Миролюбовой, где такая репродукция имелась, и это позволило нам наконец-то познакомиться гитаристов с ранее им неизвестным портретом С. Н. Аксенова. Тем не менее, еще оставались непроясненные вопросы, касавшиеся его размера. В «Очерках по истории русского портрета первой половины XIX века» он указан как 25 × 15 см, но, судя по картинке, это совершенно точно никак не могло быть размерами самого изображения, а, очевидно, всего листа. У М. З. Холодовской в «Истории русского искусства» говорится о «небольшом размере и овальной форме» портретов Сихры и Аксенова, «сближающими их с миниатюрами», что тоже довольно расплывчато и не конкретно, а к тому же, если портрет Сихры действительно имеет классическую овальную форму (по крайней мере, именно так он напечатан у Пеца, а затем и Русановым), то портрет Аксенова по форме ближе скорее к тондо (т. е. правильному кругу), чем к овалу.

⁷ История русского искусства: в 13 тт. Том VIII: Русское искусство первой трети XIX века. Архитектура. Скульптура. Живопись. Графика. Кн. 1-я / Под общ. ред. акад. И. Э. Грабаря, д. чл. АХ СССР В. С. Кеменова и чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарева. — М., Изд-во Академии наук СССР, 1963. — С. 642.

⁸ Очерки по истории русского портрета первой половины XIX века / Акад. худ. СССР, Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств; [под общей ред. И. М. Шмидта]. — М., Изд-во «Искусство», 1966. — С. 332.

⁹ Миролюбова Г. А. Указ. соч. С. 92

Учитывая еще и то, что оба портрета были выполнены Соколовым если и не в одно и то же время, то уж точно в один период (почему их, видимо, всегда и упоминают «в паре»), невольно напрашивалась мысль о том, что художник вполне вероятно мог бы выполнить их близкими как по размеру, так и по форме, но сравнение портретов говорило об обратном, даже несмотря на наличие в них сходства в позах и одинакового поворота головы у обоих портретируемых. В общем, для исключения сомнений в точности пропорций портрета требовалось иметь его изображение еще как минимум из одного альтернативного источника, а желательно также и более подробные его характеристики. Разумеется, наиболее многообещающим в этом отношении мне представлялось исследование А. Ф. Коростина, однако, в отличие от недавней работы Миролюбовой, его книга, изданная более 70 лет назад тиражом всего 1000 экземпляров, стала уже библиографической редкостью.

На мою просьбу помочь в ее розыске откликнулся московский гитарист-любитель Андрей Игоревич Зайцев, благодаря которому была получена копия страницы с изображениями портретов Сихры и Аксенова с экземпляра издания, хранящегося в Российской государственной библиотеке в Москве. А спустя еще какое-то время мне удалось отыскать этот ценный труд уже полностью, что теперь позволяет процитировать из него некоторые наиболее интересные сведения, сообщаемые автором о художнике П. Ф. Соколове (в особенности, как о литографе, поскольку в искусствоведческой литературе о нем речь идет, главным образом, как об акварелисте, мастере акварельного портрета) и о созданных им портретах гитаристов. Стоит отметить, что, как писал в предисловии сам А. Ф. Коростин, его работа являлась «попыткой детально исследовать «начало литографии в России» в пределах первого трехлетия (1816–1818)», но «с неизбежным выходом за пределы этого трехлетия в некоторых случаях, когда приходилось говорить о тех русских «камнепечатнях» и пионерах русской художественной литографии, которые начали работать в исследуемое трехлетие и продолжали работу в последующие годы»¹⁰. На последнее важно обратить внимание, поскольку, если портрет Сихры действительно относится к 1816–1817 годам, то портрет Аксенова, как мы покажем далее, является все же более поздним и уже выходит за пределы обозначенного в названии «исследуемого трехлетия».

О Петре Федоровиче Соколове (1787¹¹–1847) А. Ф. Коростин в первую очередь говорит как об одном из участников альбома «Гравюры на камне, исполненные в С. Петербурге, в 1816 году», являющегося «основным по значению памятником ранней русской литографии»¹², где он представлен «мастерской карандашной литографией — «портретом Шиллинга»»¹³.

Далее автор пишет:

«В русском искусстве 1-й половины XIX в. П. Ф. Соколов занимает своеобразное место. Ему прочно присвоен титул «создателя» русской портретной акварельной живописи, сложного и привлекательного искусства, расцветом которого ознаменованы 30-е и 40-е годы XIX века. Эти же годы и период наибольшей славы Соколова-акварелиста. Соколов первый продемонстрировал все живописное богатство акварельной техники низведя карандашный рисунок, которым владел безукоризненно, на сравнительно второстепенное положение и показав, что цвет в акварели — не является только раскраской. Однако свой путь портретиста Соколов начал, в период от 1810 до начала 20-х годов, традиционно, как мастер карандашного портрета, с традиционным приемом подцветивания рисунка. В эти годы у молодого Соколова был блестящий пример перед глазами — пример Кипренского, признанного мастера карандашного портрета. Однако, Соколов очень рано выработал собственную манеру, свой «стиль». Его портретные рисунки резко выделяются ему одному присущими приемами и трактовкой. В противоположность Кипренскому, его романтической настроенности, Соколов более трезв, объективен, реалистичен. Позднее это сказало еще ярче. Реалистические элементы в искусстве П. Ф. Соколова отмечены были еще современниками художника; в особенности характерны в этом отношении высказывания его сына — также художника-акварелиста — А. П. Соколова.

Автолитография П. Ф. Соколова в альбоме 1816 г. позволяет установить интересный факт — серьезного внимания, уделенного литографской технике молодым, начинающим П. Ф. Соколовым на самом раннем этапе развития русской литографии. Как показывает «портрет Шиллинга» (1816 г.), Соколов перенес в литографию все приемы своего карандашного рисунка, и настолько, что литография эта, в натуре, до иллюзии напоминает рисунок итальянским карандашом. По-видимому, литография и привлекла Соколова именно как средство размножения портретного рисунка. Мы не знаем в точности, какое количество литографий выпустил П. Ф. Соколов в эти ранние годы. Тираж его литографий был, по-видимому, очень ограничен, и многое, возможно, до нас не дошло или неизвестно (как не дошли или неизвестны иные портретные литографии Кипренского, сделанные до 1825 г.). Однако можно и сейчас сказать, что соколовский «портрет Шиллинга» не является исключением. Несомненно, к 1816–1817 гг. относятся еще, правда, менее значительные, портрет композитора-гитариста А. О. Сихры и портрет Стааль. За датировку этими годами говорят, помимо данных стилистического порядка, палеографические детали — совпадение сортов бумаг и водяных знаков в изученных нами экземплярах портретов Сихры, Стааль и Шиллинга. Наконец, в это же, по-видимому, время, может быть чуть позднее, налитографирован П. Ф. Соколовым, в пару к портрету А. О. Сихры, портрет и другого «виртуоза семиструнной гитары» — Семена Николаевича Аксенова»¹⁴.

Важными для нас являются и сделанные Коростиным примечания, касающиеся портретов Сихры и Ак-

линг, брат руководителя литографического заведения при министерстве иностранных дел П. Л. Шиллинга.

¹⁴ Коростин А. Ф. Указ. соч. С. 64. Курсив мой — В. Т.

¹⁰ Коростин А. Ф. Указ. соч. С. 6.

¹¹ В книге А. Ф. Коростина — 1791, год рождения П. Ф. Соколова по данным справочников Академии художеств. Однако по свидетельству сына художника, Александра Петровича Соколова (1829–1913): «Он [отец] родился в 1787 г., в Москве, и, вскоре за появлением его на свет, умер его отец; мать же вступила во второй брак за некоего фон-Гильднера» (Соколов А. П. Петр Федорович Соколов, основатель портретной акварельной живописи в России. Очерк его жизни и художественной деятельности, 1787–1848. // Русская старина. — СПб., 1882, март. — Т. XXXIII. — С. 640).

¹² Коростин А. Ф. Указ. соч. С. 58.

¹³ По мнению А. Ф. Коростина на портрете изображен А. Л. Шил-

XI—XII

Соколов П. — Портрет А. О. Сихры.
Библ. им. Ленина

Соколов П. — Портрет С. Н. Аксенова.
ГМИИ им. Пушкина

Страница с портретами А. О. Сихры и С. Н. Аксенова
из книги А. Ф. Коростина «Начало литографии в России. 1816-1818» (М., 1943)

сенова, в которых указываются места хранения оригиналов и размеры этих работ.

О портрете А. О. Сихры:

«Собр. библиотеки им. Ленина, инв. 5966, разм. 85 × 98 (в овале)»¹⁵.

О портрете С. Н. Аксенова:

«Собр. Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина в Москве. Инв. 49124, разм. 120 × 108 (в овале)»¹⁶.

Как видим, А. Ф. Коростин называет размеры именно изображений, а не размеры листов. Таким образом, становится ясно, что портрет Аксенова был выполнен на листе 25 × 15 см¹⁷, при этом размер самого изображения (в овале) составляет 12 × 10,8 см (портрет Сихры, следовательно, даже чуть меньше — 9,8 × 8,5 см, и на самом деле тоже имеет более «округлую» форму, чем, скажем, на его печатной репродукции в «Музыке гитариста», где большая вытянутость овала достигнута искусственно за счет урезания портрета с боков, из-за чего, в частности, оказалась обрезана и надпись художника по внутреннему правому краю овала — П. Соколовъ).

А. Ф. Коростин воспроизвел литографированные Соколовым портреты Сихры и Аксенова в «таблицах» — отдельном блоке иллюстраций, размещенных им не в тексте, а вынесенных в конец книги: XI. Соколов П. Ф. — «Портрет А. О. Сихры» (1816–1817) и XII. Соколов П. Ф. — «Портрет С. Н. Аксенова» (1818–1820). На наш взгляд, второй портрет, скорее всего, был написан около 1820 года, но никак не ранее декабря 1819 года, поскольку на фраке С. Н. Аксенова видна анненская орденская лента, а орденом Св. Анны 3-й степени он был награжден только 27 ноября 1819 года.

В отличие от двойного портрета Сихры и Аксенова Г. Г. Чернецова (этюд для картины «Парад на Царицыном лугу в Петербурге в 1831 году»), где Аксенов показан в полный рост, беседующим с Сихрой, и стоит на расстоянии и в пол-оборота к зрителю, портрет, выполненный П. Ф. Соколовым, — погрудный, дающий изображение более крупным планом, что впервые позволяет увидеть и хорошо рассмотреть обращенное к нам лицо знаменитого гитариста. Это еще очень молодой человек со спокойным серьезным, но не угрюмым и жестким, выражением лица, с пристальным, сосредоточенным и очень выразительным взглядом, с вьющимися или, скорее всего, завитыми кудрями (как это было тогда принято) волосами, которые на висках зачесаны наперед и слегка подкручены вверх (так же они выглядят и на картине Чернецова спустя более десяти лет после этого портрета); высокий лоб открыт, лицо чисто выбрито. С. Н. Аксенов сидит в надетой поверх темного фрака шинели — широко пальто каррике, с шпильными под нижним краем воротника четырьмя недлинными пелеринами, выступающими одна из под другой; под фраком — белый жилет с высоким стоячим воротником с широким вырезом у подбородка и белая рубашка с галстуком (шейным платком). В руке — свернутый в трубку лист бумаги с нотами. В правой стороне поля портрета — монограмма из двух наложенных одна на другую латинских букв — PS (первых букв имени и фамилии художника; замечу, что мне не довелось видеть подобную

же монограмму ни на одной из других его работ).

1820-е годы «принесли изменение художественной манеры Соколова: от карандашного рисунка художник перешел к акварели»¹⁸. За ним прочно установилась «репутация, как единственного акварельного портретиста», без перерыва продолжались работы и заказы, из-за чего пришлось даже «завести книжку для записывания назначаемых для сеансов часов и часто исполнение заказов откладывалось на месяц и более соблюдением очередного порядка»¹⁹. П. Ф. Соколов выполнил «целую серию заказов от большого двора, где он писал императрицу Елизавету Алексеевну и многих иностранных принцев для ее альбома», а вслед за воцарением императора Николая Павловича — «портреты и других подрастающих членов августейшего семейства, и наконец самой императрицы Александры Федоровны»²⁰. «Но интерес к литографии, — пишет А. Ф. Коростин, — художник сохранил. И от 20-х, и от 30-х, и от 40-х годов дошло до нас известное количество литографических работ П. Ф. Соколова. Стиль их стал иным. Соколов отошел в них от первоначальной своей манеры штрихового рисунка, и стал приверженцем тоновой литографии. В некоторых случаях однако Соколов создавал свои литографии — повторения акварельных оригиналов — в расчете и на авторскую раскраску акварелью»²¹.

В начале 1840-х годов он задумал создать огромную галерею литографированных портретов русских деятелей «литературы, художеств и искусств». В печати появились анонсы. Газета «Санктпетербургские ведомости» в номере от 8 ноября 1840 года писала:

«В течении одного столетия Россия имела уже, по всем отраслям умственной деятельности, людей или великих или весьма замечательных. Все роды славы теперь не чужды ей благодатной почвы. Нет той части

¹⁸ Коростин А. Ф. Указ. соч. С. 65.

¹⁹ Соколов А. П. Указ соч. С. 643.

²⁰ Там же С. 642.

²¹ Коростин А. Ф. Указ. соч. С. 65.

Г. А. Миролюбова тоже не отрицает интереса и внимания художника к литографии, но при этом говорит следующее: «Во второй половине 1820–1830-х годах П. Ф. Соколов, загруженный огромным количеством заказов на акварельные портреты, отошел от занятий литографией и передал право переводить на камень свои оригиналы, как вспоминал об этом его сын П. П. Соколов (курсив мой. — В. Т.), художнику А. А. Васильевскому» (Миролюбова Г. А. Указ. соч. С. 92). Однако же в воспоминаниях Павла Петровича Соколова (1826–1905), опубликованных в пяти книжках «Исторического вестника» за август–декабрь 1910 года (отдельное издание вышло в 1930 г. под редакцией Э. Голлербаха), на которые в подкрепление своих слов ссылается автор, нет ничего подобного тому, что она утверждает. Васильевский, действительно, сделал много литографий с оригиналов Соколова, но П. П. Соколов ни разу не упомянул о том, что его отец якобы «отошел от занятий литографией» и передал тому «право переводить на камень свои оригиналы». Единственное, о чем написал сын художника, это о том, что в их доме «запросто бывал некто Васильевский» (причем речь идет о более позднем времени), и далее: «Это был не особенно далекого ума человек, но с добрым сердцем, искренне любивший наш дом. По специальности он был копиерщик, жил своим трудом и преимущественно рисовал на камне для литографий. Отец всегда помогал ему и наконец достал очень хорошую работу для издания «Исторического описания одежды и вооружения русских войск», составленного по высочайшему повелению и законченного Висковатовым в 1841 году... Этот человек заменял мне и брату моему Пьеру как бы гувернера, мирил нас во время наших ссор, занимал нас, когда отец был занят, и немало облегчал мать вместе с нами» (Воспоминания академика П. П. Соколова // Исторический вестник. — 1910, август. — Т. СХХI. — С. 388–389). Замечу еще, что небольшой отрывок из воспоминаний П. П. Соколова, где рассказывается о концерте с участием И. Ф. Деккер-Шенка, был опубликован нами в журнале «История гитары в лицах» в 2013 г., № 2, стр. 21–22.

¹⁵ Там же. С. 71.

¹⁶ Там же. С. 72.

¹⁷ См. выше: «Очерки по истории русского портрета первой половины XIX века» (М., 1966).

Соколов П. — Портрет С. Н. Аксенова.
ГМИИ им. Пушкина

словесности, наук, художеств или искусств, по которой она не могла бы показать достойных представителей врожденной способности своей ко всему возвышенному и славному. По всем частям у ней были или есть прекрасный дарования, которых блеск, если бы он был выведен наружу и совокуплен вместе, представил бы утешительное и величественное зрелище. К сожалению, часто эти светлые лучи народной славы скрываются во мраке безвестности. Русские сами, большею частью, не знают имен и людей, которыми по справедливости могут они гордиться.

Превосходна и достойна патриота мысль — совокупить в одно целое все эти благородные имена, которые проливают на нас блеск своих дарований, созвать в одно торжественное собрание всех этих людей, которым мы обязаны удивлением или благодарностью за их таланты, за их труды, за их жизнь, посвященную нашей умственной пользе или изящнейшим нашим удовольствиям. Эту мысль возымел знаменитый наш акварельный живописец, Петр Федорович Соколов. Он

решил подарить нас творением, которого один вид порадовал бы Русское сердце. Он вознамерился посвятить свою мастерскую кисть воспроизведению черт всех тех людей, с которыми каждый из вас, как Русской, должен быть знаком. К портретам своей работы он пожелал присоединить еще жизнеописания. Многие известные писатели, как то Барон *Брамбеус*²², П. П. *Каменский*, *Кукольник* и другие, охотно вызвались помочь ему в этом деле и принять на себя составление приличных и точных биографий.

Вся Русская публика оценит благородное предприятие *Соколова*: не отрадно ли видеть такой талант воздающим трудами своими дань всем без изъятия отечественным талантам? Таким образом, благодаря усердию *Соколова*, мы получим длинный ряд превосходных портретов и занимательных биографий всех

²² Псевдоним Осипа Ивановича Сенковского (1800–1858) — писателя, журналиста и ученого-востоковеда, профессора С.-Петербургского университета, члена-корреспондента Петербургской АН (1828), редактора и издателя «Библиотеки для чтения».

знаменитых людей, живых и умерших, которых имена украшают поприща литературы, художеств и искусств в России. Эти портреты, кроме сходства, будут еще отличаться всем художественным достоинством знаменитой кисти их автора. Они будут отпечатаны на камне с величайшим изяществом, все на Китайской бумаге, превосходным Мюнхенским литографом, Г. Полем.»²³

Там же был напечатан список более двухсот портретов, предположенных к изданию. Мы, правда, не находим в нем имен ни Сихры, ни Аксенова, но список, как сообщалось, предварительный и неполный, и «еще пополнится многими важными именами»²⁴. Были изданы и первые портреты: А. Ф. Львова, Бортнянского, Крылова и др. Однако смерть художника прервала начатое.

Говоря о личности Петра Федоровича Соколова, обратим внимание на еще несколько моментов биографии художника, сообщенных его сыновьями. Оба они характеризует отца, как человека в высшей степени общительного, веселого, и отмечают его большую любовь к театру и музыке. А. П. Соколов писал:

«Театр он любил безгранично и прелестно цитировал стихи Озерова, подражая знаменитому в то время актеру Яковлеву... Все великосветское общество охотно ездило провести приятный час времени в мастерской художника и, притом, настолько же из уважения к артисту, как и расположению к человеку, в высшей степени общительному, веселому, и хотя не обладавшего салонным лоском и иностранными жаргонами, прикрывающими часто полнейшую бессодержательность, но зато, по своей нравственной порядочности и уму, сходявшемуся со всяким, кто обладал этими качествами. В моей памяти сохранились до сих пор воспоминания о редких в то время вечерах камерной музыки, устраивавшихся у него и привлекавших немногочисленный кружок истинных любителей и ценителей этого рода музыки, из которых и теперь, вероятно, еще найдется несколько человек, не забывших вынесенное им с этих вечеров приятное впечатление. Исполнителями были: Маурер, Бем, А. Ф. Львов и граф М. Ю. Виельгорский со своей знаменитой виолончелью, завещанной им Давыдову»²⁵, у которого в руках она теперь находится»²⁶.

Павел Петрович Соколов в своих «Воспоминаниях» также вспоминает музыкальные вечера в доме отца:

«...У нас собиралось в высшей степени интересное общество музыкантов. Одним из первых являлся приятель отца, композитор Алексей Федорович Львов, который написал «Боже Царя храни»; приезжал он всегда со скрипкою... часто привозил отцу только что написанные им вещи и наигрывал их впервые у нас... Обыкновенно вместе с скрипачом Бемом, тогда большой знаменитостью, виолончелистом Маурером и графом Матвеем Юрьевичем Виельгорским они разыгрывали такие квартеты, что специально послушать их игру к нам собиралось довольно большое общество, и вечера эти заканчивались танцами, затягивавшимися до рассвета»²⁷.

Не исключено, что участниками музыкальных вечеров у П. Ф. Соколова могли быть также и Сихра с Аксе-

²³ Смесь. Библиографическое известие. — Портретная и биографическая галерея литературы, художеств и искусств в России // Спб. Ведомости. — 1840. — № 254, 8 ноября. — С. 1153.

²⁴ Там же. С. 1154.

²⁵ Речь идет о Карле Юльевиче Давыдове (1838–1889), композиторе и виолончелисте, директоре Петербургской консерватории (1876–1887).

²⁶ Соколов А. П. Указ. соч. С. 641, 643–644.

²⁷ Воспоминания академика П. П. Соколова // Исторический вестник. — 1910, август. — Т. СХХI. — С. 397.

новым, хотя они и не упомянуты авторами, перечислившими имена личностей, должных, по их мнению, быть читателю наиболее известными.

Вообще, появление в 1816 – начале 1820-х гг. у Соколова сразу двух портретов гитаристов, на мой взгляд, не было случайностью, и может иметь объяснением не только обычную «работу на заказ», но и имевшийся (по крайней мере, в тот период) у художника личный интерес к гитаре и симпатию к лучшим тогдашним «виртуозам» этого инструмента, которые поэтому могли быть для него не просто рядовыми моделями для портретов, но, возможно, еще и приятными знакомыми, которых он высоко ценил и почитал как музыкантов. Конечно, правы будут и те, кто скажет, что художник создал за свою жизнь сотни портретов самых разных людей, большая часть из которых были не более чем его клиентами, но в случае с Сихрой и Аксеновым речь идет еще о том времени, когда не только (а может быть и не столько) потенциальные заказчики искали встречи с художником, но и он сам искал достойных героев своих портретов.

В вопросе о том, почему же так по-разному сложились судьбы портретов Сихры и Аксенова — первый сразу получил широкую известность, а второй был совершенно забыт — ответ, по-моему, очевиден: портрет Сихры уже в 1817 году был напечатан при издании его «Экзерциций»²⁸, а вот публикация портрета Аксенова, который, не исключаю, тоже предполагалось поместить либо при сборнике его новых сочинений, либо при переиздании «Школы», по какой-то причине не состоялась, и портрет оказался тогда невостребованным, а вот что помешало напечатать его позже — остается загадкой. Интересно было бы проследить всю историю портрета с момента его написания и до того времени, как он оказался в Румянцевском музее, из коллекции которого позже и попал в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (подробнее об этом см. ниже в дополнении). Но пока, к сожалению, мы не располагаем точными сведениями о том, кто владел портретом сразу после Аксенова, и кем, когда, при каких обстоятельствах, и у кого он был приобретен в музей.

* * *

В 1848 году по приглашению графини Н. А. Орловой-Денисовой (урожд. Шидловской) художник гостил в ее имении Мерчик, близ Харькова, где заразился свирепствовавшей тогда холерой, и 3-го августа умер в расцвете сил и таланта. Был похоронен там же на небольшом фамильном кладбище Шидловских.

Могила П. Ф. Соколова не сохранилась. Уже спустя чуть более полувека после его смерти, историк Г. Л. Лукомский, «описывая еще цветущее имение, замечает, что «памятники на специальном фамильном кладбище разрушились»²⁹, и никак не вспоминает, что здесь же была могила П. Ф. Соколова. О ней уже тогда забыли. И теперь никто в Мерчике не знает, что здесь нашел свое последнее пристанище известнейший русский художник»³⁰.

В советское время в бывшем имении в Старом Мерчике располагался зооветеринарный техникум, а с 1997 года особняк пустует и продолжает разрушаться...

²⁸ Кстати говоря, «Практические правила играть на гитаре, состоящие в четырех экзерцициях» А. О. Сихры были изданы благодаря Аксенову, взявшему на себя все труды и расходы по их печатанию и распространению, и ему посвящены.

²⁹ Лукомский Г. Л. Старинные усадьбы Харьковской губернии. Часть 1. СПб., Издание графа Н. В. Клейнмихеля, 1917. С. 67–70.

³⁰ Чижова И. Б. Образ милый, незабвенный. М.: Эксмо; СПб.: Мидград, 2005. С. 360.

ДОПОЛНЕНИЕ

Существует и еще один источник, помимо упомянутых нами в основном тексте статьи, содержащий описание рассмотренного выше портрета С. Н. Аксенова. Это «Словарь русских литографированных портретов» В. Я. Адарюкова и Н. А. Оболянинова, изданный в 1916 году в Москве. Он не был назван нами ранее по двум причинам: во-первых, в нем не содержится информации об авторе портрета, а во-вторых, на наш взгляд, дается еще и не вполне точное описание самого портрета, хотя и не оставляющее никаких сомнений в том, что речь идет именно о нем. Тем не менее, видимо, именно эта работа и должна считаться первым печатным источником, в котором зафиксировано существование отдельного портрета Семена Николаевича Аксенова, выполненного П. Ф. Соколовым. Впрочем, однозначно утверждать первенство этого источника я не могу, поскольку коллекции Румянцевского музея,¹⁾ называемого авторами словаря местом нахождения портрета, посвящено множество самых разнообразных публикаций, включая каталоги, описания, путеводители и проч., где этот портрет, не исключая, мог бы фигурировать и раньше, однако поиски и «копания» в такой обширной литературе поглотили бы слишком много моего времени и при этом никак не гарантировали бы получения результата, хоть сколько-нибудь существенно дополняющего то, что нам и без того уже стало известно. Напомню, что именно на основе библиотеки Румянцевского музея в 1924 году была образована Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), а так как музей в свое время возник из частной коллекции, собранной государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым (1754–1826), то можно предположить, что и литографированный Соколовым портрет Аксенова (как и портрет Сихры), изначально также был частью его собрания. Далее, поскольку часть бывшей коллекции Румянцевского музея в 1930-е годы, как известно, была передана Государственному музею изобразительных искусств (с 1937 г. — имени А. С. Пушкина), то именно таким образом портрет Аксенова и мог оказаться в его фондах, где в настоящее время и находится (тогда как портрет Сихры остался в собрании Ленинской библиотеки).

Итак, в «Словаре русских литографированных портретов» В. Я. Адарюкова и Н. А. Оболянинова о портрете С. Н. Аксенова сказано (приводится как в оригинале):

Аксеновъ, Семень Николаевичъ, учитель пѣнія и игры на гитарѣ, написалъ «Школу игры на гитарѣ. СПб. 1819 г.»

Въ кругѣ; $\frac{3}{4}$ вправо; по грудь; въ накинутаго шинели съ капюшономъ; въ рукахъ держитъ письмо; I. P.; 8*. Румянцевскій Музей. (1820-хъ гг.)²⁾

Словарь В. Я. Адарюкова и Н. А. Оболянинова был составлен «по образу и подобию» более раннего «Подробного словаря русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского³⁾ и портреты в нем также расположены в алфавитном порядке лиц. Однако, в собственно словарь Ровинского (т. е. в первые три тома, 4-й том составляют приложения к нему) ни портрет Аксенова, ни портрет Сихры работы П. Ф. Соколова не входят. При этом в «Общий алфавит портретов, упоминаемых в Словаре, приложениях и в восьми главах заключения» они включены, хотя и без указания страниц: «Аксеновъ. — Лит.»⁴⁾ и «Сихра, Андрей Осиповичъ; гитаристъ. — Лит.»⁵⁾. Казалось бы, это должно означать, что где-то автор их все-таки упоминает, однако к заглавию «Общего алфавита...» сделано довольно странное примечание: «В этом Словаре: 1, под словом *Лит.*, поименованы находящиеся в моем собрании литографированные портреты; [...] и 3, поименованы некоторые гравированные портреты, приобретенные мною после напечатания Словаря и Примечаний» (курсив мой. — В. Т.). Получается, что портреты «находящиеся в моем собрании» и «приобретенные мною после», имеются у автора, но по факту в Словаре им никак не представлены. Если это так, то тогда «Общий алфавит портретов...» на самом деле шире «упоминаемых в Словаре, приложениях и в восьми главах заключения», и наличие в этом указателе того или иного имени вовсе не означает, что он реально имеется в Словаре...

Вообще Д. А. Ровинский с одной стороны признавал, что (1) «значения оригинальных рисунков имеют и литографии, рисованные самими живописцами; многие из них перечислены в Словаре, наряду с гравюрами»⁶⁾ и (2) «картины и портреты, выполненные посредством литографии хорошими рисовальщиками и в больших размерах, нисколько не уступали гравированным»⁷⁾, но все же не скрывал своего к ней скептического отношения, полагая что «литография не может дать ни тонкой и верной черты, ни чистоты рисунка, ни того изящества и разнообразия в работе, которые представляет художественная гравюра, особенно же в вещах небольшого размера»⁸⁾, и даже относил литографию к числу вредных и «опасных соперников» портретному искусству и преимущественно гравюре»⁹⁾, а потому литографированные портреты занимают у него все же весьма незначительное место.

Адарюков и Оболянинов свое издание не окончили и вышедший первый том оказался единственным, поэтому мы не знаем располагали ли они или нет информацией о портрете Сихры, но больше склоняемся к тому, что она у них была.

¹⁾ Румянцевский музей был учрежден в 1828 г. и открыт в 1831 г. в Санкт-Петербурге, а в 1861 г. переведен в Москву.

²⁾ Адарюков В. Я., Оболянинов Н. А. Словарь русских литографированных портретов / сост. при уч. и под ред. С. П. Виноградова. Т.1: А-Д. С 160 фототипическими снимками. - М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. - С. 6.

³⁾ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. В 4-х тт. СПб.: Тип. Имп. АН, 1886-1889.

⁴⁾ Ровинский Д. А. Указ. соч. Т. IV. Приложения, заключение и алфавитные указатели. СПб., 1889. Стб. 774.

⁵⁾ Там же. Стб. 855.

⁶⁾ Там же. Стб. 431.

⁷⁾ Там же. Стб. 433.

⁸⁾ Там же. Стб. 434.

⁹⁾ Там же. Стб. 432.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Несколько интересных и очень важных для нас свидетельств о Семёне Николаевиче Аксёнове и его семье содержится в небольшой книжке *«Два замечательных события художественной жизни Анны Павловны Ильиной. В двух письмах, посвященных другу моему, многочтимой тетушке, рязанской помещице Анне Афанасьевне Тютчевой, 9 декабря 1877 года»* (Москва: тип. Э. Лиснер и Ю. Роман, 1878), автором которой была добрая знакомая жены С. Н. Аксенова Варвары Алексеевны и его самого. Описываемые в этом сочинении события относятся ко второй половине февраля 1845 года, то есть к тому времени, когда, как принято считать со слов Михаила Стаховича, С. Н. Аксенов уже окончательно забросил гитару, оставил Петербург и уединился в деревне. Личные воспоминания А. П. Ильиной опровергают эти утверждения, как недостоверные. Кроме того, мы находим здесь упоминание о нескольких ранее неизвестных фактах биографии гитариста, касающихся его выступлений перед членами царской семьи и за границей, а также весьма интересные замечания о его характере, веселости нрава и чувстве юмора. Не берусь утверждать, что все сказанное автором, может без доли сомнения быть принято за истину, но и оснований сомневаться в правдивости приведенных ею сведений ничуть не больше, чем и в отношении любого другого мемуарного источника, где, конечно же, всегда возможны какие-то неточности и субъективные ошибки.

Анна Павловна ИЛЬИНА — самодеятельная художница и вышивальщица, мастерица мозаично-атласного вышиванья и «изобретенной» ею в 1843 году мозаично-атласной живописи (предметы, сочетавшие роспись красками и шелковую художественную вышивку по атласу). Дебютными ее работами в этом роде были «четыре предмета», которые она «окончила и совсем отделала, живя временно по делу в Петербурге, уже в феврале 1845 года» (Указ соч., Письмо первое, стр. 5).

Эти её «четыре предмета новоизобретенной живописи» составляли:

1. *Porte geant* — подушечка для перчаток;
2. *Corbeille de Voyage* — корзинка для путешествий, атласная;
3. Картина для пюпитра;
4. Подушка для дивана.

Аксёновы были первыми (не считая домашней прислуги), кого мастерица пригласила увидеть и оценить созданные ею шедевры рукодельного искусства.

Об атласных или, иначе, шелковых мозаиках Ильиной писала газета «Московские Ведомости» в 1871 (№ 251, 17 сент., с. 3) и 1872 (№ 131, 139) гг. Так, в частности, в одной из публикаций о ней и выполненном ею акварельно-атласной мозаичной живописью портрете в натуральный человеческий рост Святейшего Патриарха Никона, говорилось:

«Недавно 2-жа Ильина после пятилетнего усидчивого труда окончила свое последнее произведение: Портрет патриарха Никона. Мы имели случай видеть эту чудесную работу и считаем небезынтересным поделиться своими впечатлениями».

«Мы вышли проникнутые удивлением к художественному изображению. Непостижимо, как исполнить во весь человеческий рост колоссальный портрет из мелких кусочков атласной мозаики, по всем правилам акварельной живописи, где каждый цветочек, камешек, жемчужина, каждое звено цепи вырезаны особо и соединены нашиванием так искусно, что трудно заметить место их соединения. Представляется же все это до того рельефно, что видишь панагию, наперсный крест и цепи — как бы в действительности надетыми на патриарха; прислоненный к превосходному синему саккосу посох, как бы отделяющимся от одежды, оставляя притом за собою тень. Руки — одна держащая посох, другая благославляющая, с анатомической точки зрения естественны до невозможности и представляют верх искусства. Лицо патриарха выразительное, постное; волосы и борода исполнены, по-видимому, с необыкновенным терпением и искусством. Глаза его живо "смотрят на вас, преследуют", и "вся фигура (как выразился один художник) как бы нисходит со ступеней амвона"»

«...Словом, все вместе взятое — небывалый, невиданный и поразительный труд. Особенно поражает каждого сознание, что все это исполнено в пальцах, иглой и кистью, притом из мелких кусочков атласа, обладающего, как известно, способностью осыпаться»....

Из «Двух замечательных событий художественной жизни Анны Павловны Ильиной»

Письмо 1^е

10 ...В Петербурге же выше всех знакомых моих, я понимала Варвару Алексеевну Аксёнову, и если от других скрывала я как заветный клад исполненные вещи, не желая еще *никому сообщать о новом моем изобретении*, то скрыть и не показать их ей, мне будет совестно!... сильно увлекаясь своими занятиями — особенно последний месяц, когда приходило все к концу, — я и без того невольно, а как бы холодна была к её незабвенным для меня ласкам, вниманью, часто отказывалась от её радушных приглашений.....

11 а эта личность, глубоко мною уважаемая, прекрасно образована, с теплым сердцем, светлым взглядом на все изящное, с любовью к искусствам, очень поймет, оценит все, исполненное мною и от души полюбуется; а так думая, я *решила*, что, когда совершенно все отделаю, — в ожидании приезда моего доброго Константина. — этим временем, приглашу Варвару Алексеевну с её хорошенькими дочерьми, выну для них из *ящика** оконченные свои предметы и покажу им *новое моё изобретение*. Если пожелает муж её, Семён Николаевич, то пусть и он придет.

Еще прошло дней пять, шесть, когда я совершенно все начисто пришила, укрепила блонду, весь рюш, все бантики, великолепные цветы из лент по углам, бархатную раму около картины для пюпитра, все закончила!..... было 8-мь часов вечера, февраля 15. Тогда, никого не требуя, сама придвинула большой стол к стене, разложила на него все вещи, поставя их перпендикулярно к стене и, чтобы видеть весь эффект их, осветила всю комнату, отошла поодаль; скрестив руки, смотрела и чувствовала, что сердце сильно билось от удовольствия; радостная дрожь пробежала по всему существу моему: я была очень счастлива в те минуты. счастлива так, как никогда себя не чувствовала!.... Любовь к Богу, благодарность к Нему, Отцу Небесному, за такое безмятежное, великое счастье, — наполняли всю мою душу!....

12 Когда я сочиняла, компоновала, вышивала, рисовала, трудилась над этими предметами без усталости; когда их отделявала, украшала, то запиралась в своей комнате, не показывая никому; а в эти минуты, видя *блестательность, красоту вещей необыкновенную*, — вдруг захотелось мне *показать кому-нибудь!* получить, так сказать, соучастие. посмотреть на впечатление..... а я была одна!.... Что ж! мелькнуло тут на уме, Ж. Ж. Руссо ведь читал сочинения свои кухарке Терезе,

— позову и я свою!... Надобно сказать тебе, друг мой тетушка, что женщина, которая была со мною в Петербурге и мальчик-юноша, взятый из деревни лет пять тому назад, оба субъекты были своего рода замечательные. Женщина Федора лет 40, от природы очень умная, строгой нравственности, богобоязливая и трудолюбивая; живя в селе своем, она слыла первою рукодельницею; вышивала свои деревенские украшения шелками, бисером и золотом, а поступая к нам в услужение, так себя держала, что вся прочая прислуга опасалась её, не смея перед ней солгать, или сделать что-либо дурное; она была хорошая и очень чистоплотная кухарка; готовила мне кушать и тут же временно служила мне и за горничную: я ими была очень довольна. Слуга-мальчик, лет 18-ти, выучился грамоте, пристрастился к чтению духовных книг и получил редкий талант в рисованьи; безленостно сидел всегда с карандашом в руке и чертил все, на что ни взглянет. Часто по утрам, исполнив свои обязанности: истопит печи, принесет воды, дров кухарке, подаст самовар и, несмело отворяя дверь из передней в залу, проговорит: «сударыня! позвольте мне пойти на Марсово поле? там ныне Государь приказал готовить смотр». — Пойди! — или, «сударыня! позвольте посмотреть, на Исакиевской площади ныне развод с музыкой?» — можешь идти, — и что ж! возвратясь, садится к окну в передней, чертит карандашом и через полчаса, опять тихо отворяя мою дверь, говорит: «позвольте показать вам, как я нарисовал Великих князей!.... а вот, на коне, Государь..... и черты профилей, до удивления были верны! физиономист был отличный! очень любил быть в церкви: (а как те лета энтузиазма, то впоследствии приселился у нас идти в монахи).

Быстро пролетели три месяца жизни моей в Петербурге; где я, увлекаясь до нельзя окончанием своих украшений, трудилась до дурноты в голове и физического изнеможения: но, и прислуга моя не дремала! женщина, берегла мое спокойствие и с предупредительным усердием исполняла все домашние необходимости.

13 Позову их! подумала я, — они, стоят того, чтобы показать им мои сокровища — и кликнула их обоих: да как смахнула кирию, — покрывающую на столе *все четыре предмета*, — то впечатление, сделанное на них: восторг, слезы, молитвы, возгласы, описать невозможно! Женщина, сплеснув руками, подбежала ближе к столу, приговаривая: «Господи! какие чудеса-то матушка наша наделала! да это не человеческими руками!...» — рассматривая, все более и более приходила в экстаз: — я, стояла среди комнаты и наблюдала их: — потом, заплакав, бросилась ко мне в ноги, пойма-

*) Что представляло мне много хлопот и агитации; ибо все было открыто, накоплено на тесьмах.... беспристрастно сознавая сама, что все вещи были *необыкновенно хороши*, я берегла их, как драгоценность.

ла их, начала целовать, говоря всхлипывая: «матушка ты наша! родная! труженица праведная! Сам Господь внушил тебе такие чудеса наделять! Ангел Хранитель помогал тебе! во всем свете-то нет таких картин! дай мне перецеловать все твои пальчики! Мать ты наша! нас ты укладывала спать, а сама сидела ночи! да вставала опять до света! я ведь всегда в шелку видала! ох, ты святая наша!» — Федора! глупенькая, ведь ты меня повалишь: пусти мои ноги! — «нет Ангел наш, барыня! не пушу, матушка, пока не перецелую все твои пальчики на ногах и руках! в них видно святая сила!»

14 тетов: а слезы крупным жемчугом так и катились по лицу её и действительно, не выпустила меня из рук своих, пока все пальцы не перецеловала.... а мальчик с первого взгляда на вещи, поодаль упал на колена и всё крестился и всё молился.... — Я уже не рада была, что позвала их, так они меня растрогали, — едва, едва высвободилась от плачущей женщины.... Тогда он, подполз ко мне на коленах, говоря растроганным голосом: «сударыня! я не смею просить у вас каждого пальчика, но, хоть всю-то правую ручку позвольте поцеловать, в сильную, большую благодарность, что удостоили нас посмотреть ваши драгоценные труды.... они прямо на небеса просятся!...» Видно было, что лучше ничего он не мог выразить.... а женщина так расплакалась, что унять себя не могла и все потом приговаривала: «Господи! как барин-то приедет! как рад он будет! барин-то, барин! что с ним будет, как увидит он все это!...» — Приказав им выйти, я заперла свою дверь и, убирая свои сокровища, невольно мыслила: — «какое несовершенство в людях! какая, так сказать, невежественная неблагодарность встречается в лицах даже просвещенных!.. они так привыкают к творению всего мира, ко всем прелестям природы, где в каждой былинке усматривается премудрость Божия, где каждое деревцо, водопад чистейшей стихии — воды, — показывают чудеса Творца миров! от всего, на что ни взглянет человек, особенно на самого себя, должен упасть в прах в благоговении, в благодарности к Отцу Небесному!!!.. а люди смотрят на мир Божий так апатично, равнодушно, как будто бы это все так и должно было быть!... Когда же, так сказать, свой брат, человек, сделает что-либо особенно хорошее, то это делает на них большое впечатление, трогает до глубины души, что выражают они восклицаниями, слезами.... удивление, экстаз их к изящному, конечно, рекомендует, хотя малейшую, но *Божественную искру*, проявляющуюся при необыкновенных случаях в нас, смертных.... Грустно однако, что эта *Божественная искра*, находится в нас подавленной непостижимыми слоями земляности!...» — Как бы то ни было, но прислуга моя, эти деревенские люди, дети сельского невежества, показали мне, что и в них таится непонятная для нас *сила души* — и сердечное влечение к прекрасному. Не скоро могла я придти в нормальное состояние от их радости, их экстаза и, удивительно! с тех пор они стали ко мне еще вежливее, еще усерднее.

Настала масляница; вечером я получила приветную записку от Варвары Алексеевны, которая просила

ДВА ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ СОБЫТІЯ

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

АННЫ ПАВЛОВНЫ ИЛЬИНОЙ.

ВЪ ДВУХЪ ПИСЬМАХЪ

Посвященныхъ другу моему, многотимой Тетушкѣ, Рязанской помѣщицѣ

АННѢ АФОНАСІЕВНѢ ТЮТЧЕВОЙ.

9-го декабря, 1877 года.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, на Арбатѣ, въ домѣ Карлицкой.
1878.

к себе на завтра кушать блины, говоря, что соскучилась, давно не видавшись со мною. Приятен мне был этот отзвук симпатии, ибо я и сама располагала ехать к ним. Целый день провела приятно среди общества интересных их знакомых. Ласки и патриархальное угощение были присущи Варваре Алексеевне Аксёновой, а он, анимируя всех своею веселонравностию, восхитил потом игрой своей на гитаре... Скажу тебе, друг мой тетушка, что Семён Николаевич Аксёнов, был не только наш русский гитарист, но и гитарист-артист европейский; игра его на гитаре была увлекательно-задушевная!... Глубоко зная музыку, он много сочинял романсов и арий; посвящал свои музыкальные сочинения Императрице Марии Федоровне¹⁾; играл несколько раз во Дворце, восхищал и удивлял всех своими певучими флелолетами и за границей; в Париже принят был и оценен с восторгом. Высокий музыкальный талант его украшался светлым умом и исключительною любезностию; он был душой общества; остроумия своими и каламбурами, по целым вечерам смешил всех до нельзя! — Хотя он и говорил нам, что лучшее время его *уже прошло!* что давно несколько ступеней сошел он вниз, к жизненному западу, и что *Гитара* 16 *его*, часто по несколько недель, не ласкается уже рука-

¹⁾ Мария Фёдоровна (1759-1828), супруга императора Павла I, мать Александра I и Николая I. Сочинений С. Н. Аксёнова, посвященных императрице нам разыскать не удалось. — *Ред. ИГ&Л.*

ми его; но все мы имели приятнейшие минуты от задушевных, идиллических его фантазий....

При прощании, услышав условие наше с Варварой Алексеевной, чтобы она приехала ко мне с барышнями после завтра, Семён Николаевич сказал: «а мне, позвольте к вам приехать?» — Если вам угодно, вы тем доставите мне совершенное удовольствие. — «Как же не угодно! я у вас раза три был, мне всё говорили, что вы поехали прокатываться, или пошли прогуляться». — А вот, вы пожалуете и увидите, как много я прогуливалась.....

В четверг после 12-ти часов, я ожидала Аксёновых, а чтобы мне не хлопотать, не трудиться при них, откалываньем вещей моих, то я их бережно вынула заранее и установила все на особенном столе; укрыв бумагой и кисией. Варвара Алексеевна приехала с милыми своими дочерьми; вскоре потом вошел и Семён Николаевич. После завтрака и шоколада, подойдя к столу, я сказала им: — «*это еще секрет для всех, но с вами я хочу разделить мое удовольствие*». Сняла кисию и снимая бумаги, слышу слова Варвары Алексеевны: «Боже мой! какой сюрприз для нас!... какие прелести!» — Все они, тихо подошли к столу.... удивление,

выразившееся на лицах их, сопровождалось минутным молчанием. — «*Чудеса искусства и вкуса!*» — сильно и выразительно сказал Семён Николаевич. — «Это вы приготовили все Императрице?» — сказали они в один голос. — Каким путем и как? — отвечала я, — мы никого не знаем, да и вы слишком снисходительны к трудам моим, это не так совершенно.... — «А вы, слишком скромны, Анна Павловна, это предметы в полном смысле Царские! уверяю вас, что я, ни за границей, ни где подобного ничего не видал! Да кому же вы это приготовили??..» — Никому! в сюрприз доброму мужу.... вот он приедет, мы и будем вместе любоваться. — «Э! помилуйте! это — непременно Императрице!»¹⁾ — «Восхитительно все хорошо! бесподобно!...» повторяла Варвара Алексеевна и чем более они рассматривали, тем более и сильнее восхищались. — «Нет, позвольте, мы начнем последовательно и с точностью рассматривать ваше богатство».... сказал

¹⁾ Позднее в том же году эти вещи действительно были преподнесены Государыне Императрице Александре Фёдоровне, которая с благодарностью их приняла и отправила искусной художнице ответный подарок — бриллиантовый фермуар с драгоценным камнем. — *Ред. ИГвЛ.*

— 15 —

Божественную искру, проявляющуюся при необыкновенных случаях в нас, смертных.... Грустно однако, что эта Божественная искра, находится в нас подавленною непостижимыми слоями земляности!...» — Как бы то ни было, но прислуга моя, эти деревенские люди, дѣти сельского невѣжества, показали мнѣ, что и в них таится непонятная для нас *сила души* — и сердечное влечение къ прекрасному. Не скоро могла я придти въ нормальное состояніе от их радости, их экстаза и, удивительно! съ тѣхъ поръ онѣ стали ко мнѣ еще вѣжливѣе, еще усерднѣе.

Настала масляница; вечеромъ я получила привѣтную записку отъ Варвары Алексѣевны, которая просила къ себѣ на завтра кушать блины, говоря, что соскучилась, давно не видавшись со мною. Приятель мнѣ былъ этотъ отзвукъ симпатіи, ибо я и сама располагала ѣхать къ нимъ. Цѣлый день провела приятно среди общества интересныхъ ихъ знакомыхъ. Ласки и патріархальное угощеніе были присущи Варварѣ Алексѣевнѣ Аксеновой, а отъ, анимируя всѣхъ своею веселоравностію, восхитилъ потомъ игрой своей на гитарѣ... Скажу тебѣ, другъ мой Тетушка, что Семень Николаевичъ Аксеновъ, былъ не только нашъ русскій гитаристъ, но и гитаристъ-артистъ европейскій; игра его на гитарѣ была увлекательно-задушевная!... Глубокѣ зная музыку, онъ много сочинялъ романсовъ и арій; посвящалъ свои музыкальныя сочиненія Императрицѣ Маріи Фёдоровнѣ; игралъ нѣсколько разъ во Дворцѣ, восхищалъ и удивлялъ всѣхъ своими пѣвучими флежалетами и за границей; въ Парижѣ принятъ былъ и оцѣненъ съ восторгомъ. Высокій музыкальный талантъ его украшался свѣтлымъ умомъ и исключительною любезностію; онъ былъ душой общества; острогами своими и каламбурами, по цѣлымъ вечерамъ смѣшили всѣхъ до нельзя! — Хотя онъ и говорилъ намъ, что лучшее время его *уже прошло!* что давно нѣсколько ступеней сошелъ онъ внизъ,

— 16 —

къ жизненному западу, и что *Гитара его*, часто по нѣскольку недѣль, не ласкается уже руками его; но все мы имѣли пріятнѣйшія минуты отъ задушевныхъ, идиллическихъ его фантазій....

При прощаньи, услышавъ условіе наше съ Варварой Алексѣевной, чтобы она пріѣхала ко мнѣ съ барышнями послѣ завтра, Семень Николаевичъ сказалъ: «а мнѣ, позвольте къ вамъ пріѣхать?» — Если вамъ угодно, вы тѣмъ доставите мнѣ совершенное удовольствие. — «Какъ же не угодно! я у васъ раза три былъ, мнѣ всё говорили, что вы поѣхали прокатываться, или пошли прогуляться». А вотъ,—вы пожалуете и увидите, какъ много я прогуливалась.....

Въ четвергъ послѣ 12-ти часовъ, я ожидала Аксеновыхъ, а чтобы мнѣ не хлопотать, не трудится при нихъ, откалываньемъ вещей моихъ, то я ихъ бережно вынула заранее и установила все на особенномъ столѣ; укрывъ бумагой и кисией. Варвара Алексѣевна пріѣхала съ милыми своими дочерьми; вскорѣ потомъ вошелъ и Семень Николаевичъ. Послѣ завтрака и шеколада, подойдя къ столу, я сказала имъ: — «*это еще секретъ для всѣхъ, но съ вами я хочу разделить мое удовольствие*». Сняла кисию и снимая бумаги, слышу слова Варвары Алексѣевны: «Боже мой! какой сюрпризъ для насъ!... какія прелести!» — Всѣ онѣ, — тихо подошли къ столу.... удивленіе, выразившееся на лицахъ ихъ, сопровождалось минутнымъ молчаніемъ. — «*Чудеса искусства и вкуса!*» — сильно и выразительно сказалъ Семень Николаевичъ. — «Это вы приготовили все Императрице?» — сказали онѣ в одинъ голосъ. — Какимъ путемъ и какъ? — отвѣчала я, — мы ни кого не знаемъ, да и вы слишкомъ снисходительны къ трудамъ моимъ, это не такъ совершенно.... — «А вы, слишкомъ скромны, Анна Павловна, это предметы въ полномъ смыслѣ Царскіе! увѣряю васъ, что я, ни за границей, ни гдѣ подобнаго ничего не видал! Да кому же вы это приготовили??..» — Никому! въ сюрпризъ

Семён Николаевич.... Я предложила меньший предмет — *Porte geant*; потом, *Corbeille de Voyage*. — Разбирая все малейшие подробности с знанием и собственным достоинством, они еще в большой приходили восторг... и роза, и жемчуг, и незабудки, и вышитые цветы в корзине, ландшафты пунктом и сетка, всё их восхищало! картина же и подушка, приводили в совершенный экстаз!... «А красотки-то ваши какие!... выражение каждого лица как вы превосходно нарисовали!... — говорил он — ручки, — прелесть! повязки, фартучки, сарафаны.... так и видится, что при грациозной пляске женщин, они развеваются от движения их в воздухе; а тут-то.... этот букет в радужном освещении! каждый цветок исполнен художественно!... а гнездышко!... верно вы, Анна Павловна, вставили сюда натуральное??... удивительно! удивительно!...» А бесподобная Варвара Алексеевна, часто, после энергичных похвал, удивления, смолкала, задумчиво взглядывала на дочерей своих.... иногда, слёзка скатывалась по интересному лицу её.... потом, опять, она приходила в экстаз, была в удовольствии.... Юные, милые дочери ее, отлично выдержанные, с прекрасными задатками всего наилучшего, всё молчали, впиваясь глазами в каждый предмет, видимо были удивлены, поражены*)....

18 «Так вот отчего вы запирались ото всех! не пуска-

*) И вот, друг мой тетушка, приятный факт, — редкого последствия от впечатления искусств на юные души милых дочерей Аксёновых, о чем, рассказала мне сама Варвара Алексеевна: ту зиму, они уже окончили науки, и сердечно-нежная мать начала вывозить их в свет; наготовила обнов всякого рода: девицы, испытав приятность спектаклей, танцевальных вечеров и проч. уже освоились с заманчивостью многих светских развлечений. В пятницу на маслянице они были званы на бал, где ожидало их большое удовольствие; прекрасный туалет был готов для обеих и очень занимал барышень еще в утро четверга, когда они собирались ехать ко мне; но когда возвратились домой от меня, то Варвара Алексеевна заметила в них какое-то уныние, наконец, нерасположение веселиться; тот вечер они не поехали никуда; в пятницу решительно отказались от бала, объяснив матери совершенное нерасположение танцевать, — наряды остались не обновленными; в субботу отказались от дневного спектакля и те оба дня, все ходили по залу и как бы о чём совещались, а в воскресенье вечером, — в доме Аксёновых следовали патриархальному обычаю предков и читли *Прощёный день*, — отходя ко сну, все друг с другом *прощались* и барышни, пришедши к матери *прощаться*, упали перед ней на колени и со слезами просили её: — «милая маменька! отдайте нас М-ме От¹⁾; мы еще желаем поучиться и хотим рисовать так, как Анна Павловна!» — Родители, тронутые такой редкой рассудительностью дочерей своих, — желание усовершенствовать себя — дали им слово, и девицы повеселели, успокоились. В понедельник их отвезли в пансион М-ме От; а во вторник вечером, нарочно приехала ко мне Варвара Алексеевна, радостно рассказала этот неожиданный случай и со слезами, сердечно благодарила меня за такой высокий пример изящного искусства, вдохновенно действовавший на дочерей её, отчего она имела отрадные, незабываемые минуты сердечной приятности!... Благодарила она меня так, как только может благодарить нежно-любящая и благородно-признательная мать!

¹⁾ Женский пансион госпожи Отт (открыт в 1829 г.), находился на Невском проспекте, над «Милутиными лавками», гастрономическими магазинами, занимавшими часть территории, на которой расположен Гостинный двор в Петербурге (ныне – Невский пр., 27, 29, 31). Относился к «наилучшим» и «отличным» заведениям первого разряда. Обучалось около 70 девиц, преимущественно из дворянского происхождения. – Ред. ИГвЛ.

ли нас к себе??? да и стоит того, чтобы несколькими замками оградить себя от доуки людской!... одну вот такую головку исполнить, как они исполнены у вас, должно было трудиться среди невозмутимой тишины в комнате, чтобы и дверь не скрипнула!...» — продолжал Семён Николаевич, — «а тут вы, Анна Павловна, своим вкусом и неподражаемым искусством, собрали сюда все прелести природы!... и еще — акварель!... нежнейшая, тончайшая акварель!» —

Мне очень приятно, Семён Николаевич, что вы сами, зная рисование, с таким верным взглядом, всё это обсуждаете и теперь, я *исповедаю вам*, что выходила я на прогулку, — чтобы подышать необходимым чистым воздухом — тогда, когда еще почти весь Петербург спал: изредка встречались мне благочестивые пожилые лица, поспешая в церковь на призывный звук колокола, да иногда около зимнего дворца встречала я неусыпно-заботливого нашего Государя Императора Николая Павловича; — Он, как бдительный домовладыка, выходил из своего Дворцового подъезда аккуратно в 6 часов утра. Пройдясь несколько по Дворцовой набережной, я спешила опять идти мимо певческой капеллы в дом княгини Волконской, где вот, как видите, я запиралась в этой моей комнате (только выпив порцию моего утреннего кофе), и трудилась без усталости целые дни и вечера.

«Да помилуйте! чтобы создать такие предметы, устроить, отделать их так, иначе и невозможно, как запирается!... А хорош я молодец! — взглянув на свои часы, продолжал Семён Николаевич; — дал слово директору С. приехать к нему на блины в 1 час, а сенатору Г...ну в три, — который повторял мне: «смотри же наш милый артист-гитарист, непременно приезжай, наши дамы желают тебя слушать; я жду тебя!...» — Я, отослав к нему свою гитару, а сам, *застрял здесь!* но, право, мне и в мысль не приходило, чтобы Анна Павловна обвела глаза наши каким-то небывалым волшебством; я не виноват! не могу глаз отвести!... уже 5-й час! какие теперь блины! — придвинул ближе к столу свое кресло, махнул рукой, говоря: я скажу, как говорят французы: *C'est plus fort que moi!*...^{*)} позвольте мне еще смотреть и любоваться». И опять рассматривали, восхищались.... приехав в 12 часов с четвертью, пробыли, включительно, до 6 с половиной вечера.... — «Семён Николаевич! поедим! сказала Варвара Алексеевна, — мы измучили Анну Павловну; ей надо дать покой! — Да, ехать домой надобно, а приехав, зажмурим глаза, и будем еще жить вашею эстетическою жизнью.... наслаждаться вашим творчеством! Благодарим, несказанно благодарим вас, наша высокая художница!» —

Такое теплое сочувствие двух просвещенных супругов, как Аксёновы, их восхищенье, удовольствие; потом, сердечная благодарность, что показала им, мои сокровища; — доставили мне: задушевную, духовную, небывалую ещё отраду и приятность.

*) Это сильнее меня.

ВСЕВОЛОЖСКИЙ

АКСЁНОВ

В ближний круг друзей и знакомых С. Н. Аксёнова входил Всеволод Андреевич Всеволожский (1769–1836). Действительный камергер, он был одним из замечательнейших деятелей России первой половины XIX века, прославившимся своими делами и в отечественной промышленности, и в служении и покровительстве искусствам. Этот «истинно русский барин и патриот»¹, как написала о нем тогдашняя пресса, являлся, несомненно, одной из колоритнейших фигурой своего времени. Принадлежа, как считалось, к числу богатейших людей не только России, но и Европы, он получил от современников прозвание «петербургский Крёз» — как обладатель богатств столь же несметных, как и те, какими владел в античности лидийский царь Крёз (VI в. до н. э.). Происходил он из старинного боярского рода, берущего, по преданию, свое начало от потомков легендарного Рюрика, и был младшим сыном пензенского воеводы Андрея Алексеевича Всеволожского, принявшего геройскую смерть, отказавшись в 1773 году при взятии Пензы сдать Пугачеву: бунтовщики сожгли тогда его в собственном доме, где он «до последней минуты кричал из окна народу, что Пугачев изменник и разбойник, увещевая народ оставаться верным Великой Государыне Екатерине II»².

Благодаря женитьбе на дочери бывшего астраханского губернатора Никиты Бекетова, принесшей ему около 4 млн. десятин рыбных промыслов в Астраханской губернии на Каспийском море с устьями рек Волги и Терека, до 16 тыс. крестьян и мастеровых и 100 тыс. рублей деньгами и драгоценностями, а также огромному наследству, доставшемуся ему после смерти бездетного дяди сенатора Всеволода Алексеевича Всеволожского (1738–1797), включавшему земли, по-

местья, заводы и промыслы в девяти уездах еще пяти губерний (Пермской, Смоленской, Владимирской, Нижегородской и Петербургской), Всеволод Андреевич соединил два состояния и стал одним из крупнейших землевладельцев и заводчиков России. Получаемый им доход достигал полутора миллиона рублей в год.

Обладая поистине неиссякаемой энергией, В. А. Всеволожский развернул многообразную кипучую деятельность, сумев в течение чуть более десяти лет построить четыре новых горных завода (Александровский, Всеволодо-Вильвенский, Майкорский, или Никитинский, и Марьинский), а в 1825 основал Всеволодоблагодатские золотые промыслы.

На принадлежавших ему многочисленных предприятиях он внедрял самые современные и передовые технические новинки и методы хозяйствования, в частности, выделку железа английским способом, рафинирование сахара, приёмы дренажа и искусственного орошения, стеариновое производство, газовое освещение, паровую машину для промывки песков и проч. На протяжении более полувека славился в России своими лошадьми основанный им Сивинский конный завод (1798) в Пермской губернии. А в 1815–16 гг. на Пожвинском заводе В. А. Всеволожского, в 170 км выше по течению Камы от Перми, были построены первые отечественные пароходы, на одном из которых он самолично совершил плавание в Казань. В числе многих затей он имел также превосходную собственную типографию, в которой печатались книги на разных языках.

Во время Отечественной войны 1812 года В. А. Всеволожский собрал и вооружил за свой счёт 2 000 новгородских крестьян, которых прислал под Бородино в помощь Михаилу Илларионовичу Кутузову во главе со своим старшим сыном Александром (1793–1864)³.

³ В. А. Всеволожский имел в браке еще одного сына — Никиту (1799–1862) и дочь Марию (1800–1822).

¹ Всеволод Андреевич Всеволожский: [Некролог] // Северная пчела. — 1836. — № 118, 27 мая. — С. 471.

² Всеволожский А. Н. Род Всеволожских. Симферополь, 1866. С. 13. Смерть воеводы Андрея Всеволожского описал в восьмой главе своей «Истории Пугачева» А. С. Пушкин, близко знакомый с семейством Всеволожских и хорошо знавший историю нескольких поколений их рода.

Джордж Доу. Портрет В. А. Всевожского.
Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва).
Холст, масло. 209x141.

Помимо дел государственных и хозяйственных, значительной стороной деятельности В. А. Всеволожского был театр.

Покинув во время нашествия Наполеона Москву, он с семьей на несколько лет перебрался вглубь России, и с декабря 1814 по август 1817 года почти безвыездно жил на Урале, в заводском поселке Пожва, где в то время находилось главное правление его вотчины. В этот период им был создан настоящий крепостной театр⁴, для руководства музыкальной частью которого из Москвы был приглашен известный в 20-е гг. XIX в. композитор и скрипач-виртуоз Людвиг Вольфганг Маурер, в 1806 г. приехавший в Россию из Пруссии. На сцене Пожевского театра ставились водевили, комедии и популярные в XVIII — первой четверти XIX в. французские комические оперы и в целом его репертуар в значительной степени совпадал с репертуаром профессиональных московских и петербургских театров. «В семье Всеволожского все было так или иначе связано с профессиональным театром. Пьесы переводчика и драматурга Никиты Всеволодовича [сына В. А. Всеволожского. – В. Т.] шли не только в крепостном театре его отца, но и в столичных профессиональных театрах. Л. Маурер, писавший музыку для крепостного театра, вскоре стал дирижером французского театра в Петербурге, а с 1851 г. был инспектором музыки при Императорских театрах». Оперы на его музыку исполнялись также и на профессиональной сцене.

В августе 1817 года, забрав с собой труппу уральского театра, В. А. Всеволожский поселился в Петербурге, в пригороде которого вскоре приобрел у графини Толстой имение Рябово, владельцами которого прежде являлись князь Меншиков, герцог Бирон, адмирал Мордвинов и петербургский обер-полицмейстер Эртель, и до последних своих дней проживал в столице или имении.

За четыре года, В. А. Всеволожский облагодетельствовал и расширил полезную территорию усадьбы: он высушил болота, расчистил рощи, сделал более чем на 25 верст новых дорог и создал на месте старой, новую благоустроенную усадьбу с большим парком на основе дикорастущих деревьев, дополненным высаженными дубами, липами, лиственницами, соснами, елями, берёзами, клёнами и декоративным кустарником. На восточном склоне холма был разбит фруктовый сад и выстроены оранжереи, где посреди зимы зрели персики, виноград, ананасы и земляника. В день Нового года

хозяин Рябово поздравлял императрицу Марию Феодоровну, поднося ей на золотом блюде фрукты из своих оранжерей. В поместье было налажено производство листового железа и белой жести.

На полях Всеволожский устроил ирригацию и канализацию, стал сеять свекловицу и на своем небольшом заводе фабриковал свекловичный сахар. Барский его дом состоял из 160 комнат. На праздники, устраивавшиеся в усадьбе, к Всеволожскому наезжало, со слугами, до более тысячи человек гостей. Для них всегда были устроены особые помещения, при этом было сделано все так, что привычки каждого гостя не встречали ни малейшего стеснения. На обедах подавалась янтарная уха из стерлядей, саженные осетры в серебряных кастрюльках, гурьевская каша и прочие диковинки кулинарного искусства. После обеда устраивались в театральной зале спектакли, базары в комнатах, в манежах рыцарские турниры, или, пока гости обедали, в столовую то и дело являлись различные замаскированные персонажи и т. д.⁵

Известно, что после переезда в Петербург, «крепостная труппа Всеволожского, сложившаяся на Урале, пользовалась неизменным успехом в петербургской среде любителей и знатоков театрального искусства»⁶. О стремлении петербуржцев попасть на домашние концерты Всеволожского свидетельствует письмо издателя журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньина В. А. Всеволожскому от 30 апреля 1821 г.: «Позвольте узнать, почтеннейший Всеволод Андреевич, будет ли у Вас сегодня концерт? Грех Вам, что я должен сам к Вам набиваться, и Вы не хотели ни разу доставить мне сего удовольствия, между тем как все приятели мои бывают от Вас приглашаемы»⁷.

Как ранее в Москве, так и в Петербурге В. А. Всеволожский находился в центре культурных событий. По воспоминаниям современников, он всегда был страстным театралом, а в 1805–1807 гг. его даже прочили на должность директора московских театров. По этому поводу С. П. Жихарев 13 января 1807 г. отмечал в дневниковой записи: «Я слышал, что здесь не очень довольны московским директором театра Г. Н. Приклонским и опять заговорили о назначении В. А. Всеволожского. В прошедшем году полагали, что он непременно определен будет: да и чего бы лучше? Человек богатый, гостеприимный, живет барином, на открытую ногу, страстный охотник до музыки, имеет соб-

⁵ См.: Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. — СПб., Изд. А. С. Суворина, 1889. — С. 64.

⁶ Костерина А. Б. История и метафизика русского театра: монография / А. Б. Костерина. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. — С. 210–211.

⁷ Свиньин П. П. Доброго именинника празднуют три дня // Отечественные записки. 1822. № 31. — С. 266.

⁴ Подробно о театре В. А. Всеволожского см.: Костерина А. Б. Искусство театра: вопросы теории и практики. Вып. 2 : сб. ст. — Свердловск : Издательство Урал. гос. ун-та, 1989. — С. 4–19; Костерина-Азарян А. Б. Театральная старина Урала. — Екатеринбург : Демидовский институт, 1998. — С. 82–91; Костерина А. Б. История и метафизика русского театра: монография. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. — С. 192–195, 205–213)

ственный оркестр, любитель театра и всяких общественных увеселений... Таких людей со свечкой поискать. Нет сомнения, что назначение В. А. Всеволожского оживило бы театры и ободрило бы актеров...»⁸.

Большой популярностью в театральных и музыкальных кругах пользовался и петербургский дом Всеволожского. На музыкальные вечера, в которых часто принимали участие известные русские композиторы А. А. Алябьев, А. Н. Верстовский, съезжался весь аристократический Петербург. Вокруг дома В. А. Всеволожского, по воспоминаниям современников, «группировались самые выдающиеся личности петербургского общества двадцатых годов»⁹. С семьей Всеволожских был хорошо знаком А. С. Пушкин. С сыном Всеволода Андреевича Никитой Всеволодовичем (1799–1862) его связывала совместная служба в Коллегии иностранных дел, где с ноября 1816 г. Никита числился в качестве актуариуса. С апреля 1819 г. А. С. Пушкин становится активным членом учрежденного Н. В. Всеволожским литературно-политического общества «Зеленая лампа». Общие театральные и литературные интересы сблизили сверстников, и поэт стал постоянным гостем дома Всеволожских, о котором с любовью писал:

*Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз.
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство...»¹⁰*

В письме к А. А. Бестужеву от 29 июня 1824 г. поэт называет Н. Всеволожского «лучшим из минутных друзей моей минутной младости»¹¹.¹²

В. А. Всеволожский умер в С.-Петербурге 28 апреля 1836 года¹³. Сыновья, унаследовавшие его имения и предприятия, «не имели кипучей де-

ятельности своего отца; это были люди светские, но не коммерческие, и скоро все заводы и солеварни за долги поступили в казну; часть Рябова была тоже продана»¹⁴.

Позднее, уже в конце XIX века, на землях усадьбы В. А. Всеволожского его внуком статским советником, почетным мировым судьей, предводителем дворянства Шлиссельбургского уезда Павлом Александровичем Всеволожским (1839–1898) были основаны поселки Рябово (1892) и Всеволожский (1895), на месте которых позднее возник город Всеволожск. В 2009 году там был установлен памятник В. А. Всеволожскому.

«Кумовство да сватовство — ближнее родство» (русская пословица)

История знакомства и сближения С. Н. Аксёнова с Всеволожским неизвестна. Проще всего, конечно, было бы предположить, что Аксёнов был не более чем одним из «представителей творческой деятельности по музыке, художествам и литературе», которых во множестве собирал и приблизил к себе В. А. Всеволожский, но тогда об этом не стоило бы и говорить. Мне же представляется, что их отношения были значительно более близкими и неформальными и не ограничивались рамками

¹⁴ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. — СПб., Изд. А. С. Суворина, 1889. — С. 65.

⁸ Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театралы: собрание сочинений: в 2 томах. — СПб.: Искусство, 1989. — Т. 2. — С. 95.

⁹ Иконников В. С. Граф Мордвинов. — СПб.: [Б. и.], 1873. — С. 439.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 тт. — М.: Наука, 1965. — Т. 10. — С. 108.

¹¹ Там же. — С. 76.

¹² Костерина А. Б. Указ. соч. — С. 193–194. См. тж.: Казанцев П. М. Анна Вирлацкая // Урал. — 1964. № 9. — С. 129–138; Его же. К изучению «Русского Пелама» А. С. Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1964 / Ред. М. П. Алексеев; АН СССР. Отд.-ние лит. и яз. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1967. — С. 21–33; Его же. Пушкин и Всеволожские. // Временник Пушкинской комиссии, 1980 / Ред. М. П. Алексеев, С. А. Фомичев; АН СССР. Отд. лит. и языка. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1983. — С. 96–101.

¹³ Известие о его смерти было опубликовано в газете «Северная пчела», № 99, от 2 мая 1836 года. М. Пыляев ошибочно называет годом смерти Всеволожского 1837 год.

В. А. Тропинин. Портрет А. В. Всеволожского. 1830.
Тюменский обл. музей изобразительных искусств.

Дж. Доу. Портрет Н. В. Всеволожского. 1824.
Гос. музей изобр. искусств им. А. С. Пушкина, Москва.

одних только культурно-развлекательных мероприятий, на которые один приглашал другого, каким был, к примеру, большой театрализованный праздник в Рябове в ноябре 1822 года по случаю дня рождения В. А. Всеволожского, в котором принимал участие С. Н. Аксенов¹⁵.

Первое, на что стоит обратить внимание: Всеволод Андреевич Всеволожский крестил детей Семёна Николаевича Аксёнова, и они таким образом были кумовьями, то есть, по сути, почти родственниками. Кстати говоря, часто именно родственники — дяди, тети, сестры или братья — и становились крестными, а уж о том, что новорожденному крестный традиционно считался ближайшим родственником, его покровителем и руководителем в жизни, и говорить не приходится. В. А. Всеволожский был «восприемником», то есть крестным отцом, всех троих детей С. Н. Аксёнова: сына *Николая*, родившегося 3 июня 1828 г., и дочерей *Анны*, родившейся 30 июня 1829 года, и *Натальи*, родившейся 22 августа 1831 года. Старшие сын и дочь родились в Санкт-Петербурге и были крещены там же в *Никола-Богоявленском Морском соборе*, соответственно 14 июня 1828 г. и 9 июля 1829 г. Младшая дочь — Наталья — родилась, по-видимому, в небольшом имении Аксёнова Каменка (Каменка-на-Ящере) в Лужском уезде Петербургской губернии (ныне это территория Мшинского сельского поселения в Лужском райо-

не Ленинградской области), поскольку крещена она была 26 августа в *Михайловской церкви Лубинского погоста Лужского уезда* (с. Лубино, ц. Михаила Архангела / ц. Св. Архистратига Михаила)¹⁶.

Крестной матерью детей Аксёнова во всех случаях выступала *Евдокия (Авдотья) Степановна Головнина* (ур. Лутковская, 1795–1884), жена одного из наиболее прославленных русских мореплавателей Василия Михайловича Головина (1776–1831) — вице-адмирала, руководителя плавания на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку (1807–1809) и кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка» (1817–1819), описанных позднее в его мемуарах, и генерал-интенданта флота.

¹⁶ В книгах петербургских исследователей А. В. Носкова и О. В. Набокиной «Храмы Лужского района Ленинградской области» и «Луга и окрестности. Из истории населенных мест Лужского района» называется древняя деревня Каменка, упоминавшаяся еще в Писцовой книге 1500 г., которая в XVIII – XIX вв. называлась д. Каменкой-на-Ящере, о ней авторы между прочим говорят также следующее: «В 1830-х годах Каменка (на Ящере) числится уже сельцом с господским домом и находится во владении коллежского советника Аксенова. Спустя десятилетие при сельце действует пильный завод генерала М. П. Сакера... На другом берегу реки при д. Ящере был основан стекольный завод». Можно предположить, что этим коллежским советником как раз и был С. Н. Аксёнов. Деревня эта действительно входила в Лубинский погост (в списке сел Лубинского погоста значатся Малая, Средняя и Большая Каменка), поэтому крещения проходили в деревянной церкви во имя Архистратига Михаила в Лубино.

В «Алфавитном списке селений по уездам и станам Санкт-Петербургской губернии, составленном при Губернском статистическом комитете» (С.-Петербург : тип. Губ. правл., 1856), значится в Лужском уезде, стан 1-й, селен. Каменка, в 40 верстах (по проселочной дороге) от уездного города, влад. «Г. Аксенова», в графах «число дворов» и «число душ» — стоят прочерки (стр. 125, № 97).

¹⁵ Подробно об этом празднике с участием С. Н. Аксенова читайте в следующем номере журнала. – Ред. ИГЛ.

В XIX веке выбору крестных родителей в России придавали очень большое значение и их выбор, как правило, не являлся случайным: «крестная мать» и «крестный отец» считались вторыми родителями; крестный отец становился ребенку отцом духовным, а в случае внезапного сиротства ребенка его крестные отец и мать, или, как их еще называли, восприемники, должны были заменить родных¹⁷. «Особенно велика была роль крестного отца (как в церковном обряде — он приобретал нательный крест, нес ребенка на руках в церковь, передавал его священнику, отвечал за него на предлагаемые по ходу обряда вопросы и т. п., так и в дальнейшей жизни крестника или крестницы, вплоть до того, что ему иногда принадлежало решающее слово даже в выборе супруга, когда они вырастут)»¹⁸. И хотя в высших кругах горожан (в том числе и в среде чиновников) бывали, конечно же, случаи, когда в кумовья просили какое-либо влиятельное лицо, в надежде заручиться его поддержкой и попечительством, в случае с Всеволожским и Аксёновым такой вариант представляется крайне маловероятным. По-видимому, как выбор Аксёновым крестного для своих детей, так и *трократное* согласие Всеволожского быть им, имели под собой не какое-то формально-утилитарное основание, а были продиктованы по меньшей мере взаимной симпатией и уважением их друг к другу. Думаю, определенным подтверждением тому служит и тот факт, что и после смерти В. А. Всеволожского Аксёнов продолжал поддерживать отношения с его семьей и, в частности, как мы покажем ниже, принимал далеко не последнее участие в делах его детей.

При «золотоносном деле»

В 1827 году Всеволожский получил от Министерства финансов и Сената разрешение разрабатывать золотоносные пески на речке Стрелебной в Заозерской даче в Пермской губернии и начал заниматься золотодобычей. В первый год было намыто 3 фунта 8 золотников (1,3 кг) золота, в 1828 году добыли один пуд (16,38 кг) золота, в следующие годы добыча постепенно возрастала, и с 1831 года добывалось в среднем уже по 10–12 пудов зо-

¹⁷ Больше о крестинах, крестных родителях, кумовьях и кумовстве см.: Листова К. Кум да кума // Родина: Рос. ист.-публиц. ж-л; гл. ред. В. П. Долматов. — М., 1994. — № 11. — С. 112–116. См. тж.: Её же. Кумовья и кумовство в русской деревне / Советская этнография: АН СССР — Институт этнографии им. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М., Изд. «Наука», 1991. — № 2, март-апр. — С. 37–52. Автор — Татьяна Александровна Листова, старший научный сотрудник Отдела русского народа Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

¹⁸ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. — М.: «Наука», 1978. — С. 245.

лота за сезон. Тут надо сказать, что сказочные богатства даже такого предприимчивого и дельного хозяина, каким был В. А. Всеволожский, были во все не безграничны и успех в делах, конечно же, сопутствовал ему далеко не во всем и не всегда. Как бы там ни было, но к концу жизни прибыли его уже не покрывали всех расходов, а долги росли как снежный ком, достигнув нескольких миллионов рублей. Больших денег, в частности, требовало содержание имений в Смоленской, Владимирской, Нижегородской и Петербургской губерниях, домов в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Астрахани; колоссальные средства расходовались на поддержание роскошной жизни семейства, в т. ч. и постоянное проживание в Париже жены Елизаветы Никитичны. Все это обернулось тем, что сыновьям Всеволожского, наследовавшим вместе с обширной отцовской недвижимостью и непосильные долги, пришлось искать способы поправить свои денежные дела, в том числе и путем привлечения акционеров и арендаторов. Примечательно, что среди таких лиц фигурирует и С. Н. Аксёнов, причем с солидной долей участия, что свидетельствует о том, что его связь и отношения с семьей Всеволожских сохранялись и после смерти главы семейства. Имеются также сведения о том, что Аксёнов входил и в состав попечительства, учрежденного над именными Всеволожских.

В аннотации к фонду материалов и документов к роду Всеволожских в Российском государственном историческом архиве говорится:

«В 1833 г. было учреждено Попечительство над именными Всеволожских для уплаты по векселям, заемным письмам, счетам. Для погашения долгов продавались фамильные бриллианты, металл с торгов.

После смерти Всеволожского В. А. в 1836 г. Попечительству было предписано вступить в управление оставшимся после него имуществом. В состав Попечительства в разное время входили кн. Долгоруков В., гр. Мусин-Пушкин Брюс, д. ст. сов. Боровков, петербургский вице-губернатор Железнов, ген.-майор Вешняков И. П., ст.-секр. Позен, Мансуров П. Б. Годовой доход с имений Всеволожских в 1838 г. достигал 2 млн. 416 тыс. 98 руб. (с рыбных промыслов — 698.745 руб., горных заводов — 1.380.873 руб., золотых промыслов — 336.479 руб.). Отсюда шли средства на погашение долгов, содержание имений и самих Всеволожских.

В 1842 г. сумма долгов казне и частным лицам составила около 2,5 млн. руб. (из них 1.600.000 руб. — частные долги). Имущество Всеволожских оценивалось примерно в 35 млн. руб.

В 1843 г. из Сохранной казны была выдана сумма в 3,5 млн. руб. Всеволожским Александру и Никите. В 1849 г. между братьями был произведе-

ден раздел и имения каждого должны были служить обеспечением ссуды. Заведование имениями осуществляло Попечительство выс[очайше] учр[ежденное] над имениями и делами егермейстера Никиты Всеволодовича и церемониймейстера Александра Всеволодовича Всеволожских, в состав которого входили: Боровков А. Д., Мансуров П. Б., **Аксенов С. Н.** (выделено мной. — В. Т.), Демин П. А.»¹⁹

А в книге «Из истории заводов и фабрик Урала» дополнительно находим ещё и следующую информацию:

«Всеволожские влезли в долги, «золотое тельце» не спасло их положения. Кредиторы предъявляли векселя и требовали расплаты. Был учрежден опекунский совет над имением Всеволожских, который разрешил в 1844 г. сдать два золотых прииска в арендное содержание Боровкову.

13 марта 1846 г. было подписано соглашение, по которому Заозерская дача сдавалась в арендное содержание образовавшейся Золотопромышленной компании. Заранее был подготовлен её устав, утвержденный 5 марта 1846 г. в Верхотурском уездном суде²⁰. 26 золотых приисков Заозерской дачи сдавались компании сроком на 9 лет, с правом добычи золота и других металлов, за исключением платины. Две трети золота, добытого в даче, должно было идти в пользу К^о, а одна треть — в пользу Всеволожских, исключая десятинные взыскания в пользу казны.

Компания для добычи золота должна была составить капитал в 100 тыс. руб. серебром, из расчета по 1 тыс. рублей на каждый пай. Все прииски К^о были разделены на 100 паев, которые распределялись следующим образом: А. В. Всеволожскому — 25, Н. В. Всеволожскому — 25, С. И. Давыдову (сенатор) — 5, Г. В. Лерху²¹ (д. ст. советник) — 15,

А. П. Болотову (полковник) — 3, **С. Н. Аксёнову** (чиновник) — 11 (выделено мной. — В. Т.), Г. И. Франк (кол. советник) — 1, А. Н. Николаеву (майор в отставке) — 8, Н. И. Баструеву (полковник в отставке) — 2, Г. К. фон-Фьюссон (пруссский подданный) — 5 паев^{22*}».²³

Выходит, что после Всеволожских, имевших по 25 паев, и Лерха — 15 паев, Аксёнов с 11 паями (11 тыс. рублей), являлся одним из наиболее крупных пайщиков.

Остается неизвестным, принесло ли участие в паях Золотопромышленной компании хоть какую-то прибыль Аксёнову либо уже его наследникам, но вот сами Всеволожским это мероприятие желаемого результата не дало. Далее там же читаем:

«Они [Всеволожские] не могли рассчитаться с Петербургским опекунским советом, долг в пользу которого составил в мае 1855 г. сумму в 132 033 рубля. Вследствие этого золотые промыслы Александра Всеволожского были переданы в казенный присмотр. Согласно распоряжению министра финансов, все получаемые доходы от приисков должны были «поступать на уплату срочного долга опекунскому совету». В целях расчетов с опекунским советом и сохранной казной Всеволожские сдали золотые прииски в Заозерской даче в аренду кунгурокому купцу В. Г. Юхневу...»²⁴

После 1861 года Всеволожские заложили свои имения в казну и жили за границей, со временем почти все их бывшие владения перешли в чужие руки.

²² ГАПО, ф. 176, оп. 1, д. 1070, л. 1 об.

* Для сравнения: оклад годового жалования по чинам гражданской службы в 1840 году составлял для надворного советника (7 кл.) 180 руб., для коллежского советника (6 кл.) - 225 руб., для статского и действительного статского советника (5 и 4 кл.) — 562,50 руб., для тайного советника (3 кл.) — 675 руб., для действительного тайного советника 2-го класса — 1200 руб. и для действительного тайного советника 1-го класса — 2100 руб. (Общая табель окладам жалования по чинам гражданской службы. Прилож. к ст. 993 «Устава о Службе гражданской по определению от правительства», изд. 1857 года. С. 729). При этом следует иметь в виду, что жалование чиновникам согласно ст. 992 определялось четырьмя способами: «или 1) по чинам, или 2) по занимаемым должностям, или 3) по особым распоряжениям начальства, или наконец 4) по особым Высочайшим назначениям» (там же, ст. 992, стр. 208). В приведенном выше случае показаны оклады «по чинам», назначавшиеся в ведомствах, где законом или штатом было определено, что в них «жалование полагается для всех лиц одного и того же чина единообразно», в размерах установленных «общей табелью» (там же, ст. 993, стр. 208–209).

²³ Кривоногов В. Я. Формирование кадров наемного труда на золотых промыслах вотчинных владений Всеволожских в первой половине XIX в. // Из истории заводов и фабрик Урала: сб. статей. Вып. 2: Материалы к истории рабочего класса Урала / Архивный отдел Свердлов. Облесполкома; Гос. архив Свердловской обл.; Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького; Редкол.: А. А. Волков, А. Г. Козлов, отв. за вып. В. И. Бубнов. — Свердловск: Свердловское книжн. изд-во, 1963. — С. 73.

²⁴ Там же. — С. 75.

¹⁹ РГИА, Ф. 652 Оп. 1. <http://rgia.su/object/27812628>.

Называемый здесь Боровков А. Д. есть не кто иной, как Александр Дмитриевич Боровков (1788–1856) в 1825–1826 гг. являвшийся секретарем Следственного комитета по делу декабристов, автор «Алфавита Боровкова» («Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссией составлен 1827-го года») — справочника, содержащего сведения о 570 лицах, так или иначе причастных к восстанию декабристов или подозревавшихся в причастии к нему. С. Н. Аксёнов некоторое время был его сослуживцем по комиссариатскому департаменту Военного министерства, оба состояли чиновниками для поручений при военном министре А. И. Татищеве. Боровков, кроме того, был также одним из основателей петербургского Вольного общества любителей российской словесности, членом которого состоял и Аксёнов, и являлся редактором журнала этого общества «Соревнователь просвещения и благотворения».

²⁰ ГАСО (Государственный архив Свердловской области), ф. 43, оп. 2, д. 1319, л. 4; ГАПО (Государственный архив Пермской области), ф. 176, оп. 1, д. 1070, лл. 1–8.

²¹ Густав Васильевич Лерхе (1790–1869), в 1830–40-х гг. юрисконсульт канцелярии Военного министерства, впоследствии тайный советник.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

корифея русской гитары

Фотографии Г. А. Рослякова

Семен Николаевич Аксенов умер 30 мая (11-го июня по нов. ст.) 1853 года в своем имении Лошаково (тж. Лошаки, Паники) в Данковском уезде Рязанской губернии. Сельцо располагалось на левом берегу реки Дон, в месте впадения в нее речки Паника. Своей церкви оно в то время еще не имело¹ и относилось к приходу Преображенской церкви с. Хитрово (или Спасское), расположенного в пяти километрах ниже по течению Дона, на приходском кладбище которого и был похоронен С. Н. Аксенов. Над его могилой установлен сохранившийся до наших дней гранитный памятник в виде колонны цилиндрической формы с высеченной на нем надписью²:

Здѣсь погребено тѣло
полковника
Семена Николаевича
АКСЕНОВА
скончавшагося 1853го года
мая 30го на 69 году отъ рожденія.

Боже! суди меня не по дѣламъ
моимъ, а по милосердію твоему.

¹ Спустя три года после смерти мужа, в 1856 г., его вдова Варвара Алексеевна Аксенова на свои средства построила там первую деревянную Спасскую церковь, вместо которой в 1879 году данковский купец А. Егоров отстроил новую каменную Спасскую церковь с приделами в честь иконы Божией Матери Троиручицы.

² В энциклопедии «Классическая гитара в России и СССР» (стб. 74) ошибочно напечатано «Агитрово», там же, а также в статье А. В. Ширялина «Семен Николаевич Аксенов» во 2-ом выпуске «Музыкального альманаха: Гитара» (М., Музыка, 1990, с. 14), не точно передан текст надписи: вместо «на 69 году от рождения» напечатано «на 69 году от роду» и вместо «суди меня не по делам моим, а по милосердию твоему» – «суди меня не по беззакониям моим, а по милосердию своему».

Редакция выражает глубокую признательность и благодарность **Григорию Алексеевичу Рослякову** (пос. Михнево Ступинского р-на Московской области) за его серию фотографий, запечатлевших места, связанные с именем и памятью С. Н. Аксенова, и за предоставленное нам разрешение использовать их в настоящем номере журнала «История гитары в лицах». Фотографии были сделаны автором в 2011 году в Рязанской и Липецкой областях во время велопробега «Донские просторы».

В том, что на памятнике, установленном вдовой и детьми С. Н. Аксенова, он поименован полковником, нет ничего удивительного или необычного. Чин коллежского советника (VI класс согласно Табели о рангах), с которым Семен Николаевич Аксенов вышел в отставку, в военной иерархии соответствовал чину полковника и требовал обращения «Ваше высокоблагородие», т. е. он был, как иногда выражались, «статским полковником». И хотя официально гражданским чиновникам неоднократно законодательно запрещалось именоваться военными чинами³ и устанавливалось, что «в равных чинах гражданские чиновники вообще уступают место военным», на практике это нисколько не препятствовало ни самим чиновникам, ни их окружению определять вне службы свой чин через его военный эквивалент или аналог. Для русского человека так было и лаконичней, и, главное, весомей, емче и понятней. К тому же в русском дворянском обществе исторически сложилась «общественная предпочтительность военной службы и военных чинов перед гражданскими», отчего всегда присутствовало желание почувствовать себя в «мундире», а не во «фраке»⁴. Как рассудил один из персонажей пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба» (которому, однако, «полагался» бы лишь подполковник): «Да, батюшка, уж как ты там себе ни перевозрачивай, а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет» (дейст. I, явл. III)⁵. Аксенов к тому же большую часть годов службы был не просто чиновником, а именно *военным чиновником*, служившим в военных ведомствах, а это была особая категория служащих – «*классные чины военного ведомства*» – в отношении которых позднее специально был издан приказ, которым «гражданских чиновников военного ведомства Вы-

с. Хитрово,
Преображенская церковь

сочайшие повелено именовать *военными чиновниками*». Так что близкие С. Н. Аксенова, делая надпись на памятнике, не грешили против истины, а лишь слегка отошли от формальности, преисполненные чувствами любви, благодарности и уважения к мужу и отцу, и гордостью за его достойную карьеру. Высказанное В. П. Машкевичем предположение, что слово «полковник» это воинское звание, данное Аксенову «за службу в армии после выезда его из Петербурга, где он служил в гражданских учреждениях»⁶, не заслуживает серьезного обсуждения. Достаточно сказать, что если переход военных чинов на гражданскую (статскую) службу с сохранением или повышением чина (как и их последующее возвращение при желании на военную службу) был делом достаточно обычным, то принятие статских чиновников на военную службу требовало наличия чрезвычайных к тому обстоятельств, какие, например, сложились в Отечественную войну 1812 года, когда русская армия потеряла значительную часть своего офицерского состава⁷. Но и в тех условиях такая мера действовала лишь до нормализации положения с кадрами в войсках и уже в марте

1815 года именным указом Александра I повелевалось «за укомплектованием всей армии офицерами» почитать «излишним уже прием в военную службу статских чиновников» и «дальнейшее их определение в полки прекратить»⁸. Кроме того, повторим, Аксенов в течение многих лет перед отставкой служил в Петербурге не в «гражданских учреждениях», как утверждалось В. П. Машкевичем, а в военных.

⁶ Классическая гитара в России и СССР. Стб. 74.

⁷ Инициатива исходила от М. И. Кутузова, подавшего 30 ноября 1812 г. Александру I рапорт «О приеме на службу в армию гражданских чиновников в связи с некомплектом офицеров», в котором он писал, что «по случаю многих и почти беспрестанных сражений» войска начинают чувствовать осязательный недостаток в штаб- и обер-офицерах, вакансии которых хотя и наполняются теперь производством из чина в чин и выпуском из корпусов», но «принятая ныне для наполнения армии мера... уже совершенно недостаточна» и будет «полезнейшим и даже необходимейшим средством принимать в военную службу желающих вступить в оную штатских чиновников» (М. И. Кутузов: Сборник документов и материалов. Т. IV. М., 1955. С. 485).

⁸ Полн. собр. законов Рос. империи (1649–1825) : Том 33 (1815–1816). № 25.796.

³ Соответствующие указы в 1731 и 1736 гг. издавались императрицей Анной Иоанновной, в 1793 г. – Екатериной II, в 1826 г. – Николаем I, а затем это положение вошло в Устав о службе гражданской (ст. 964, 967).

⁴ Шапов А. П. Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества с XVIII в. до сороковых годов XIX и с сороковых годов до настоящего времени. // Отечественные записки. – 1873. – Т. ССIX, Отд. I. – № 7, июль. – С. 289, 290.

⁵ Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 6 тт. Т. IV: Драматич. произведения. М., Худ. лит., 1952. С. 105.

*Памятник Семёну Николаевичу Аксёнову
на кладбище с. Хитрово
(Данковский р-н, Липецкая область)*

*Памятник Семёну Николаевичу Аксёнову
(вид справа)*

Общий вид на памятник С. Н. Аксёнову в с. Хитрово

*Преображенская церковь (ц. Спаса Преображения) в с. Хитрово,
где проходило отпевание С. Н. Аксёнова*

Речка Паника

*Впадение Паники в р. Дон
(Милославский р-н, Рязанская область)*

Фрагмент карты Рязанской губернии съемки А. И. Менде 1850-х гг.
в масштабе 1 дюйм = 2 версты или 1 см = 840 м.

В течение века, прошедшего после смерти С. Н. Аксенова, административно-территориальное деление и границы бывшей Рязанской губернии, а ныне области, претерпели множество изменений.

В 1954 году большая часть некогда Данковского уезда, в то время района с центром в г. Данков, из Рязанской области перешла в состав новообразованной Липецкой области.

Так сложилось, что современная граница двух областей проходит по Дону до Лошаков и сразу за ними делает поворот на несколько километров влево, разделяя таким образом соседние села: территория бывшего аксеновского имения теперь относится к Милославскому району Рязанской области и находится на самой ее юго-западной оконечности, а село Хитрово, вместе с расположенным на противоположном, правом, берегу Дона кладбищем, где похоронен Аксенов, является частью Данковского района Липецкой области.

На карте нами цифрами обозначены:
1. с. Лошаки (тж. Лошаково, Паники);
2. Место захоронения С. Н. Аксенова на кладбище с. Хитрово (тж. Спасское).

Дополнительно нанесенная на карту светло-голубая линия показывает современную границу между Рязанской (Милославский р-н) и Липецкой (Данковский р-н) областями.

Церковь Спаса Нерукотворного Образа (ц. Воскресения Христова)¹

с. Лошаки, Милославский р-н, Рязанская обл.

«ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ РЯЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ» (1888)²:

**с. Новопаники, Лошаки тож.
ц. Спасская**

(в 37 в. от у. г.)³

Вместо деревянной Спасской церкви, построенной В. А. Аксеновой в 1856 г., существующая ныне в с. Новопаниках Спасская церковь с приделами в честь иконы Божией Матери Треручицы и св. Николая начата постройкою в семидесятых годах текущего столетия на средства Данковского купца Александра Егорова, освящен в 1879 г. придел в честь иконы Божией Матери Треручицы, остальные престолы еще не освящены. Земли под церковью и кладбищем состоит 1 дес., усадебной 3, пахотной 30 и луговой 1 дес., плана и межевой книги на означенную землю у причта не имеется. В приходе при 254 дв. числится м. п. 950, ж. п. 965, в том числе грамотных м. п. 130, ж. п. 35. Прихожане живут большею частью очень бедно; содержание причта также очень недостаточно. По штату 1873 г. в причте положены 1 священ. 1 псаломщик.

(Клир. вед. с 1856-86 г. Сборн. ст. свед. по Ряз. губ. т. II. вып. II, стр. 220. Сп. н. м. Ряз. губ. № 603. – Р. е. в. 1877 г. № 8; – 1878 г. № 1).

Из священно-служителей означенной церкви известны:

*Владимир Васильев Уралов
уп. с 1 март. 1856 по 7 ноябр. 1877 г.*

*Иоанн Павлович Ансеров
сост. с 2 ноябр. 1878 г.*

¹ В Адрес-календаре Рязанской губернии на 1898 год церковь в селе Новопаники уже значится как Воскресенская. По данным «Рязанских епархиальных ведомостей» в 1866-1872 гг. церковным старостой являлся штабс-ротмистр Николай Аксёнов, сын С. Н. Аксёнова.

² Добролюбов, Иоанн (свящ.). Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями. – Т. 3. – Рязань, Тип. В. П. Звукова, 1888. – С. 327-328.

³ В 37 «ерстах» от «ездного» г<орода> – т. е. прим. в 40 км. от г. Данков, являвшегося в XIX в. центром Данковского уезда Рязанской губернии, куда входило с. Лошаки (Паники, Новопаники). Ныне – районный центр в Липецкой области.

Любителям гитары имя советского музыковеда Бориса Львовича Вольмана (1895–1971) известно, главным образом, по книгам «Гитара в России: очерк истории гитарного искусства» (1961), «Гитара и гитаристы. Очерк истории шести-струнной гитары» (1968) и «Гитара» (1972), но наиболее ценным вкладом ученого в изучение истории русской музыки стали его исследования «Русские печатные ноты XVIII века» (1957) и «Русские нотные издания XIX – начала XX века» (1970), содержащие, в том числе, и сведения о нотных изданиях для гитары. Эти работы, ставшие уже библиографической редкостью, даже по прошествии полувека и более не утратили своей научной ценности. Предлагаем нашим читателям главу о нотах начала XIX века из второй монографии Б. Л. Вольмана. Этот очерк позволяет составить представление об общей картине музыкальной жизни того времени, и в этом контексте взглянуть, при желании, и на историю отдельного инструмента. В начале прошлого века наш замечательный деятель русской гитары Валериан Алексеевич Русанов, приступая к изданию журнала «Гитарист» и формулируя его программные цели и задачи, высказался за потребность смотреть на гитару и на развитие ее музыки не в изоляции, а на ряду и в отношении с другими инструментами и в связи с общим течением музыкальной жизни. Обзорные печатные нот первых десятилетий XIX века, представленное с достаточной подробностью в книге Б. Л. Вольмана, — хорошая возможность для такого взгляда. Кроме того, это сам по себе весьма интересный и полезный материал для всякого желающего быть образованным музыкантом.

В. Т—ский

Борис ВОЛЬМАН

НОТЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Глава I из книги

«Русские нотные издания XIX – начала XX века»

(Л., Музыка, 1970. С. 5–31)

18 апреля 1800 года вышел указ Павла I «О запрещении ввозить из-за границы, впредь до указа, всякого рода книги и музыкальные ноты». Это было первое ограничительное мероприятие правительства, относившееся к нотным изданиям. В указе говорилось, что если через ввозимые в Россию иностранные книги «наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия», то такую же опасность могут представлять и завезенные в Россию ноты. Конечно, под этим подразумевались песни французской революции 1789 года, ноты которых просачивались в Россию и порой даже продавались в книжных и музыкальных магазинах.

Одновременно с указом, запрещающим ввоз иностранных нот, была введена и предварительная цензура нотных изданий, выпускавшихся в России, а 5 июня 1800 года были вообще запечатаны все частные типографии. Таким образом, всякая нотоиздательская деятельность в России на некоторое время совершенно прекратилась. Лишь два-три нотных издания весной 1800 года увидели свет, выйдя с пометкой «С разрешения цензуры».

Установленный мораторий был отменен только после смерти Павла I. 31 марта 1801 года вышел указ, разрешающий ввозить иностранные книги и ноты, открыть частные типографии и без особых цензурных ограничений печатать книги и ноты. Вновь вошел в силу указ 1796 года, предусматривающий не предварительную, а карательную цензуру, и то лишь в отношении печатавшихся книг. К таковым относились и ноты, содержавшие значительный по объему словесный текст, т. е. педагогические пособия, школы для музыкальных инструментов, иногда романсы и песни. Разрешением ввозить иностранные ноты широко воспользовались книго- и нототорговцы. Торговля нотами в начале XIX века оказалась почти полностью сосредоточена в руках иностранцев. Впрочем, кое-что продавалось и русскими книготорговцами. Обычно это бывали русские нотные издания, поступавшие к ним на комиссию, или остатки залежавшихся и скупленных ими нот. Иностранные ноты продавались только в иностранных книжных или музыкальных магазинах, причем их на русском языке было так много, что возникла конкуренция не только между продав-

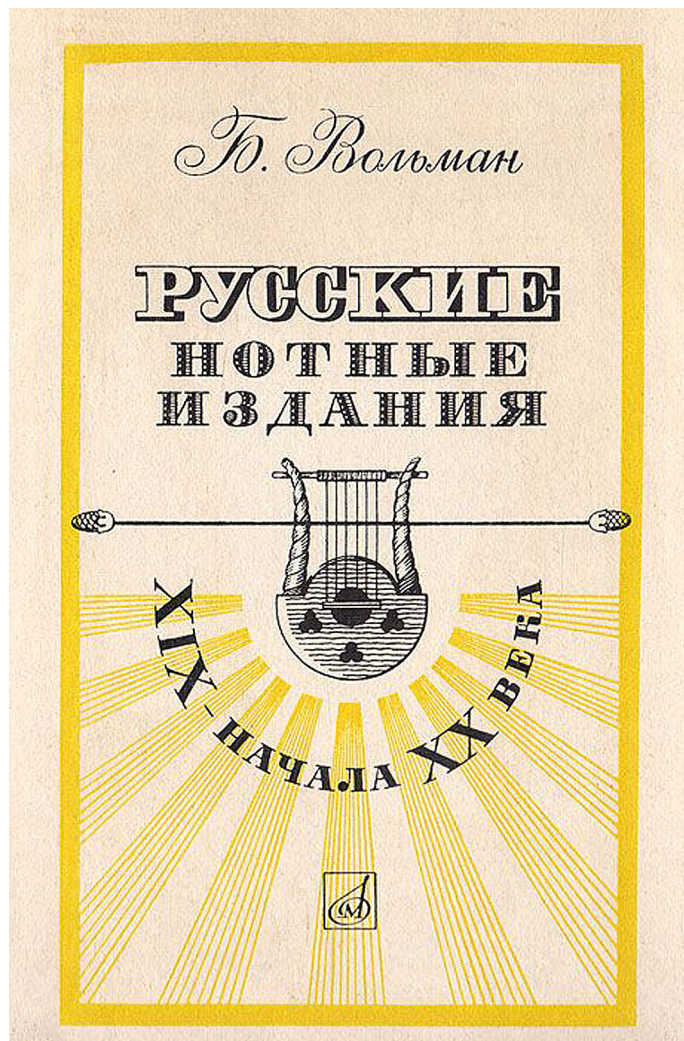

цами, но и между иностранными музыкальными издателями, считавшими Россию выгодным местом сбыта.

В русских нотных изданиях также появлялись преимущественно произведения иностранцев, что обуславливалось общим направлением русской музыкальной жизни начала XIX века независимо от того, касалось ли это области театра, концертного или домашнего исполнительства или музыкальной педагогики. Русское дворянство, а оно задавало тон в музыкально-общественной жизни, увлекалось тогда французской и итальянской оперой, концертами заезжих виртуозов, предпочитало обучать своих детей у иностранцев. Барское пренебрежение к достижениям отечественной музыки способствовало тому, что и в нотной печати русские авторы появлялись сравнительно редко, в то время как в изобилии печатались произведения далеко не первоклассных иностранных композиторов. Музыка крупных мастеров — Гайдна, Моцарта — распространялась в России главным образом в иностранных изданиях, в русских же появлялись произведения тех иностранцев, которые приезжали в Россию с концертами или оседали здесь на более продолжительное время, работая в театрах или занимаясь педагогической деятельностью. Последних было особенно много. Наряду с авторитетными именами И. Гесслера, Ф. Нерлиха, Дж. Фильда, П. Роде, П. Байо и некоторых других крупных музыкальных педагогов, в России существовала целая армия музыкальных ремесленников, преподававших в частных домах. Они сочиняли музыку, которая печаталась в России и получала здесь распространение среди не слишком требовательных любителей.

Однако прогрессивное направление русской музыкальной культуры определялось не их сочинениями. Это был неизбежный шлак, сопровождавший процесс становления национальной музыки. Она создавалась в ту пору редкими русскими музыкантами-профессионалами, зачастую крепостными, и наиболее талантливыми из числа так называемых «аматёров» — любителей музыки, воспринимавших достижения Запада, но искавших собственных путей в творчестве и опиравшихся на народное искусство. Их произведения, большей частью предназначавшиеся для домашнего музицирования, появлялись в печати и становились известными все большему числу людей. Круг лиц, приобретающих ноты для личного пользования и интересовавшихся музыкальными новинками, постепенно возрастал.

Увлечение музыкой в начале XIX века (на этом сходятся все мемуаристы) становится общим для всех интеллигентных групп населения. Любители музыки обнаруживаются не только в Петербурге и в Москве, но и в провинциальных центрах и в помещичьих усадьбах. Музыка становится обычным препровождением времени и необходимой

спутницей мало-мальски значительных событий общественной жизни. Об этом говорят не только хроника провинциальной жизни, но и опубликованные в некоторых нотных изданиях перечни подписавшихся на них лиц с указанием их звания и места жительства. Объявления в газетах о продаже нот неизменно сопровождаются обязательством выслать их по почте провинциальным покупателям. Потребность в печатных нотах неуклонно возрастает. Соответственно тому расширяется и круг лиц, занимающихся нотоиздательской деятельностью.

В XVIII веке в России применялись два способа нотопечатания. Один из них, типографский, заключался в том, что нотный текст воспроизводился с помощью специального нотного шрифта. Этот способ, весьма трудоемкий при составлении нотного набора, напоминал кропотливую работу мозаичиста. Тем не менее, при большой простоте нотного текста и наличии немногих дополнительных обозначений, этот способ давал порой лучшие качественные результаты по сравнению с другим способом — гравированием нот на металлических досках с последующим тиснением на бумагу. По мере усложнения нотного текста, вызывавшегося художественными требованиями, типографский способ должен был уступить

место гравированию, которое в свою очередь совершенствовалось. Применение гравировальных досок из более мягких сплавов, наколачивание нотных знаков особыми штампами (пуансонами) и другие нововведения окончательно вытеснили печатание нот с помощью дорогого стоившего нотного шрифта.

Конечно, и гравирование нот, даже усовершенствованное, было еще далеко не идеальным приемом нотопечатания. Оно требовало, прежде всего, опытных специалистов граверов, нуждалось в применении довольно дорогих металлов, из которых изготовлялись гравировальные доски. Тем не менее примитивная техника нотопечатания, существовавшая в начале XIX века, удовлетворяла потребности кустарного производства. Издание нот не сулило больших прибылей и стало достоянием мелких предпринимателей.

Издавали ноты музыканты и любители музыки, печатая на свои средства собственные сочинения, пользуясь услугами какого-либо известного гравера или печатника.

Гравируя и печатая ноты по заказам частных лиц, нотограверы иногда и сами проявляли издательскую инициативу, выпуская в свет то или иное музыкальное произведение, организуя подписку на издание музыкального журнала. Выпуском отдельных нотных изданий в начале XIX века занимались граверы К. Шильдбах, К. Эльберт, Ю. Шоп.

Особенно тесно выпуск нотных изданий был связан с торговлей нотами. Владельцы многих музыкальных магазинов не только занимались продажей музыкальных инструментов, нот и приёмом нот на комиссию, но и сами время от времени печатали ходкие музыкальные произведения. Иногда они предпринимали самостоятельные издания, иногда же объединялись друг с другом. Из числа нототорговцев наиболее часто издавали ноты Р. Рейнсдорп, К. Ленгольд, И. Кестнер, реже — Минелли, Керцелли.

Существовали в Петербурге и в Москве предприниматели, систематически печатавшие ноты. Именно их с достаточным основанием можно причислить к разряду собственно музыкальных издателей начала XIX века.

С 1800 года в Петербурге функционировало музыкальное издательство Ф. Дитмара. Обрусевший швед, музыкант и гравёр по профессии, Дитмар начал свою нотопечатательскую деятельность еще в конце XVIII века, войдя в компанию к И. Герстенбергу, организовавшему в 1793 году в Петербурге первое крупное музыкальное издательство в России. Когда Герстенберг уехал за границу, Дитмар стал единоличным владельцем предприятия. Как издатель он не проявил особой инициативы, занявшись главным образом выполнением заказов посторонних лиц. Все наиболее ценное из выпущенного им самостоятельно было лишь продолжением начинаний Герстен-

берга (сочинения Козловского, Хандошкина, серии фортепианных вариаций на русские песни и др.). В 1810 году Дитмар ликвидировал свое начинание, чахнуть предприятие, которое перешло в руки более энергичного И. Пец.

«Римский подданный» из Дрездена, ставший русским купцом третьей гильдии Иоган-Корнелий (Иван Карлович) Пец учел издательские ошибки своего предшественника. Он резко увеличил выпуск нотных изданий, ориентируясь не только на высшее общество, но и на любителей музыки из средних кругов. Обзаведясь постоянным комиссионером и компаньоном в Москве — К. Ленгольдом, — Пец постепенно расширил масштабы своей деятельности. В 1812 году он на некоторое время вошел в компанию с И. Брифом, который занимался до того (с 1810 г.) музыкально-торговой и издательской деятельностью с гравёром Вондерфуром. Особенно успешно дела Пец пошел после 1812 года, когда во время пожара Москвы погибли нотные склады и предприятия его московских конкурентов.

С 1802 года в Петербурге стал издавать ноты актер французской оперной труппы Дальмас (H. J. Dalmas). Пользуясь поддержкой А. Буальдье, стоявшего во главе процветавшей тогда в России французской комической оперы, Дальмас имел возможность близко знакомиться с текущим оперным репертуаром и получить на руки все модные музыкальные новинки. Ему удалось приобрести обширную клиентуру в высших кругах общества и установить нужные связи. Вскоре он открыл музыкальный магазин в аристократической части города. С 1804 года Дальмас стал выпускать журнал «Северный трубадур», в котором печатались французские и итальянские оперные арии и романсы. В издательстве Дальмаса были опубликованы произведения Буальдье, сочиненные им в России, много произведений иностранных, главным образом французских композиторов. Торговые и издательские дела Дальмаса в России настолько наладились, что он принял русское подданство и надолго остался в Петербурге.

Другим французом, также осевшим в России, но уже в Москве, был Жан Пейрон, организовавший нотное издательство в 1806 году. В объявлении о выпуске журнала «Приношение прекрасному полу» он указывал на свою компетентность в музыкальных вопросах: «Издатель сам упражняется в музыке!» Гравирование он поручил Шильдбаху. Не обладая возможностями Дальмаса, Пейрон вынужден был довольствоваться перепечатками и изданием произведений авторов, живших в России. Ареной его деятельности были Москва и провинция. Он широко рекламировал как свою нотную продукцию, так и другие продававшиеся им ноты. Война 1812 года прервала его успешную издательскую деятельность; погиб и он сам.

Весьма значительной для начала XIX века представляется нотопечатательская деятельность

Франца Вейсгербера в Москве. Еще в 1798 году он рекомендовал себя в капельмейстеры, продавая одновременно ноты для ансамбля духовых инструментов. Вейсгербер был хорошим исполнителем, и довольно часто выступал в Москве с концертами, в которых играл собственные сочинения «на кларнете и бассет д'амуре». Он также преподавал игру на всех духовых инструментах и именовал себя «профессором музыки». В 1806 году он обзавелся нотной типографией в Немецкой слободе.¹ В типографии гравировались и печатались ноты по заказам, собственные сочинения и переложения Вейсгербера. Так, например, были напечатаны аранжированные им для духового состава три части оперы «Русалка». Аранжировки Вейсгербера выпускались обычно в партиях и предназначались в первую очередь для его собственных учеников.

Во время пожара Москвы его нотная типография сильно пострадала. Сам Вейсгербер уехал из Москвы, но через некоторое время вернулся обратно и весной 1816 года восстановил свою нотопечатню. Однако дела его пошли не блестяще. Выпустив несколько нотных изданий, он предпочел окончательно уехать из Москвы и поступил на службу капельмейстером в Казанский драгунский полк. В 1819 году этот полк квартировал в городе Боброве Воронежской области. Живя там, Вейсгербер продавал свои сочинения, предлагая их выслать почтой в любой город.²

К первому десятилетию XIX века относится зарождение нотопечатания в провинции. По инициативе «учителя музыки» Харьковского университета, композитора, хорошего скрипача и дирижера И. М. Витковского, был поднят вопрос о приобретении оборудования для печатания нот в университетской типографии. С помощью специально изготовленного станка в типографии Харьковского университета было напечатано несколько незначительных произведений местных композиторов, из которых сохранилась фортепианная пьеса «Малороссийская дудочка» Ф. Цыха (F. Zuch), после чего нотопечатание при университете прекратилось.³

Новая попытка наладить нотопечатание в Харькове была сделана в начале 1812 года неким Лангнером, открывшим там частную нотопечатню,⁴ просуществовавшую очень недолго. Жившие в Харькове авторы вынуждены были обращаться с вопросами об издании их музыкальных трудов в Москву или в Петербург.⁵

Несмотря на ряд неблагоприятных условий публикации музыкальных сочинений, уже в пер-

вые годы XIX века в России создалась довольно обширная музыкальная литература. Количественно она превышала изданное за все предшествовавшее столетие, качественно развивала жанры, которые наметились еще в XVIII веке, но внесла и нечто новое.

Особое значение приобрела танцевальная музыка.

Наряду с полонезами в начале XIX века продолжали бытовать, главным образом в придворных кругах, контрданс и экосез, реже менуэт. Начинали входить в обиход мазурка и кадрили. Общее признание завоевывает вальс, хотя расцвет его еще не наступил. Музыка вальса и мазурки того времени была короткой. Обычно она состояла из двух периодов, в размере 3/8. Короткой была и музыка кадрили, еще не имевшей тогда подразделения на отдельные фигуры.

Общепризнанным мастером танцевальной музыки считался И. А. Козловский. Ежегодно издавались один или несколько его полонезов, сочинявшихся для придворных балов, традиционных июльских маскарадов в Петергофе и других парадных торжеств. Кроме того, по различному поводу выходили сборники его танцев для оркестра, параллельно которым выпускалась та же музыка в фортепианном изложении. Так, например, в 1801 году был издан цикл из 6 полонезов, 3 менуэтов и 6 контрдансов, сочиненных Козловским по случаю коронации Александра I. Издание это, даже по внешним признакам, как две капли воды напоминало его же музыку, написанную ко дню коронации Павла I. Родственным по содержанию представляется и вышедший вскоре цикл танцев (3 полонеза, 3 менуэта и 6 контрдансов), сочиненных Козловским по случаю свадьбы Аркадия Суворова, сына великого полководца, с Нарышкиной. Как и музыка к коронации Александра I, этот цикл был издан Дитмаром.

Полонезом «Гром победы, раздавайся», созданным Козловским для Потемкинского праздника 1791 года, было положено начало русским хоровым полонезам, сочинявшимся по какому-нибудь особо торжественному случаю. Так, в 1809 году Львом Гурилевым был сочинен и издан хоровой полонез «По случаю покорения Финляндии» на слова Колосова. Кроме того, было издано еще несколько полонезов Гурилева для фортепиано.

В том же 1809 году были изданы «Польский и экосез для фортепиано с певчими, игранные в 1809 году, июня 29 дня на празднике, данном чиновниками в знак благодарности почтенному их начальнику, Петру Степановичу Валуеву, и поднесенные ее высокопревосходительству Дарье Александровне Валуевой сочинителем Д. Кашиным». Музыка их на редкость бесцветна и вполне соответствует тексту, достойному сатиры Щедрина. «Начальник, всеми чтимый...», — такими словами начинается хор экосеза, повторявший по содержанию хвалебные вирши полонеза.

¹ «Моск. ведомости», 1806, № 99.

² «Моск. ведомости», 1819, № 9.

³ См.: И. Миклашевский. Музыкальная культура Харькова XVIII и первой половины XIX века. Диссертация. М., стр. 28–29; К. Фойгт. Историко-статистические записки об императорском Харьковском университете до 1859 года. Харьков, 1859, стр. 125.

⁴ «Харьковский еженедельник», 1812, «Известия» к № 2, стр. 16.

⁵ Гесс де Кальве. Теория музыки, ч. 1. Харьков, 1818, стр. 3–4.

С полонезами Козловского в какой-то мере соперничали полонезы П. Енгальчева. В начале XIX века было издано не менее десяти фортепианных полонезов этого пользовавшегося в Москве успехом композитора. Кроме того, были изданы тогда же полонезы И. Воробьева, П. Никитина, Коруженкова, Г. Кубишты, Гельда, П. Бема и др. В 1811 году был опубликован Большой полонез для фортепиано А. Алябьева, посвященный Джону Фильду. В 1811 году в издательстве Пеца вышли Полонез и Романс. На титульном листе значилось: «М. О...й». Можно предположить, что автором этих произведений был Михал Клеофас Огиньский. Как указывает И. Ф. Бэлза, Огиньский в своих «Письмах о музыке» сообщает, что по распоряжению Козловского Дальмасом были награвированы два сборника его произведений. В один вошли фортепианные полонезы, в другой — романсы.¹ По-видимому, они были изданы после 1812 года; напечатанные же Пецом, очевидно,

были первыми сочинениями М. Огиньского, изданными в России.

Иногда появлялись в печати и полонезы с текстом, включавшиеся вставными номерами в оперы. Так, например, полонезы Адамса и Кавоса были изданы с указанием, что их исполняла певица Филлис-Андрие в опере «Свадебный час».

Полонезы продолжали издаваться и во время Отечественной войны. В 1813 году были выпущены хоровые полонезы в честь Кутузова, авторами которых были Козловский и Николаев, а в 1814 году — два полонеза Кашина на взятие Парижа. Увлечение танцевальной музыкой в военное время отразилось и на выпуске в 1813 году «Собрания разных танцев для фортепиано в пользу инвалидов, сочиненное И. Рамницем». Собрание содержало 13 номеров, начиналось полонезом и заканчивалось казачком.

(Продолжение следует)

¹ И. Бэлза. Вступительная статья к избранным произведениям М. К. Огиньского для фортепиано. М., 1954.

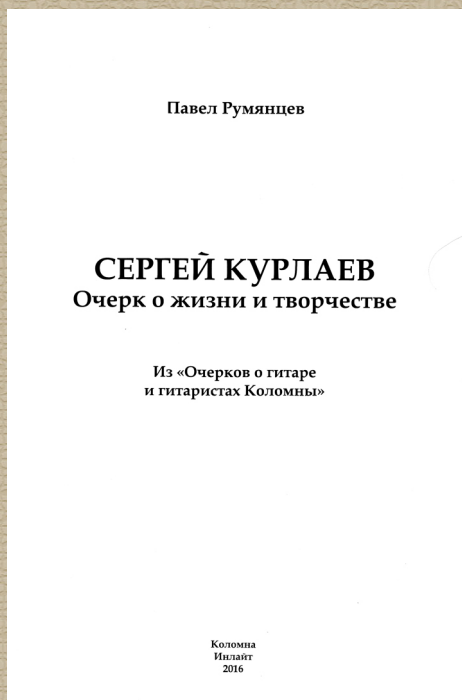
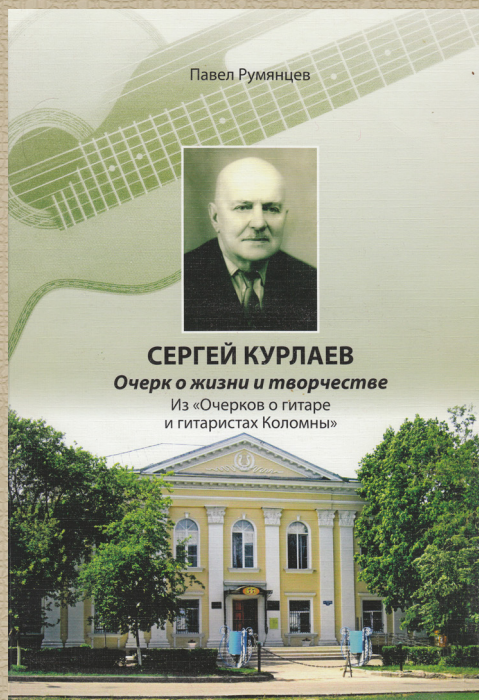

В часы досуга. С картины Е. С. Сорокина.
Из журнала «Гитаристъ», 1904, №7, с. 10.

НОВАЯ КНИГА О ГИТАРЕ

«СЕРГЕЙ КУРЛАЕВ – ОЧЕРК О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ»

Румянцев П. И. Сергей Курлаев: Очерк о жизни и творчестве (Из «Очерков о гитаре и гитаристах Коломны»). — Коломна: Инлайт, 2016. — 56 с. (Формат: 205 × 290 мм).

Книга рассказывает о Сергее Александровиче Курлаеве (1885–1962) — талантливом музыканте, гитаристе, ученике А. П. Соловьева и участнике его квартета гитаристов, видном педагоге и организаторе, деятельность которого сыграла значительную роль в развитии музыкального образования и культуры Коломенского края.

В издании опубликовано большое количество редких фотографий из фондов музеев и частных архивов, а также фрагменты раритетных нотных сборников для семиструнной гитары начала XX века.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Каждый желающий может поддержать настоящее издание как информационно, так и финансово. Редакция с благодарностью примет от вас музыкальные журналы или отдельные материалы из них, статьи, книги и брошюры, письма, рукописи, фотографии и проч., касающиеся истории гитары в России и за рубежом.

Вы также окажете существенную поддержку проекту, разместив информацию о нем и ссылку на сайт журнала www.guitar-times.ru или его отдельные статьи на своих интернет-ресурсах, в блогах, страницах в социальных сетях и т. д.

По всем этим вопросам просим обращаться по электронной почте: nc20@bk.ru

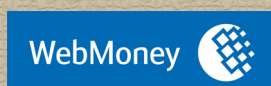
6-й год издания

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОЕКТУ
«ГИТАРИСТЫ И КОМПОЗИТОРЫ»

ИСТОРИЯ ГИТАРЫ В ЛИЦАХ

№ 1 (20), 2017 г.

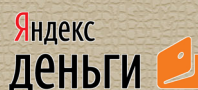
ПОДДЕРЖИТЕ НАШИ ПРОЕКТЫ

Z302857657395 (доллары)
E274757799347 (евро)
U379637547468 (гривны)

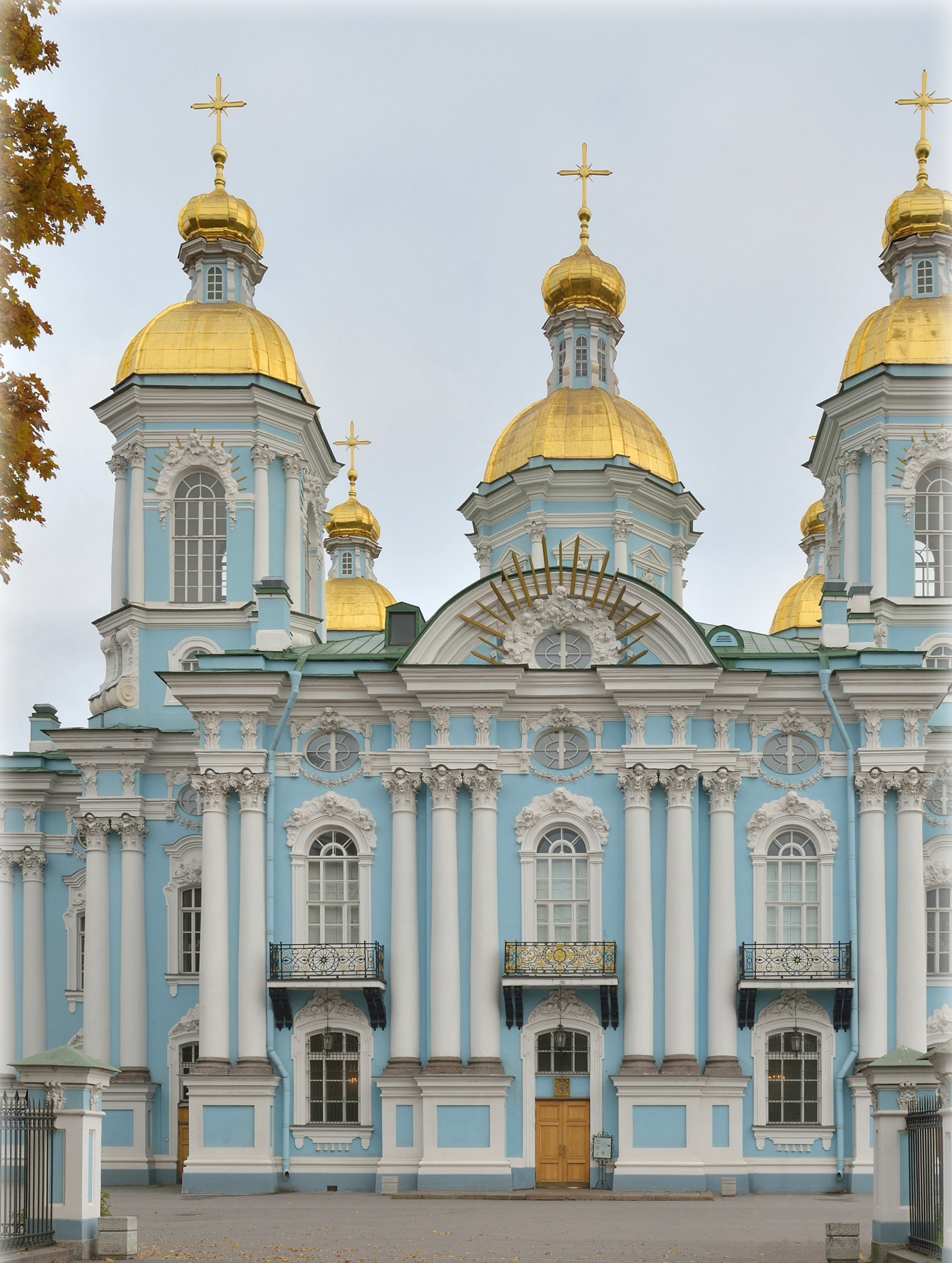
* Наличными без регистрации в системе через платежные терминалы, банкоматы (<http://bit.ly/1oRXJrg>) или кассы розничных сетей (<http://bit.ly/1SKYG7i>)

** Все способы пополнения (перевода) — <http://bit.ly/1RseW1j>

Номер кошелька:
4100110504454228

* Пополнение с любых банковских карт, в терминалах и банкоматах, переводы — <https://money.yandex.ru/to/4100110504454228>

*Никола-Богоявленский Морской собор
Санкт-Петербурга*